И 431/346

200705544

ОПЫТЫ

ВЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

И 431/346

ОПЫТЫ

ВЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВОСПИТАННИКОВЪ

ГИМНАЗІЙ БѢЛОРУССКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

НАПЕЧАТАННЫЕ

ПО ПРИКАЗАНІЮ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ВИЛЬНА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ѲЕОФИЛА ГЛИКСБЕРГА ТИПОГРАФА БѢЛОРУССКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензуру узаконенное число экземпляровъ. Вильна 15 Іюля 1839 года.

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ
Иванъ Вашкевичъ.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
83459-46

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Собранныя здѣсь сочиненія написаны были воспитанниками для однихъ своихъ преподавателей, безъ всякой мысли о напечатаніи. Верхъ славы для нихъ составляла похвала наставника и надежда обратить на себя вниманіе ближайшаго Начальства. Но въ августѣ прошедшаго 1838 года Бѣлорусскій Учебный Округъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Господина Министра Народнаго Просвѣщенія. Дѣтскія мечты и мысли, повѣряемыя прежде однимъ наставникамъ, представлены были Высокому посѣтителю, какъ плоды успѣховъ въ отечественной Литературѣ.— Русское сердце нашло въ этомъ говорѣ дѣтей родной отголосокъ, а прозорливый умъ замѣтилъ благородный порывъ юнаго по-

колѣнія воскресить умершій языкъ своихъ предковъ. Дабы показать юнымъ питомцамъ, какое заботливое вниманіе обращаетъ на нихъ Правительство, Его Высокопревосходительству угодно было приказать— лучшія изъ представленныхъ Ему сочиненій напечатать а за отличнѣйшія изъ нихъ наградить сочинителей золотыми и серебряными медалями. — Между тѣмъ изданіемъ въ свѣтъ собранныхъ здѣсь упражненій не одному Правительству, но и всей читающей публикѣ предоставляется возможность видѣть и судить, какъ оторгнутая нѣкогда часть соотечественниковъ нашихъ начинаетъ сближаться съ дорогою своею отчизною, и какъ молодое поколѣніе, пробужденное Русскими звуками отъ долговременнаго усыпленія въ нѣдрахъ чужбины, вдругъ начинаетъ узнавать языкъ своихъ предковъ и усвоиваетъ его себѣ душой и сердцемъ. Явленіе отрадное, поразительное въ Исторіи Русской Литературы.

Но вполнѣ оцѣнить это явленіе можно тогда только, когда мы вспомнимъ, какимъ образомъ Русскій языкъ погасъ на западѣ нашего отечества; и какъ этотъ единоплеменный и единовѣрный намъ край такъ прихотливо оттторгнутъ былъ отъ родной ему половины восточной.

Кто читалъ Исторію нашего отечества, тотъ не можетъ не вспомнить, что до вступленія Ягеллы на престолъ Королей Польскихъ въ концѣ XIV столѣтія, вся западная половина отечества нашего, или такъ называемое тогда Великое Княжество Литовское, ни чѣмъ не отличалось отъ областей и Княжествъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи. Оно было только подъ властію другой владѣтельной династіи, и хотя называлось не Русскимъ именемъ, но не имѣло въ себѣ ничего чужеземнаго. Племя Литвы, изъ котораго произошли его Государи, составляло самую малѣйшую часть ихъ владѣній. Оно заключалось лишь въ нѣсколькихъ Уѣздахъ нынѣшней Виленской

губерніи, и какъ племя языческое безъ понятія о гражданственности, не могло имѣть никакого вліянія на народъ, покоренный его Князьями. Это вліяніе тѣмъ болѣе было невозможно, что Государи ихъ, вступая въ брачные союзы съ потомками Св. Владиміра, сами заимствовали отъ нихъ Русской языкъ и Русскую вѣру. Таковъ же почти характеръ всей Литовской Руси былъ и въ продолженіи слѣдующихъ двухъ столѣтій, когда родъ Гедимина владѣлъ короною Пястовъ— Польша во все это время была для нея совсѣмъ чужимъ Государствомъ. Литва перестала только по прежнему смотрѣть на нее, какъ на враждебную націю, но никакъ не хотѣла составлять съ нею Государства нераздѣльнаго. По этому до конца XVI. столѣтія во владѣніяхъ потомковъ Ягеллы, внѣ предѣловъ Польши все еще оставалось Русскимъ и по нравамъ и обычаямъ, и вѣрѣ и языку. Исключеніе составляли одни природные Литовцы и небольшое число фамилій,

увлеченныхъ Лапинскимъ духовенствомъ и политическимъ значеніемъ при Польской коронѣ. Но когда послѣ 1572 года весь западъ Россіи слился съ Польшею въ одно Государство, тогда Русская народность должна была исчезнуть во всемъ краѣ. Главными истребителями ея были Унія и перешедшее въ руки Каполическаго духовенства воспитаніе юношества.

Этотъ періодъ времени можно назвать временемъ перерожденія западнаго края въ отечествѣ нашемъ. Примкнувши къ Государству почти чуждому для него по языку, вѣрѣ, нравамъ и обычаямъ, онъ долженъ былъ измѣнить весь свой бытъ народный. Дабы получить полныя права Гражданства въ новомъ своемъ отечествѣ, онъ долженъ былъ разорвать всѣ священныя узы, соединявшія его съ предками, сгладить всѣ черты своей народности, принять другіе законы, забыть языкъ, даже перемѣнить вѣру. Напрасно Литовскій Статутъ,

этотъ послѣдній свидѣтель прежней національности, напоминалъ о неприкосновенности правъ и языка предковъ; напрасно твердые волею и крѣпкіе любовію къ родной сшаринѣ боролись со вторженіемъ въ ихъ край чуждаго быта народнаго. Споръ ихъ былъ слишкомъ неравенъ противъ разрушительнаго духа времени и непреодолимаго напора двухъ столѣтій. Длинный рядъ годовъ сгладилъ все, что желалъ уничтожишь духъ нетерпимости съ пылкимъ разгаромъ сшрастей. И когда потомъ настало время соединенія запада съ роднымъ ему востокомъ, они едва узнавали другъ друга. Позднѣйшія поколѣнія на западѣ, такъ плотно спаялись съ чужимъ для нихъ отечествомъ, что вся его народность сдѣлалась для нихъ какъ будто бы родною. Прежняя вѣра для многихъ стала даже ересію; а языкъ предковъ, заклейменный презрѣннымъ названіемъ языка *Хлопскаго* остался въ наслѣдіе одному убогому классу народа. Но

и въ этомъ народѣ не ищите ни Русской бодрости, ни Русской жизни и смѣшливости; двухъ-вѣковые перевороты истощили всѣ почти и физическія силы его и умственныя. Послѣ сего не удивительно, что въ концѣ прошедшаго вѣка и даже въ началѣ настоящаго столѣтія трудно было убѣдить молодое поколѣніе, что оно составляло и должно составлять нераздѣльную часть великаго Царства Русскаго. Одна вѣрная Исторія и благодѣтельныя мѣры воспитанія общественнаго могутъ перемѣнить въ возрастающемъ поколѣніи ошибочныя понятія объ отечествѣ.

Но всѣмъ этимъ перемѣнамъ суждено было совершиться только въ наше время, въ мудрое царствованіе ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I. Съ 1834 года дано въ здѣшнемъ краѣ воспитанію юношества направленіе новое, спасительное какъ для семейнаго счастія, такъ и для благодѣйствія народнаго. Молодое поколѣніе съ открытою душою идетъ на встрѣчу се-

му обновленію; и вотъ первые плоды, которые принесло оно на алтарь своего отечества, какъ жертву чистую и непорочную! Конечно эти попытки дѣтей въ отечественной Литературѣ слишкомъ далеки отъ совершенства; и если-бы онѣ были слѣдствіемъ многолѣтнихъ трудовъ и тяжелыхъ усилій, то могли бы даже остаться совершенно незамѣтными; но созрѣвши вдругъ и излившись изъ глубины души, они невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе наблюдателя. Въ 1834 году все воспитывающееся юношество Литовскаго края начинало только, такъ сказать, учиться Русской азбукѣ; въ 1838 году оно представляетъ произведенія пера своего, въ которыхъ проглядываютъ оттѣнки слога, а можетъ быть и зародыши славныхъ писателей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГИМНЪ БОГУ.

Дерзну ли славить, о Іегова!
Тебя я въ слабости моей?
Въ лицѣ единомъ Трисвятаго,
Творца небесъ, земли, морей!
Твое величье непонятно,
Но говоритъ мнѣ сердце внятно
И всей Твоей вселенной ликъ:
Я прахъ земли,— а Ты Предвѣчный!

Я бренна тварь; Ты Безкопечный!
И сколь я малъ, столь Ты великъ.

Алмазный весь Твой вѣчный тронъ,
Унизанъ яхонтомъ, сапфиромъ,
Стократъ яснѣе солнца онъ....
Какъ міріады звѣздъ надъ міромъ
Слились въ гармоніи святой;
Такъ вѣковою чередой
Вокругъ Тебя сонмъ безтѣлесныхъ
Напѣвомъ ангельскимъ своимъ
Поетъ Тебѣ, о Боже! гимнъ:
Святый, Святый, Святый Царь Вѣчныхъ.

Равно Ты щедръ ко всемъ твореньямъ,
Равно Ты зиждешь благо всѣхъ:
Однимъ лишь воли мановеньемъ
Въ началѣ дѣлъ даешь успѣхъ,
По всюду окомъ проницаешь,
Даришь, лелѣешь, и прощаешь,
Одно Твое, одно хотѣнье —
И надъ мірами судъ свершенъ,
И нѣтъ другихъ Тебѣ препонъ —
Препона лишь долготерпѣнье!

Р. Зацвилиховскій. Минск. Гим.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Облакъ черный, мглой одѣтый,
Ниспускается къ землѣ,
И лучами дня согрѣтый,
Брызжетъ молніей во мглѣ.

Такъ летѣла изъ далека
Къ намъ туманная молва —
Ближе, ближе, вдругъ жестоко
Разразилася въ слова:

Нѣтъ Поэта! рокъ свершился
Опустѣлъ родной парнассъ,
Пушкинъ умеръ — Пушкинъ скрылся,
И на вѣкъ покинулъ насъ.

Сѣверъ, Сѣверъ! гдѣ твой Геній?
Гдѣ пѣвецъ твоихъ чудесъ?
Гдѣ виновникъ наслажденій,
Гдѣ твой Пушкинъ? онъ исчезъ....

Такъ, исчезъ онъ — духъ могучій,
И землѣ онъ измѣнилъ,
И вознесся выше тучи,
И взлетѣлъ туда, гдѣ жилъ!

Онъ наскучилъ жизнью бренной,
Разлюбилъ коварный міръ;
Съ мыслью смѣлой и надменной
Скрылся въ выспренній эѳиръ.

А. Керсновскій. Мин. Гим.

КОЛМАРЪ И ОРЛА.

ДРЕВНЕЕ ШОТЛАНДСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

(МЫСЛЬ ИЗЪ БАЙРОНА.)

I.

Кипитъ, шумитъ Любаръ волнами,
И дѣлитъ свѣтлый лугъ собой,
И подъ крутыми берегами
Журчитъ прозрачною струей.
Прибрежныхъ вербъ густыя сѣни
Зовутъ прохожихъ къ сладкой лѣни;
Но, дочерь Стиксовыхъ зыбей,
Вражда — разрозшила людей!
За рѣчкой скатертью широкой
Простерся злачный, ровный долъ:
Его давно не топчетъ волъ,
Не будитъ пахарь одинокій;
На немъ Локлинскіе сыны,
Шатры, какъ холмы, размстали;
Тамъ горъ пѣвцы заглушены
Брянаньемъ гибельныя стали,
И свѣтъ денницы золотой,
Померкъ отъ брони огневой.

II.

Передъ изгибами Любара,
На полѣ выбѣжалъ кургашъ,
На немъ Морвены грозный станъ —
Гремящій славою Колмара;
Вокругъ угрюмыя скалы
Глядятъ въ Любаровы валы;
Съ нихъ дико смотритъ лѣсъ печальный,
И плющъ катится погребальный.
На станъ Морвены ночь легла,
Суровый край одѣла мгла;
И въ станѣ дубы запылали;
И озарился мрачный лѣсъ,
И звѣзды сумрачныхъ небесъ
Землѣ померкшей отвѣчали.
Уснули вражіе шатры;
Порой погасшіе костры
Мелькнутъ — освѣтятъ ночь нѣмую
И спящихъ броню золотую.

III.

Сваранъ, Морвены властелинъ,
Въ глухую ночь не спитъ одинъ:
Съ дешницей красною судьбина
Морвены мечъ на край Локлина

Подымет грозною рукой;
Сварнъ, тревожимый тоской,
Глядитъ на небо голубое:
Гуляетъ море и шумитъ,
Востокъ мерцающій горитъ,
Играетъ пламя-золотое;
Но станъ Локлинскій сонъ тягчитъ —
Онъ мглою утренной покрытъ
Какъ память прежняго забвеньемъ.
. . . . . .

IV.

И вотъ суровый царь Сварнъ,
Взглянувъ на спящій вражій станъ,
Дружину вѣрную сзываетъ:
„Кто чада сѣверныхъ степей,
Подъ звономъ вражескихъ мечей
Ударъ сильнѣе отражаетъ?
Явись!“ — Конпаловъ мощный сынъ,
Колмаръ, идетъ идетъ къ нему одинъ;
Какъ буря мрачны щитъ и броня;
Его угрюмое чело
И страхъ, и смерть врагамъ было;
Стрѣла погибельна въ погонѣ,

Рука вѣрна, мечь не дрожитъ,
Его смерть злая сторожитъ;
Но дружба нѣжная связала
Колмара съ Орлой молодымъ
Отважнымъ, пылкимъ, удалымъ
И дружнымъ съ лезвіемъ металла.

V.

„Иди Колмаръ — сказалъ Сваранъ,
Иди въ Локлина спящій станъ,
Узнай, развѣдай — и съ зарей
Пойдемъ карать враговъ войной!
Иди герой! когда твой щитъ
Подъ кровомъ ночи зазвучитъ
И гласъ въ дубравѣ отзовется,
Тогда взыграютъ средь полей
Знамена сѣвера дѣтей —
И рать Морвены понесется.
Но еслибъ смерть ты встрѣтилъ тамъ,
То знай что храбраго могила
Потомкамъ дальнимъ и вѣкамъ
О грозной славѣ бъ говорила!“
— Одинъ ли ты пойдешь Колмаръ?
Сказалъ сынъ Моры свѣтлоокій:

. . . . . .

. . . . . .

Л Орлинъ мечъ и Орлинъ щитъ
Давно ужъ ржавчиной покрытъ;
Рука разить уже забыла;
Ты помнишь, прежде мы съ тобой
Дѣлили вѣкъ нашъ золотой,
Раздѣлимъ же теперь могилу!
— Нѣтъ Орла! пусть Колмаръ одинъ
Успетъ средь вражескихъ долинъ;
Я не хочу чтобы слеза
Затмила Морины глаза,
Чтобъ Мора гробъ твой одинокій
Увидѣвъ, тѣнь мою кляла:
„Его увлекъ Колмаръ жестокій
Въ пучину гибельнаго зла“ —
— Пойду Колмаръ, пойду съ тобой!
Когдажъ подъ вражею стрѣлой
Падешь одинъ между рядами,
То пусть мой мечъ и твердый щитъ
Въ дому отцовскомъ не виситъ;
Пусть Барды вѣщими струнами
Меня вѣкамъ не предадутъ,
Когда на гробъ твой не падутъ

Враги отъ Орлина удара!

. . . . . .

VI.

Колмаръ и Орла въ станъ Локлина
Пошли поспѣшною стопой.
Уже подъ раннею зарей
Дымится влажная долина:
Одѣтый въ утренній туманъ,
Какъ полусонный великанъ,
Стоитъ безмолвно вражій станъ;
Здѣсь тихо вѣетъ шлемъ пернатый,
А тамъ усталою рукой,
Обманутъ сонною мечтой,
Хватаетъ воинъ мечъ и латы;
А здѣсь, раскинувъ члены, спитъ
Могучій воинъ межъ рядами,
Стальной шеломъ при немъ лежитъ,
А вѣтръ играетъ волосами:
Колмаръ къ нему — недвижно сталъ,
Его рука на мечъ упала,
И взоръ перуномъ запылалъ,
И ярость въ сердцѣ заиграла,
И мечъ зарѣялъ надъ главой:
Уже ударъ готовъ свалиться,
Уже смерть жертвой веселится

И блещетъ радостно косой;
Но рыцарь молвитъ — „я не тать,
Чтобъ жизнь украдкой похищать.
Возстань Матонъ! я сынъ Коннала,
Предъ кѣмъ рать ваша трепетала
И кто подъ бурею ночной
Злодѣйски палъ передъ тобой!
Возстань! — возми твой щитъ и латы
И мечъ утопленный трикраты
Въ крови геройскія груди!
Возстань! сразись теперь со мною!
Я кровь Конналову омою
И ты въ могилу низойди!“

VII.

На гласъ Колмара громовой
Ряды Локлинцевъ вдругъ возстали
И ужъ надъ храброй головой
Мечи и копья заблистали;
Ужъ шлемъ разпался отъ удара,
Но Орлинъ щитъ покрылъ Колмара —
И онъ вдругъ вспыхнулъ, закипѣлъ —
И палъ Матонъ на груду тѣлъ.
Два друга сильными руками,
Между Локлинскими рядами,

Перупы сѣяли какъ градъ;
По вотъ нахлынулъ новый рядъ
И рухнулъ Орла свѣтлоокій!
Колмаръ одинъ — какъ грозный валъ,
Шумитъ, ревetъ, главу вздымаетъ,
Недвижный берегъ поражаетъ
И тонетъ въ морѣ голубомъ —
Колмаръ съ изрубленнымъ челомъ
Летитъ на копья; сильный мечъ
Успѣлъ напоръ его пресѣчь —
И грянулъ витязь утомленный.
. . . . . .

VIII.

Всходило солнце золотое;
Погасли звѣзды въ берегахъ;
Проснулось море голубое
И пѣснь отгряпула въ лѣсахъ;
Но поле бранное молчитъ:
Порою вѣтеръ своенравный
Повѣетъ въ темныя дубравы
И кудри мертвыхъ шевелитъ
И будитъ блѣдныя ихъ лица,
Порою робкая горлица

Садится бережно на щитъ,
И въ очи мертвому глядитъ.

IX.

На злачномъ берегѣ Любара
Могила Орлы и Колмара;
Надъ ней вязъ трепетный шумитъ:
Ее никто не навѣститъ,
Никто не придетъ погрустить
На тихую друзей гробницу;
Все мертво тамъ — порою птица
Поетъ уныло предъ луной,
И странникъ робкою стопой
Нарушитъ дола сонъ нѣмой.
Когдажъ подъ теплыми лучами
Растаютъ зимніе снѣга,
Любаръ игрывыми струями
Затопитъ ближніе луга;
Тогда, какъ лебедь бѣлый въ полѣ,
Красой гордящійся своей,
Гуляетъ бодрый валъ по волѣ,
Лобзая камень двухъ друзей. —

И. Осповецкій. Вил. Двор. Инст.

ПОЛТАВА.

Ударилъ часъ, назначенный судьбами,
Враждебный рокъ Герою измѣнилъ,
И Льва разсвирѣпѣвшаго сразилъ
Орелъ могучими крылами.
Гордись, гордись безсмертная Полтава!
То на твоихъ прославленныхъ поляхъ
Развѣялъ штыкъ нашъ Шведовъ прахъ
И Русскихъ возсіяла слава.

Уже на закатѣ огни запалились,
Ужъ солнце за темный склонилося лѣсъ,
И въ сводахъ эѳирныхъ туманы сгустились,
Земля задремала въ объятьяхъ небесъ:
И мгла надъ угрюмымъ простерлась курганомъ,
И шумная стихла рѣчная волна;
На небѣ одѣта вечернимъ туманомъ
Царица полночи сіяетъ луна.

Подъ покрываломъ мглы туманной
Шатры бѣлѣютъ надъ рѣкой,
И воины въ одеждѣ бранной
Стоятъ поникнувши главой.

Вперивъ въ лазурь небесну взоры,
Сынъ Швеціи воспоминалъ
Родимые лѣса и горы
И цѣпи голыхъ, дикихъ скалъ.
Предчувство мрачно волновало
Безтрепетный Герол умъ,
И сердце грустно замирало
Въ волненьи безнадежныхъ думъ.

Вдругъ къ небу ночному взвился вихръ летучій
Подернувшій рябью сѣдую волну,
И грозно сбирался мрачныя тучи,
Густой пеленою обвили луну.
Все замерло, стихло .. вдругъ молнья сверкнула
И заревомъ вспыхнулъ сводъ мрачный небесъ;
Мгновенье — и въ тучахъ она утонула,
И пламень небесный съ ней вмѣстѣ исчезъ —
Все снова затихло... чу! рокотъ разлился
Средь облаковъ мрачныхъ въ сгустившейся мглѣ,
И ливьмя дождь крупный на землю пизлился;
Герои проснулись на голой землѣ.

Вѣтры воютъ, молньи блещутъ,
Громъ рокочетъ въ небесахъ;
Звѣзды въ мглѣ то затрепещутъ,
То исчезнутъ въ облакахъ.

По что омрачаетъ взоръ Шведовъ угрюмый?
Ихъ сердце стремится въ туманную даль;
На пасмурныхъ челахъ унылыя думы,
И душу ихъ тяжко сдавила печаль.

По вотъ! ударъ послѣдній грянулъ
Рѣдѣетъ вдругъ туманъ густой
И мѣсяцъ изъ за тучи вспрянулъ,
И засіялъ надъ вышиной.
Взвился орелъ съ побѣднымъ кликомъ,
Повисъ на небѣ голубомъ;
Блѣднѣя, съ омраченнымъ ликомъ
Луна сокрылась за орломъ.

Едва лишь зарница сквозь мглу проглянула,
И Сиріусъ огненный въ небѣ исчезъ,
На свѣтломъ востокѣ вдругъ чтото мелькнуло
И солнце взыграло на сводѣ небесъ.

Вдругъ ужасный гулъ раздался,
Пули съ свистомъ пронеслись,
Лѣсъ уныло зашатался,
Долъ и холмы потряслись.
Вотъ ряды сошлись съ рядами;
Бой смертельный закипѣлъ,

Полилася кровь ручьями,
Воздухъ пламенемъ зардѣлъ.

По кто сей витязь грозный въ брани?
Кто сей могучій исполинъ,
Съ мечемъ булатнымъ въ сильной длани?
То Петръ— Россіи властелинъ!
Еще бой грозный свирѣпѣетъ;
Еще напъ штыкъ враговъ разилъ;—
По вотъ ударъ, и Карлъ нѣмѣетъ,
И Петръ Великій побѣдилъ!

Н. Зайцевъ Минск. Гим.

СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА.

Не бурл грозная бунтуетъ и шумитъ,
Не волны моря ходятъ разсыпныя,—
Шумятъ толпы наѣздниковъ густыя,
Ихъ непреклоненъ непокорный видъ;
Отважны, горды ихъ сердца младыя,
Толпа безумныхъ мужествомъ кипитъ,
Гдѣ ступитъ — слѣдъ угрюмый разрушенья.
Пройдетъ въ странѣ — страна добыча тлѣнья,
Гдѣ станутъ — высь пожарами горитъ.
И лучъ еще не скоро избавленья
Зарей отрадной міру заблеститъ;
Но между тѣмъ ужъ бьетъ часъ грозный мщенья,
И вдругъ гроза отъ сѣвера идетъ,
Весь міръ въ тревогѣ и смущеньи ждетъ...
И вотъ надъ нимъ витаетъ духъ паденья!.

И вотъ онъ палъ; и далеко летѣлъ
Слухъ о его паденіи несчастный,
А между тѣмъ къ скаламъ пустыннымъ при-
ставалъ
Тотъ Геній злобный и ужасный;
Взгляните, какъ чело ужасно и блѣдно,
Какъ будто саваномъ оно облечено,

Взгляните, какъ безумно страшны очи,
Какъ будто молніи въ черныхъ тучахъ ночи;
Недвижно руки сложены крестомъ,
Ужасно сдвинуты нахмуренныя брови,
Какъ блѣденъ ликъ! такъ кажется, что въ немъ
Ни въ сердцѣ, ни въ лицѣ ужъ нѣтъ ни капли крови;
Какъ страшенъ онъ! Но онъ молчитъ,
И вѣрно мысль его страшнѣе,
Какъ птица по волнамъ корабль къ землѣ летитъ;—
Но вѣрно мысль его летитъ еще быстрѣе!—
Вздымаются валы и стонутъ, и шумятъ,
Какъ будто въ честь ему, нѣмыя укоризны;
Но взоръ орла и мысль его летятъ
Далеко чрезъ моря къ брегамъ его отчизны...
А между тѣмъ темнѣетъ неба сводъ
И звѣзды ярко въ сумракѣ зажглися,
Густыя облака къ закату унеслися,
Задумчиво луна на синевѣ встаетъ...

А онъ съ чела стиралъ холодный потъ,
И помертвѣвшая рука его дрожала,
Какъ въ часъ, когда судьба гиганта оставляла—
И вотъ къ груди склонилась голова,

Какъ бы мечтой державной утомлся;
И волосы сплелись вокругъ чела, клубясь;
И жизнь въ немъ замерла, и бытія въ немъ нѣтъ;
Предъ нимъ безжизненъ весь огромный свѣтъ.
И вотъ предъ нимъ скала изгнанья;
Какъ много онъ волнамъ повѣритъ тяжкихъ думъ,
Какъ много вытерпитъ его высокій умъ,
Какъ тяжелы ему здѣсь будутъ вспоминанья
Величія, грозы, и муки и терзанья!
Но онъ безмолвенъ, лишь валы шумятъ,
Вокругъ друзья и спутники изгнанья
На ликъ таинственный задумчиво глядятъ;
А онъ, смотрите, какъ онъ взоромъ мѣритъ волны
И надъ скалами вдохновенья полный,
Внимая бурь и вѣтра шумъ,
Онъ хочетъ выразить избытокъ тяжкихъ думъ!
Дни мчатся, на скалы находитъ ночь съ грозою
И молніи во мглѣ играютъ съ вышиною.
Шумятъ валы и мѣсяцъ вдругъ исчезъ,
На островъ съ горъ буруны налетали
И сосны мрачныя на корняхъ трепетали,
Знать что то страшное готовитъ гнѣвъ небесъ.

Вотъ слышенъ звонъ полночи; на постели
Лежалъ пришлецъ, изложенный тоской;

Онъ слышалъ, какъ вдали буруны свирѣпѣли,
Но на лицѣ начертанъ былъ покой,
И межъ тумановъ шумной непогоды,
Межъ тучами искалъ попутной онъ звѣзды,
И на одрѣ уже онъ спрашивалъ природу,
Что сбудется здѣсь съ нимъ за волю и труды:
Но смерть впилася въ грудь героя,
Безмолвіемъ окованы уста;
Не здѣсъ ужъ для него міръ счастья и покоя,
И не свершится ужъ высокая мечта.—

Ударилъ часъ; волнуется природа,
Напоминая свой таинственный законъ;
Онъ человѣкъ теперь!.. Какъ поздно понялъ онъ,
Что онъ лишь человѣкъ! что мыслей непогода
Грозна, и что страстей ужасная борьба,
Такъ гибельна, а воля такъ слаба!
Но онъ узналъ... и смерть уже готова;
Ахъ, смерть страдальца тягостна, сурова!
О кто здѣсь на землѣ такъ жилъ, и такъ страдалъ,
Кто захотѣлъ обнять огромную природу,
И вытерпѣлъ страстей ужасныхъ непогоду;
Кто для безсмертья небо презиралъ,
Кто самъ судьбой дерзнулъ предстать народу,
И шелъ, куда его злой жребій влекъ,

Тотъ здѣсь читай убійственный урокъ!
Взгляните, ужъ погасли очи,
Не бьется грудь и въ сердцѣ холодно,
И тамъ, гдѣ столько разъ терзалося оно,
Тамъ разпростертъ покровъ всегдашней ночи..
Вокругъ друзья съ безмолвною тоской
Глядѣли; на одрѣ покоился герой,
А надъ землей гроза еще кипѣла,
И море въ берегахъ таинственно гремѣло,
И островъ отъ грозы дрожалъ.

Онъ палъ. Довольно онъ, живя, страдалъ,
Теперь въ могилу онъ глубоко уложился
И тамъ съ судьбой за гробомъ примирился.
Ужъ ночь надъ островомъ; опять взошла луна,
Дрожащій вѣтеръ плачетъ надъ могилой,
Надъ гробомъ тихо льется гласъ унылый
И небо въ тучахъ; въ высотѣ темнѣетъ
Огромная въ сѣдомъ туманѣ тѣнь,
И мрачно смотритъ на ночную сѣнь
. . . . . .
Какъ будто о землѣ еще она жалѣетъ.

Н. Зайцевъ, Минск Гим.

ЦАРЕВИЧЬ ДИМИТРІЙ.

(ДУМА)

Прелестнаго Мая ужъ пологъ ниспалъ
На рощи, долины, златистыя нивы;
Въ кустарникахъ лѣта пѣвецъ разливалъ
Серебряныхъ пѣсней своихъ переливы;
Вотъ яркое солнце, какъ огненный щитъ,
Пылаетъ надъ Углича небомъ лазурнымъ,
И Волга тумящія волны катитъ,
Вздымая грудь грозно надъ берегомъ бурнымъ,—
Царевичь Димитрій, съ улыбкой въ устахъ,
Любуется новою жизнью природы,
Какъ птицы рѣзвятся въ зеленыхъ кустахъ,
Какъ съ ропотомъ мчатся глубокія воды,
И дума младенца, какъ птичка, паритъ,
Далеко, надъ градомъ, въ пространствѣ эѳира;
Природа невинную душу манитъ,
А взоръ упивается прелестью міра.—
Но прежде чѣмъ солнце потухнетъ вдали,
Чѣмъ риза ночная падетъ на вселенну,
Свершится ужасный ударъ на земли,
Злодѣи младенца прольютъ кровь невинну.

И няня дитяти недвижно стоитъ,
Угрюмыя очи вперивъ на младенца:

Ей совѣсти голосъ внутри говоритъ,
Зачемъ предала ты Димитрья убійцамъ?
— Мнѣ что то такъ грустно, сей молвитъ дитл:
Она же предчувствію будьто дивится,
Въ ней сердце трепещетъ бунтуетъ душа,
И гибель злодѣйкѣ Царевича мнится.
Предсталъ вдругъ убійца — въ немъ чувства по-
жаръ,
Жжетъ дикое сердце, сжимаетъ всѣ жилы.
Свершилось!... злодѣя смертельный ударъ
Повергъ беззащитнаго Князя въ могилу:
Невинную грудь пронзилъ вмигъ кинжалъ!
Въ младенчества цвѣтѣ прекрасномъ, чудесномъ,
Царевичъ завистниковъ жертвою палъ,
Душа улетела въ обитель небесну.

Л. Площинскій. Вил. Двор. Инст.

ВОСПОМИНАНІЯ ВОИНА.

Не бѣлая лебедь, вечерней порой,
На Стримонѣ сирую пѣснь допѣваетъ:
То, вскормленный бранью, воитель сѣдой
Забытую славу свою вызываетъ:
„Минули тѣ годы, какъ Русскій булатъ
Гулялъ, ненасытный, межъ вражеской ратью;
Какъ пули, бывало, и ядра свистятъ,
И будятъ на битву усопшую братью!
Когда удалой,
Съ безстрашной толпою,
Летѣлъ я грозою,
На вражескій строй!
Минули тѣ годы, какъ — въ стремѣ нога —
Ялѣлилъ въ противныхъ погибельнымъ громомъ,
„Лети моя пуля! мѣть въ сердце врага,
Оно тебѣ будетъ безвыходнымъ домомъ!“
И пуля летитъ,
И грудь ужъ пробита,
И сердце разрыто,
Сраженный лежитъ.
Минули тѣ годы, какъ дѣти войны
Потоки и рѣки врагами прудили;

Сердитую пѣсню я слышалъ волны,
Когда ея ложе пришельцы мутили.
И гнѣва полна,
Играя и вой,
Пол-рати героя
Пожрала она!
Минули вы годы! Но я не забылъ
Ни грозныхъ перуновъ, ни яркой зарницы:
На грудь мою много васъ мечъ зарубилъ —
Могучая надпись могучей десницы!
Въ кипучемъ огнѣ,
Какъ славы скрижали,
Враги ея дали
За мужество мнѣ!
И гдѣ жь моя слава? куда вы ушли,
Куда вы такъ скоро умчались, годы?
Не въ дальнюю-ль вѣчность молву понесли —
Какъ гибли въ отчизнѣ пришельцы народы?
Отъ нашихъ вѣковъ
Листокъ оторвите,
И въ даръ отнесите
Громадѣ вѣковъ!“

Такъ воинъ говорилъ, и слушая героя,
На поле ратное, на пиръ кровавый бой
Я жажду полетѣть!

Подъ грохотомъ громовъ проснется спящій геній,
Возьму я мой булатъ, свирѣль для пѣснопѣній
И въ битвѣ буду пѣть!
И грозна будетъ пѣснь моя на полѣ сѣчи,
И мирно зазвучитъ подъ кущею она,
Туманна вечеромъ, съ денницею ясна,
И бурна, съ бурею кипуча въ смѣлой встрѣчѣ!

Туда, туда! тамъ будутъ новы мнѣ:
Тревога бранная, стремленье грозной рати,
Взываніе враговъ въ погибельномъ огнѣ,
Перунъ всерушащій и стоны падшихъ братій!
И какъ узнать? — быть можетъ пѣснь моя
Умретъ со мной навѣкъ, неконченная, въ брани!
Быть можетъ я паду отъ вражескія длани,
Скитаясь началъ жизнь — скитаясь кончу я.

И. Оссовецкій. Вил. Двор. Инст.

СМЕРТЬ ОРФЕЯ.

Бурныя волны метались и съ ревомъ гонялн
другъ друга;
Грозное небо ярилось, и молнья ужасно сверкала;
Черныя тучи нависли въ эѳирѣ какъ тартара сво-
ды;
Гема вѣнецъ колебался и Гебръ волновался сер-
дито;
Дубы дебелые гнулися, кланялсь вѣтрамъ могу-
чимъ:
Мшистыя скалы, гремя упадали въ шумящее морс;
Въ мрачномъ Эребѣ, казалося, міръ погрузился
унылый,
Словно преступникъ громами могучаго Зевса
сраженный.
Вотъ раскатился гласъ лиры и пѣсня помчалась
по вѣтру —
Смолкнулъ гласъ бури, и ночь, изумяся, внимаетъ
Орфею;
Сталъ неподвижно по гнѣвному небу катяся
громъ ярый;
Молнья боялась погаснуть, багрѣя пылала въ эѳи-
рѣ;

Море отхлынуть не смѣло, грудь поднявъ, не-
движно стояло;
Слушала пѣсню Орфея природа въ восторгѣ
священномъ.
Радостно вѣтки шептались и птицы слеталися
слушать,
Камни смягчались и тигры не жаждали крови
невинныхъ!
Вдругъ жрицы Вакха, тая въ ущеліяхъ мра-
чныхъ,
Съ дикими криками въ бѣшенствѣ бросились
къ лирѣ—
Лира замолкла; — и съ звукомъ послѣдняго тона
Юность Орфея угасла! Смутилась природа!
Гебра сердитыя волны приняли главу отторженну;
Скиѳіи степи и Гетовъ лѣсистыя дебри
Плачутъ, сливая рыданія съ шумомъ печаль-
нымъ Эгея.

И. Осссовецкій. Вил. Двор. Инст.

М О Р Е.

Что ты стонешь, море синее?
Что волнуешься широкое?
И съ тобою знать, глубокое,
Грусть злодѣйка перевѣдалась,
Какъ со мною сирымъ молодцемъ?
Сердце бьется — хочетъ вырваться,
Духъ мятется — хочетъ вылетѣть, —
Такъ какъ ты мятешься, синее,
Ударяешься о брегъ крутой.

Ты волнуешься какъ жизнь моя;
А при свѣтломъ, ясномъ солнышкѣ,
Затрепещешь тихой радостью.
Еслижъ полдень ризу яркую
Замѣнитъ одеждой бурною —
Ты нахмуришься, запѣнишься —
И твоя долина ровная
Вся покроется курганами,
Словно поле ратью смѣлою!
И курганы тѣ серебристые,
По раздолію широкому,
Не гуляютъ такъ какъ кровные,
А враждуютъ будьто чуждые!

Подрываютъ берега свои,
Подмываютъ скалы грозныя!
Часто молнья перелетная
Озаривъ валы мятежные,
Въ черной безднѣ разсыпается.
Такъ надежда, мать тоскующихъ,
Озлащаетъ думу темную.

И. Осовецкій. Вил. Двор: Инст.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

Десница Вѣчнаго карающія стрѣлы
Мѣтала на страну, гдѣ Понтъ сѣдой кипитъ,
Эгея бурный валъ гдѣ рветъ земли предѣлы,
Гдѣ гордый Иліонъ подъ грудой праха спитъ,
Ѳеосскаго пѣвца родилася гдѣ лира,
И эхо звучное утесовъ и лѣсовъ
Гремѣло пѣснію волшебною Омира,
Гдѣ поле бранное пило Эллиновъ кровь.

Тамъ знойное небо не кроется въ тучи,
Не дышетъ прохладой игривый зефиръ,
Клокочутъ, крутятся тамъ воды зыбучи,
Кровавой денницей затоплепъ эѳиръ;
Тамъ нивы на полѣ, волнуясь, пылаютъ;
Тамъ падаютъ грады, и села горятъ;
Кристальныя рѣки, шипя, высыхаютъ,
И долы и холмы и горы дрожатъ!
Какъ бурное море, подъ страшной грозою,
Мятежныя волны подыметъ горою —
И снова ихъ скроетъ въ нѣмой глубинѣ:
Такъ въ ужасѣ тяжкомъ вселенна трепещетъ—

Гдѣ холмъ красовался — тамъ озеро блещетъ,
Гдѣ башни дремали — тамъ груды однѣ!

И смертные, потупя взоръ,
Скитаются толпами,
Пустыни, рощи, нѣдра горъ
Оглашены мольбами,
Казалось имъ: послѣдній часъ
Пробилъ ужъ надъ землею,
Зоветъ трубы гремящій гласъ —
„Явись передъ Судьею!“
Но вотъ на радужныхъ крылахъ,
Слетаетъ ангелъ мира —
На грѣшныя вселенной прахъ
Ступилъ жилецъ эѳира,
Младенца Сергія поднялъ
Отъ павшаго народа,
Чрезъ степь воздушную помчалъ
Къ перунамъ гнѣвнымъ свода.
И съ нимъ молитвы, скорбный стонъ,
Къ престолу понеслися,
Но вотъ сокрылся въ небѣ онъ,—
Вновь облака слилися.

И тысячи взоровъ вперилися въ высь,
Унеба отрады искали;

Но грозно перуны по небу вились,
И тучи сердито роптали;
И смолкла надежда въ отживших сердцахъ,
И лица и взоры одѣлися въ страхъ!

Печально предъ Богомъ молился народъ,
И горько просилъ онъ могилы:
„Закройте насъ горы иль пропасти водъ,
Да кончимъ мы вѣкъ нашъ унылый!“
Но съ ангеломъ Сергій отъ неба летитъ,
Всѣ чуду дивятся — дитя говоритъ:

Видѣлъ я Дѣдушку — старенькій, блещетъ въ сіяньи,
Что твое солнце! — Власы его свѣтятся ясно;
Ласковый, добрый, онъ взялъ меня за руку тихо.
„Любо ли, молвилъ, гостить у меня здѣсь, малютка?“
— Любо мнѣ Дѣдушка, сладко тебя повидать здѣсь!
Рекъ я, а онъ улыбнулся, и такъ мнѣ отвѣтилъ:
„Любо, сказалъ ты; но будешь ли добрымъ, повѣдай?
Только вѣдь добрыхъ пускаютъ сюда, а другое есть мѣсто,

Страшное мѣсто, жилище недобрыхъ! — Посмо-
тримъ.“
Шли мы по небу и стали надъ этимъ вотъ солн-
цемъ,
Черную пропасть узрѣлъ я: тамъ много народу; —
Больше чѣмъ насъ здѣсь! а мучатся, бѣдные,
жалко!
Страшно и грустно мнѣ стало, хотѣлось запла-
кать,
Слезы кипѣли, но мнилося, падать боялись!
„Въ небѣ не плачутъ!“ мнѣ Дѣдушка молвилъ
пригожій.
Вновь мы по небу пошли, а за нами и возлѣ
Много прекрасныхъ малютокъ крылатыхъ ле-
тѣло;
Тихо, какъ въ Божіей Церквѣ, прелестную пѣснь
воспѣвали;
Сладостна пѣснь та была! — Ее заучилъ я:

Святый Боже!
Святый крѣпкій!
Святый безсмертный!
Помилуй насъ!

Народъ, рыдая, палъ во прахъ:
И пѣснь отгрянула въ горахъ:

Святый Боже!

Святый крѣпкій!

Святый безсмертный!

Помилуй насъ!

Вдругъ смолкла невзгода
На знойныхъ поляхъ,
Какъ прежде природа
Цвѣтетъ на лугахъ,
И грозное небо
Привѣтомъ блеститъ,
И свѣтлый ликъ феба
Улыбкой горитъ!

И. Осповецкій. Вил. Двор. Инст.

НА ГРОЗНУЮ МУЗЫКУ.

Душа моя мрачна. Играй пѣвецъ младой,
Играй, но берегись будить веселья струны:
Пусть пѣснь твоя звучитъ какъ бранные перуны,
Какъ эхо берега разимаго волной!

Пусть пѣснь твоя звучитъ, — но дико и уныло,
Какъ мысль предсмертная въ бользненной гру-
ди;
Ты знойныя души для чувства не буди —
Пусть спитъ, какъ хладное, угасшее горнило..

Грознѣй, пѣвецъ, грознѣй —! послѣдній звукъ
струны
Пусть будетъ для меня послѣднею мечтою;
Я все покину здѣсь — ее возьму съ собою
И понесу во мракъ загробной стороны.

И долго буду тамъ. Когдажъ съ высотъ эѳира
Небесная труба разбудитъ племена —
Съ послѣднею мечтой я встану ото сна,
И грозно запою на пепелищѣ міра

И. Осссовецкій. Вил.. Двор. Инст.

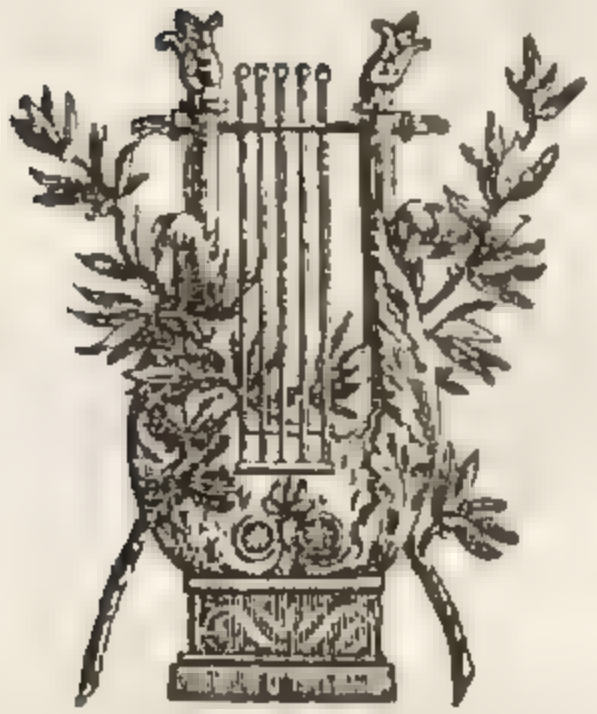
ПѢСНЬ МОРЯКА.

Средь людей
Одинокъ,
Отъ друзей
Я далекъ;
Неба сводъ
На до мной,
Бездны водъ
Подъ стопой;
Полонъ думъ
Моря шумъ;
Вѣтръ бѣжитъ —
Валъ летитъ.
Ужъ далекъ
Брегъ родной!
Островокъ
Предо мной:
Онъ какъ я
Безъ друзей,
Онъ какъ я
Средь морей!

Смерть вѣрна:
Вкругъ волна
И шумитъ
И кипитъ!
Царь свѣтилъ,
Вставъ изъ водъ,
Озарилъ
Неба сводъ;
И въ волнахъ
Онъ горѣлъ,
И въ слезахъ
Заблестѣлъ —
Я молчалъ;
Шумъ морей
Заглушалъ
Пѣснь людей!
Вѣтръ скользитъ
По водамъ,
Валъ бѣжитъ
По валамъ;
Грудь свою
Онъ поднялъ,
И ладью
Размѣталъ!

Вольный китъ
Въ слѣдъ бѣжитъ
За ладьей,
Какъ родной!

П. Осссовскій. Вил. Двор. Инст.



СВЯТОЕ ОЗЕРО.

Равнина водъ бурныхъ, какъ небо синѣетъ
У стѣнъ Могилева на полѣ пустомъ;
Рыбакъ тамъ веселый на лодкѣ не рѣетъ;
Одѣлися желтымъ брега камышемъ.
Все тихо и мрачно, лишь вѣтеръ порою
Изсохшіе стебли травы шевелитъ,
И озеро плещетъ сердитой волною,
И хищная птица уныло кричитъ.
Ни ели печальной, ни сирой березы
Въ пустынѣ угрюмой невидно кругомъ,
Лишь вересковъ засохшій и низкія лозы
Разстлались надъ зыбкимъ и влажнымъ брегомъ,
Преданье вѣщаетъ; тамъ въ давніе годы
И поле и домы и храмы были;
Но бездна разверзлась — и шумныя воды
Ихъ въ хладной пучинѣ своей погребли.

И. Осповецкій. Вил. Двор. Инст.

УКРАИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Свищутъ по бору вѣтры быстрые,
Ходитъ по лугу мгла вечериля,
Гонитъ изъ дому мать дитя свое:
— Ты поди, мой сынъ, въ орду буйную,
Въ орду буйную— въ царство темное,
Принеси ты мнѣ дорогихъ ковровъ'—
„Не пойду туда, мать родимая,
Аль купить мнѣ ихъ головой моей
Безталанною, молодецкою?

Свищутъ по бору вѣтры быстрые,
Ходитъ по лугу мгла холодная,
Кличетъ до дому мать дитя свое:
— Ты поди ко мнѣ дорогой мой сынъ,
Пусть я вымою твою голову,
Приласкаю пусть безпріютную!—
„Меня вымоетъ дождь ненастливый,
„Меня высушатъ вѣтры бурные,
„Приласкаетъ же мать чужа земля!
„Не пойду къ тебѣ, мать родимая!“

Не съ горы крутой рѣчка катится,
Льются слезы- то у сестры его:
—„ Не покинь меня, братъ любезный мой!“—
„Ты возьми сестра горсть сырой земли,
Да посѣй ее на крутой скалѣ,
Павѣщай ее днемъ и вечеромъ,
Проводи у ней зори красныя,
Поливаючи рѣчкой слезною,
Припѣваючи пѣсни горькія:
Коли выростетъ травка шелкова,
Да раскинется цвѣтомъ маковымъ —
Возвращусь я въ домъ родительскій!“

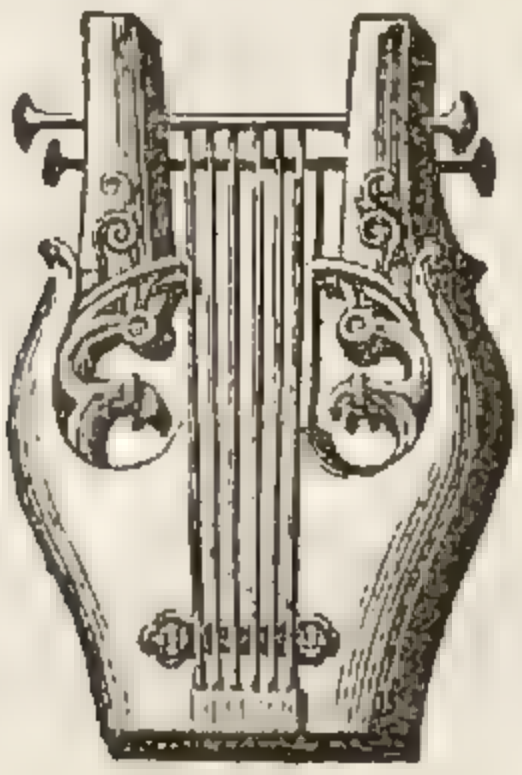
И. Осковецкій. Вим. Де ор. Инст.

БЕРЕЗИНА.

Я зрѣлъ Березину: какъ тихо съ брегами
Играла, плескалась сѣдая волна;
Какъ серебряной лентой вилась за холмами,
Какъ мирно въ дубровѣ струилась она.
Священныя волны! играйте, шумите,
Поите струями отчизны поля!
Вы чисты, вы мирны, вы солнцемъ горите,
Васъ жадно впиваетъ родная земля!
Вы такъ ли шумѣли, какъ черныя тучи
Отъ запада мчались на бурныхъ крылахъ;
Какъ рдяныя молньи и громы летучи
Ярились, кипѣли на Русскихъ поляхъ?
Вы такъ ли шумѣли, какъ врановъ станицы
Искали добычи въ родимой странѣ?
Какъ древнія стѣны священной столицы
На вражію гибель упали въ огнѣ!
Но мщенье настало — и Русскій воспрянулъ —
Смерть по полю рыщетъ, и Галловъ разитъ,
И вспыхнулъ весь сѣверъ — громъ гибельный грянулъ,
И гордая Сена отъ страха дрожитъ!

И ты, Березина, и ты волновалась,
За гибель отчизны ты мстила врагамъ;
Ты рдѣла ихъ кровью — ты яростно мчалась
И трупы катила къ дремучимъ лѣсамъ!
Шумитежъ, играйте, священныя воды,
Поите струями отчизны поля!
За Русь и за вѣру въ васъ гибли народы,
И вражьею кровью дымилась земля.

И. Осовецкій. Вил. Двор. Инст.



ВИДѢНІЕ.

Морфей явилъ мнѣ сонъ чудесный:
Экзаметръ, Дактиль, Ямбъ, Хорей—
Слетѣвъ съ обители небесной
Предстали въ образѣ людей.
На полѣ, убранномъ цвѣтами,
Надъ грозднымъ пѣнистымъ ручьемъ,
Старикъ, вѣнчанный сѣдинами,
Съ осанкой важной и челомъ,
Являвшимъ грустное мечтанье,
Одеждой легкою покрытъ;
Во взорахъ яркое сіянье
Благоговѣнія горитъ.
Онъ пѣлъ и пѣснп отзывалась:
То браннымъ голосомъ войны,
То тихой, нѣжною казалась,
То отголоскомъ старины.
По громче лирный гласъ гремѣлъ
О славѣ Сѣвера Царицы,
Безсмертной Россіи Фелицы;
И бранны подвиги онъ пѣлъ
Питомцевъ снѣжныя пустыни—
Какъ съ трескомъ рушатся твердыни,

Какъ падаютъ враги грядой,
Подъ ихъ могучею рукой!
То Ямбъ . . . . . .
    Но вотъ съ закрытыми глазами,
Въ хитонѣ длинномъ, съ головой,
Вѣнчанной лавромъ и цвѣтами,
Экзаметръ съ лирой громовой
Поетъ губительны перуны,
И сѣчу гибельныхъ мечей,
И топотъ марсовыхъ коней.
Трепещущія вторятъ струны
Стрѣлъ мѣткихъ свистъ, щитовъ стенанье,
И шлемовъ трескъ, и звукъ роговъ,
И брони яркое сверканье,
И крикъ испуганныхъ враговъ,
И вопль питомцевъ Иліона,
И пѣсни ратныхъ удальцовъ,
И торжество Агамемнона,
И жертвы отческихъ боговъ.
Онъ пѣлъ — и мрачное чело
Угрюмой Иды повторяло;—
Все тихо вкругъ него было,
Порой съ брегами враждовала
Эгейскихъ бурныхъ водъ пучина;—
Ея тревожная равнина,

Подобно яростнымъ врагамъ,
Бросалась съ пѣною къ брегамъ.
И вотъ въ мечтаніи глубокомъ,
Склонясь главой на щитъ стальной,
Какой-то витязь одноокій
Удачно смѣлою стопой,
Подъ тактъ отважно ударитъ,
Внимая чуждой лиры звонъ —
И длинный Греческій хитонъ
Одеждой Руской замѣнятъ.
Одинъ Омиръ — другой же Гнѣдичъ былъ.

Въ латахъ блестящихъ и въ шлемѣ перна-
томъ
Въ полѣ пространномъ, на бурномъ конѣ,
Съ лирою, лукомъ и грознымъ булатомъ
Сумрачный Дактиль представился мнѣ.
Въ вѣщія струны ударилъ перстами —
Вздрогнула лира и стонъ издала,
Эхо отгрянуло между горами,
Съ нимъ шумъ унылый дубрава слила,
Лира, казалось, гремѣла встрѣчи
Въ пламенной битвѣ съ мечами щитовъ,
Шлемовъ сверканье и жаркія сѣчи,
Духовъ явленье средь мрачныхъ гробовъ. —
Смолкъ и помчался чрезъ поле грозою;

Замеръ стопъ лирный на звучныхъ струнахъ,
Пыль отъ копыта взвилася горою,
Топотъ раздался въ шумящихъ лѣсахъ.

Съ нѣжною въ рукахъ свирѣлью,
На холмѣ Хорей сидитъ—
И игривой звучной трелью
Лѣсъ и горы веселитъ.
Онъ поетъ весну златую,
Жизнь Аркадіи святой,
И свободу дорогую,
И невинность и покой,
И долинъ очарованье,
И веселый ликъ полей,
И былыхъ дней вспоминанье
Пѣсни родины своей!
Но когда возвыся тоны,
Брань кроваву хочетъ пѣть,
Пораженныхъ смерть и стоны,
И огней военныхъ свѣтъ—
Вдругъ свирѣлка гласомъ томнымъ
Мирный кровъ ему поетъ,
Тѣнь дубравъ, поля безмолвны,
Гдѣ кровавыхъ браней нѣтъ.

И. Осовецкій. Вил. Двор: Инст

Т И Ф О П Ъ.

Средь бурнаго моря, надъ дикой скалою
Какъ геній, угрюмый и мрачный Тифонъ
Возсталъ,— и свистящей надъ бездной главою
Пронзилъ вдругъ таинственный ночи хитонъ.
И реветъ онъ, будто къ бою
Всю вселенную зоветъ,
И гигантскою горою
Къ своду неба возстаетъ.
Плещетъ, свищетъ, грозно мчится,
Страстью бѣшеной кипитъ;
То падетъ и усмирится,
То, какъ демонъ, вновь летитъ!
Мечетъ брызги, пышетъ пѣной,
Влажную вздымаетъ грудь—
И въ порывѣ, къ тучѣ темной
Жаждетъ пламенно прильнуть!
Услышавъ надменнаго ревъ исполина,
Вскипѣла вдругъ туча— помчалась на бой;
Вспылала, взревѣла сѣдая пучина:
Гигантъ палъ убитый стрѣлой громовой.

Л. Плошинскій. Вил.-Двор. Инст.

В О Л Н А.

Бездомный странникъ океана,
Рожденный мрачной глубиной,
Взлелѣянъ свистомъ урагана,
Волна бѣжитъ передо мной!

Повѣдай мнѣ волна сѣдая,
Бездонной глубины дитя,
На берегахъ какого края,
Возникла колыбель твоя?

„— Есть край,— тамъ горы — исполины
Пронзаютъ облака главой,
И грозно мертвенныя льдины
Стоятъ громадой вѣковой.

Тамъ солнце, будто въ грусти томной,
Покинувъ горнюю страну,
Катится надъ стихіей темной,
И дико смотритъ въ глубину.

Тамъ надъ гигантскими скалами,
Какъ грозный геній, ураганъ
Ревetъ, и бурными крылами
Браздитъ суровый океанъ.“

Повѣдай мнѣ, какой судьбою
Принесена ты къ намъ волна?
Зачѣмъ зовешь ты берегъ къ бою,
Восторга дикаго полна?

„Въ странѣ, гдѣ вѣчно вся природа
Мрачна, какъ скорбь, какъ смерти мигъ,
Гдѣ нѣтъ цѣпей, — гдѣ все свобода,
Среди глыбъ мертвыхъ, ледяныхъ,
Лежалъ таинственный обломокъ,
Въ объятьяхъ вѣковой горы,
Гигантскихъ грудъ сѣдой потомокъ,
И, съ незапамятной поры,
Его лѣлѣялъ вѣтръ крылами,
И время тяжкими цѣпями
Сжимало вѣки старика,
Доколь невѣдома рука
Не сорвала оковъ холодныхъ....
И рухнулъ грозный великанъ!

И отголоскомъ волнъ пролетныхъ
Угрюмый вздрогнулъ океанъ!
Я изъ гиганта ледянаго
Живою вытекла струей;
Придетъ пора — сольюся снова
Я съ лономъ матери моей!
Мнѣ жизнь дана, чтобъ наслаждаться,
Играть, бороться съ глубиной,
И въ безпредѣльности теряться;
Мнѣ солнце свой покровъ златой
Съ заоблачныхъ высотъ бросаетъ;
Алмазы сыплетъ въ ночь луна;
Зефиръ мнѣ кудри завиваетъ,
И всюду я окружена
Изъ пѣны свитыми вѣнцами,
Играя въ край завѣтный мчусь,
И надъ сестрицами волнами,
Какъ свѣтлая звѣзда несусь!...„

Зефиръ подулъ, — волна сѣдая
Вѣнцемъ серебристымъ обвилась,
И пѣснь прощальну напѣвая,
Въ безвѣстну даль вновь понеслась!

Вотъ день... вотъ ночь... она все мчится...
Какъ молнія ея полетъ!
О! возвратись! душа зоветъ,
О! возвратись!... невозвратится!

Л. Плошинскій. Вил. Двор. Инст.

Т У Ч А.

Какъ вороновъ въ горней пустыни станицы,
Громады тучь черныхъ надъ моремъ летятъ;
Межъ глыбы ихъ вьются змѣями зарницы,
И жаломъ зіяютъ, и страшно блестятъ!
То грозные ратники неба твердыни,—
. . . . . .
Ихъ родина-тверди лазурной святыня,
Ихъ гробъ — отъ свѣтилъ лучезарныхъ вдали!
Ихъ лозунгъ — свистящіе грозно перуны;
Ихъ знамя — божественна неба лазурь;
Ихъ врагъ — ненасытнаго моря буруны;
Ихъ бои — порывы неистовыхъ бурь!
Ихъ страсти — огнистыя молній блистанья;
Ихъ ратные клики — раскаты громовъ;
Ихъ вздохи — холодныя вихрей дыханья;
Ихъ лавры — блескъ радуги пышныхъ цвѣтовъ!

Л. Плошинскій. Вил.. Двор. Инст.

ВОСХОДЪ СОЛНЦА.

Съ душою полной умиленья,
Въ какомъ-то сладкомъ забытьи,
Въ часъ утренняго возрожденья
Царя свѣтилъ,— деревъ въ тѣни,
Стоя, любуюсь небесами,
И тускло-голубою мглой,
И разноцвѣтными холмами,
И водъ сребристой пеленой.

Эфиръ прохладою струится,
Цвѣтовъ курится ѳиміямъ,
И нѣжными волнами мчится
Въ таинственный небесный храмъ.
Рѣка лазоревымъ кристалломъ
Пролетныя струи катитъ,
И свѣтозарнымъ покрываломъ
Взоръ очарованный манитъ.

О! сладко, сладко упиваться
Волшебной видописью мнѣ,
И пламенной мечтой теряться
Въ небесъ завѣтной глубинѣ!

И лѣть былыхъ воспоминанья
Въ душѣ кипучей оживлять,
И сердцемъ отъ очарованья
Минуту, часъ, день трепетать!

Но вотъ — востокъ озолотился,
Зардѣлъ пустынный небосклонъ,
И пурпуромъ вдругъ отразился
На хрусталѣ разгульныхъ волнъ.
Мгновенье — ризою сѣдою
Испалъ таинственно туманъ,
И вотъ — державною главою
Возникъ вселенной великанъ!

И душу огненну возстанья
Въ груди кипящей затаивъ,
Какъ чудный фениксъ мірозданья,
Взлетѣлъ онъ — летомъ горделивъ,
И началъ пышное теченье!
Надъ нимъ, какъ вѣчность, высь небесъ,
На немъ Алтарь животворенья,
Надъ нимъ — свѣтилъ сонмъ, сонмъ чудесъ.

О солнце, сердце мірозданья,
Предвѣчной знамя красоты,

Колоссъ божественный создапьл,
Лампада вольной высоты!
Пылай красуйся надо мною,
Воздушный озаряй чертогъ,
Гори безсмертною звѣздою:
Въ твоей красѣ сіяетъ — Богъ!

Л. Плошинскій. Вил. Двор. Инст.

ПѢСНЬ СЛАВЯНИНА.

Помнитель, други, былые досуги,
Дѣтства безпечнаго дни,
Пламенной дѣвы златые напѣвы
Отчаго дома въ тѣни?

Помнитель радость, сердечную сладость,
Игры разгульной мечты,
Миръ сердца, чуждый заботы и нужды,
Взорамъ драгія черты?

Помнитель счастье, которымъ въ непастье
Жизни насъ жребій дарилъ?
Чужды печали мы страстью пылали,
Духъ нашъ подъ небомъ парилъ.

Опытъ насъ хладный, душѣ безотрадный,
Томнымъ обвѣялъ крыломъ;
Мы подружились, и всѣ преклонились
Року покорнымъ челомъ.

Безъ укоризны, изъ милой отчизны,
Горя младые бойцы,

Съ юной отвагой, могучей ватагой,
Мчались, какъ наши отцы!

Съ грознымъ булатомъ, орленкомъ крылатымъ,
Въ чуждые сердцу края,
Съ вами летѣлъ я, и весело пѣлъ я
Буйную пѣсню, друзья!

Прадѣдовъ славныхъ, героевъ державныхъ,
Мы совершали завѣтъ;
Бились мечами, въ чужбинѣ съ врагами,
Съ жаждой безсмертныхъ побѣдъ!

Шумные клики героевъ великихъ,
Неба срывали чертогъ;
Пламень сраженья, трофей разоренья —
Души кипучія жегъ.

И супостаты, подъ нашимъ булатомъ,
Гибли на отчихъ поляхъ;
Пиръ нашъ кровавый, свершился со славой,
Радость кипѣла въ сердцахъ!

Бранную тризну окончивъ, въ отчизну
Вновь мы летѣли къ отцамъ;
Тяжкія латы, смертельны булаты
Юнымъ дарили бойцамъ.

И въ награжденье, въ святомъ упоснъи
Нѣжной любовью дыша,
Вѣрой пылала, въ восторгѣ сгарала
Бурная наша душа!

Пѣсня родная, гармонья святая
Дѣвы, звучала вновь намъ;
И всѣ мы пѣли, и къ небу летѣли
Думой, — на память сынамъ!

Л. Плошинскій. Вил. Двор. Инст.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ.

Веренищей гуси вьются,
Мчатся слѣдомъ журавли,
Птицы въ высоту несутся,
Дальше, дальше отъ земли;
И вокругъ нихъ звукъ нестройный
Раздѣляся звучитъ,
Крикъ глухой, крикъ безпокойный
По поднебесью летитъ.

Стая вьется надъ полями;
По куда жъ ихъ путь идетъ?
Заслонили весь крылами
Птицы неба дальный сводъ.
День осенній вечерѣетъ,
Мѣсяцъ спитъ въ потокѣ водъ;
Въ высотахъ ихъ стая рѣетъ,
По куда жъ ихъ путь идетъ?

Иль къ странѣ весны прелестной,
Къ незнакомой намъ странѣ:
Гдѣ все тихо и чудесно
Вспоминаетъ о веснѣ?

Иль ихъ путь идетъ къ небесной,
Безграничной вышинѣ?
Иль на сѣверѣ имъ тѣсно?
Въ даль на югъ летятъ онѣ!

День осенній вечерѣетъ,
Зарумянился закатъ,
Море синевы пустѣетъ,
Ниже стаи птицъ летятъ.
Опустились; полночь сходитъ
Отъ безграничной вышины,
И межъ нихъ въ покоѣ бродитъ,
Стражъ надежный — лучь луны....

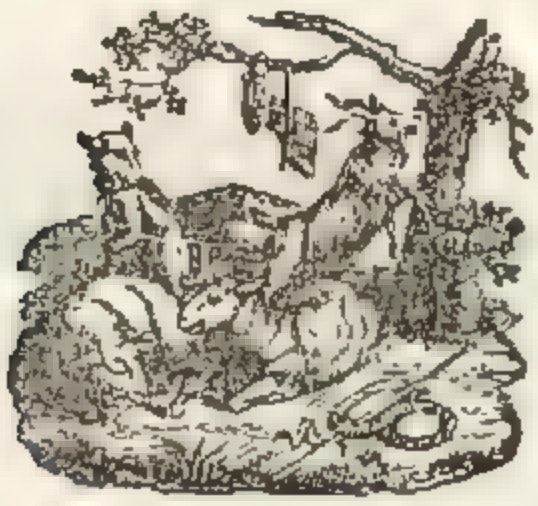
И лишь утро засвѣтлѣло,
Птицы стаею летятъ;
День надъ ними всходитъ бѣлый,
И огни небесъ блестятъ.
„Что же, что! куда путь дальній?
Видно путь вашъ безъ границъ?—
Иль вамъ дорогъ сводъ хрустальный,
Поле радугъ и зарницъ?

Брегъ отчизны непогодный
Кинувъ, на привольный югъ

Ты летишь народъ свободный,
Отъ зимы и снѣжныхъ вьюгъ;
Но походъ свой, столь обширный,
Совершишь ли безъ заботъ,
Путь твой вольный, путь твой мирный
Безъ потери ли пройдетъ?

И порою ль не случиться
Друга смерть оплакать вамъ?
Иль отъ стаи отдѣлиться
И блуждать по небесамъ?
Дикимъ будете вы стономъ
Другова дальнихъ призывать;
Но подъ сѣрымъ небосклономъ
Стонъ тотъ будетъ пропадать.

Н. Зайцовъ. Мин. Гим.

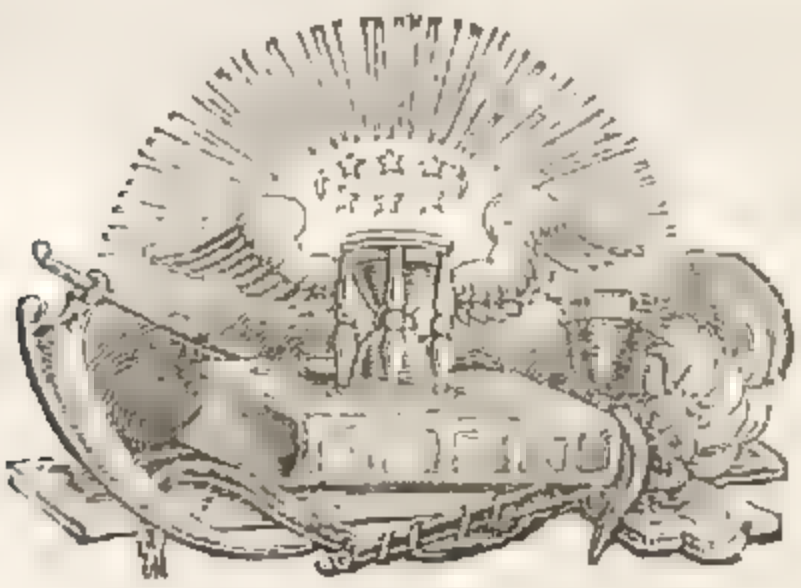


МОГИЛА ПОЭТА.

Я вижу камень гробовой,
Обросшій мхомъ, уединенный,
Непосѣщаемый, забвенный,
Покрытый дикою травой.
Чей прахъ столь чуждъ вниманья свѣта?
—То прахъ несчастнаго Поэта!...
Любимецъ музъ! вотъ жребій твой!...
Конецъ надеждамъ, и мечтаньямъ;—
Конецъ мученьямъ и страданьямъ!
Рожденный съ пламенной душой,
Ты бурей смятъ, какъ цвѣтъ прибрежной;
И лишь вступилъ въ борьбу съ судьбой,
Убитый ранней тоской
Простился съ жизнью неземной
На свѣтѣ семъ, гдѣ все земное?
Хотѣлъ ты въ гордости своей,
Чтобъ просвѣтить слѣпыхъ людей?
Что за мечтаніе пустое!
Они живутъ какъ жили прежде,
А ты довѣрчивый надеждѣ,
Живыхъ страстей, мечтаній полнъ,
Изчезъ во мглѣ житейскихъ волнъ!

И чтожъ? Твоя жъ могуча сила
Твой духъ внезапно сокрушила!
Безъ славы, жалости и слезъ,
Ты скрытъ подъ тѣнію березъ —
И дружелюбная рука
Не бросила на прахъ цвѣтка!
Но будь спокоенъ, сирый прахъ,
Ты не останешься забвенный!
Я вижу — Геній вдохновенный,
Склонивъ главу, съ слезой въ очахъ
Мстя гордости людской и злобѣ,
Бѣлѣетъ на священномъ гробѣ.

Г. Зенковичъ. Мин. Гим.



ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда осенній вѣтръ уныло зашумитъ,
Когда ужъ зелени невидно будетъ въ полѣ,
И пожелтѣвшій листъ съ деревьевъ полетитъ,
И сладкихъ пѣсенъ птицъ не будетъ слышно болѣ,
Тогда одинъ, лишенъ отрады лѣтнихъ дней,
Пойду я въ ближній лѣсъ съ безмолвною тоскою,
Чтобъ тамъ найти хоть часъ свободный въ жизни сей,
И чтобъ хоть мыслію утѣшиться одною.
Давно пустой моей надежды лучъ погасъ,
Повсюду горе мнѣ; куда ни обращуся,
Печаль за мною въ слѣдъ; когда жъ послѣдній часъ
Ударитъ мой, и я изъ міра удалюся!
Покинутый отъ всѣхъ, забытый отъ друзей,
Гонимый рокомъ я, преслѣдуемый свѣтомъ,
Доколѣ буду здѣсь игрушкою людей?
Когда оставлю жизнь, прощусь съ земнымъ привѣтомъ?
А вы друзья мои, съ которыми я жилъ,
Куда сокрылись вы? о еслибъ можно было
Мнѣ видѣть васъ теперь, то даръ бы неба былъ;
Мое бы сердце вамъ печаль свою открыло.

Но нѣтъ! я твердо въ томъ увѣренъ злой судьбой,
Что осужденъ безъ васъ всю жизнь мою скитаться;
Намъ ужъ не встрѣтиться въ семъ мірѣ межъ собой,
Я съ вами долженъ былъ на вѣки разпрощаться.
Быть можетъ, кто изъ васъ въ далекой сторонѣ
Роскошну жизнь ведя, о мнѣ не вспомнитъ даже!
Иной прославился Героемъ на войнѣ,—
А для меня тоска одна и та же!
Счастливы были тѣ протекшія лѣта,
Когда познались мы и вмѣстѣ пировали;
Когда плѣняла насъ природы красота,
Когда вотъ этотъ лѣсъ, гдѣ мы прохладъ искали,
Пріютомъ нашимъ былъ, и слабый, лунный свѣтъ
Живилъ нашъ разговоръ сердечный, откровенный.
Я помню тѣ часы, когда намъ каждый цвѣтъ
Дороже былъ стократъ, чѣмъ свѣта блескъ презрѣнный.

Теперь увы! васъ нѣтъ, исчезли, все прошло.
Съ тѣхъ поръ ужъ началось мое безъ васъ стра-
данье;
Васъ счастье въ свѣтъ давно отсюда увлекло,
А мнѣ осталось лишь одно воспоминанье.

Ф. Шаблонскій. Мин. Гим.

Б У Р Я.

Солнце въ мрачной тучѣ скрылось,
Лѣтній, яркій день погасъ,
Небо мглою омрачилось,
Наступилъ тревоги часъ.

Все возстало!— Глухо стонетъ,
Грознымъ ревомъ, неба сводъ;
Пыль земли во влагѣ тонетъ,
Свищетъ вѣтеръ съ шумомъ водъ.

Въ мрачну думу погруженный,
Мглой покрытый я стоялъ;
Долго взоръ мой утомленный,
Волны моря созерцалъ.

Море грозное ревѣло,
Брызги мчало въ верхъ столбомъ,
Пѣной влажною кипѣло,
Озарялося огнемъ.

Бурной жизни — вотъ картина!
Вотъ развратныхъ всѣхъ удѣлъ!
Пусть того страшитъ судьбина,
Кто въ порокахъ посѣдѣлъ.

Счастливъ кто съ душею чистой,
Мирно въ хижинѣ живетъ!
Жизнь его струей серебристой
Къ свѣтлой вѣчности течетъ.

Кто же, прихотью томимый,
Былъ рабомъ своихъ страстей;
Тотъ вражды огнемъ палимый
Равенъ морю въ бурѣ сей.

А. Чернявскій. Мин. Гим.

ЯВЛЕНІЕ.

Луна глядитъ сквозь мракъ тумапный
На рощи, холмы, на курганы;
Уснуло все; лишь соловей,
Во мглѣ ночной, въ тиши унылой,
Тоскуетъ о подругѣ милой,
И чуть вдали журчитъ ручей.

Чу!... раздался голосъ дикій,
Пробудился спящій лѣсъ,
Пронеслись зловѣщи клики,
Мигъ — и снова звукъ исчезъ!
Это филинъ на просторѣ,
Прокричалъ кому-то горе!

Подъ сводомъ голубыхъ небесъ,
Въ часы досуга и свободы,
Я созерцалъ красы природы,
Меня плѣняли: холмъ и лѣсъ,
Туманъ и мѣсяцъ въ томъ туманѣ,
И звѣзды въ синемъ океанѣ.

Но духъ чего то все жаждалъ,
Въ края иные улеталъ!
Вдругъ — вижу дѣву, слышу пѣнье,
Души страдальческой моленье....
Гласъ сладкій къ небу полетѣлъ,
Но вмигъ онъ въ рощѣ онѣмѣлъ...
И стихъ божественный напѣвъ!
И тѣнь исчезла межъ деревъ.

Съ тѣхъ поръ, душѣ покоя нѣтъ,
Едва померкнетъ солнца свѣтъ,
Гляжу на холмы на долины,
Гляжу на мрачныхъ горъ вершины,
Луною осребренный лѣсъ
И огнезвѣздный сводъ небесъ:
По всюду тѣнь за мной летаетъ,
Въ туманныхъ облакахъ паритъ,
Въ обитель горнюю летитъ
И будто что то напѣваетъ.

М. Рава. Мин. Гим.

Л У Н А.

Все спитъ въ окрестности нѣмой;
Иду на холмъ уединенный
Внимать, какъ тихо и смиренно
Журчитъ ручей во мглѣ ночной.
Вотъ сводъ небесный озарился
Милльонами блестящихъ звѣздъ!
И взоръ мой жадно погрузился
Въ красу обѣтованныхъ мѣстъ.
Волшебно свѣтъ луны мерцаетъ,
Лѣсъ тихо дремлетъ, долъ молчитъ;
Лишь соловей въ мелодьяхъ тастъ,
И эхо изрѣдка звучитъ.
Завѣтное свѣтило ночи,
Скажи мнѣ, кроткая луна!
Твои недремлющія очи
Всегда-ли будутъ чужды сна?
Скажи, всегдаль въ своемъ теченьи
Ты будешь міръ нашъ сторожить?
Страдальцевъ укрѣплять въ терпѣньи,
Злодѣевъ ужасомъ казнить?
Скажи, недремлющій свидѣтель
Всѣхъ нашихъ бѣдъ и злобныхъ дѣлъ!

Скажи, за зло и добродѣтель
Какой насъ смертныхъ ждетъ удѣлъ?
Но вотъ — вѣтръ гонитъ облакъ темный,
На небо туча налегла,
Стою одинъ унылый, томный....
Луну одѣла черна мгла....
Погаснетъ все, ничто не вѣчно,
Падетъ и міръ съ своей красой,
Кружася дивно, скоротечно
На оси дивной, вѣковой.

Кс. Микульскій. Мин. Гим.

ПОЖАРЪ.

Лишь полночи тишина
Надъ землею воцарилась,
Кругломикая луна
Тихо по небу катилась.

Слышу колокола звонъ,
Воздухъ вопли наполняютъ;
Крики и плачевный стонъ
Ужасъ въ душу мнѣ вливаютъ.

Вдругъ внезапный вспыхнулъ свѣтъ,
Блескъ разлился погребальный;
Яркимъ пламенемъ одѣтъ
Храмъ очамъ открылся дальный.

Дымъ клубится въ облакахъ,
Все въ тревогѣ, все въ волненьи,

Бодрость духа отнялъ страхъ,
Всѣхъ умы въ оцѣпенѣнье.

Я бѣгу.... о горе! горе!
Пламень городъ обхватилъ;
Огнь разлился будто море,
И полъ града истребилъ.

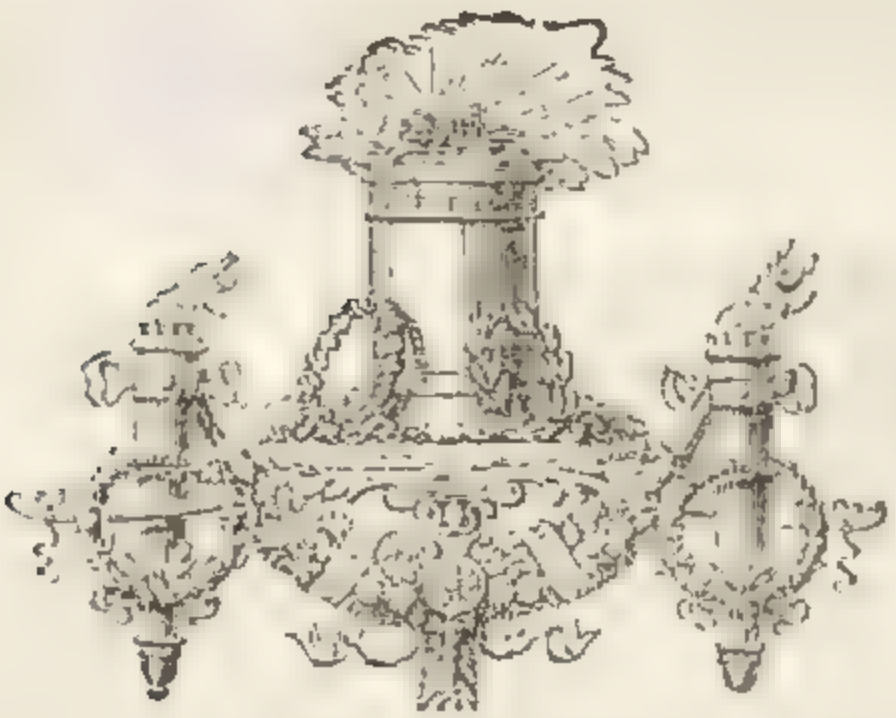
Вотъ отчаянный, сраженный,
Испуская дикій вой,
Сынъ, отвагой подкрѣпленный,
Мчится въ пламя съ быстротой.....

Онъ презрѣлъ опасность, страхъ,
Средь развалинъ исчезаетъ;
И въ трепещущихъ рукахъ
Мать изъ пламени спасаетъ.

Дымъ густой еще клубился;
Но вотъ пламень ужъ исчезъ;
И востокъ озолотился,
Солнце блещетъ средь небесъ.....

Тамъ, гдѣ пламя бушевало,
Хладный пепелъ лишь лежитъ;
Вновь востокъ блистаетъ алый
Солнце вѣчно тамъ блеститъ.

Юліянъ Семенкевичъ. Мин. Гим.



ПАѲОДНЫЯ ПѢСНИ (а).

I.

Бывъ на Ѳуси Черный богъ,
Предъ нимъ столвъ Туровъ рогъ;
Іонъ на Кіевъ поглядавъ
Гомонъ вѣдьмамъ подававъ;
А Владимиръ нашъ Святый,
Черпа бога сколотывъ,
А мученица Варвара
Усѣ вѣдьмы разогнала,
Вѣдьмы, что у ночну пору
Слеталисъ на лысу гору.
Святый Юрій прискакавъ
И въ Несвижѣ Церквой ставъ.
Ажъ отъ Ксендзя Ѳадзивилла
Понайшла нечиста сила,
Понайшла нечиста сила
Ѳусску вѣру поглумила;

(а) Эти пѣсни, по порученію учителя, собраны учениками и помѣщены въ такомъ видѣ, касательно правописанія и выговора, какъ поются въ народѣ въ разныхъ уѣздахъ Минской Губерніи.

Батки въ церкви неслужили
А ксендзы и мшу вопили;
Не было къ намъ а ни слова
Ни изъ Слуцка ни съ Турова.
Небыло а ни словечка:
Юрій ставъ блудна овечка
Мы предъ Юріемъ заклячемъ
Помолимся и заплачемъ—
Щобъ его Святая сила
Поконала Радзивилла.

II.

Изъ за Слуцка изъ за Клецка
Ьдзѣ дружба молодецка
Отъ княжати изъ подъ Минска
Воеваты мѣста Пинска.
Мѣста Пинска воеваты,
Одъ ляхивъ обороняты.
Хоть прышлы недалы рады:
Погинулы всѣ отъ здрады.
А я пійду въ постъ велыкій
До Турова, до владыки,
Щобъ молебенъ отслужиты
Дай покаюсь за грѣхи

День и ночь буду молыты,
Щобы згинули ляхи.

III.

Ой колыбъ колы
Москали прышлы,
Москали прыплы—
Наши сродные,
Наши сродные,
Вѣры одныя!
Добре намъ было,
Счастно намъ было:
Коли Русь уся,
Тримаючися,
Одной силою
За одно была.
Дай къ намъ за грѣхи
Понайшли Ляхи,
Заняли нашъ край
Ажъ до Ляховичъ.
Ой Ляхибъ не прыйшлы
Щобъ паны ихъ не свелы,

Ой папы щобы пропалы
Що Ляхомъ насъ запродалы;
Ой паны щобъ вы сгинулы
Що вы вѣру покинулы.

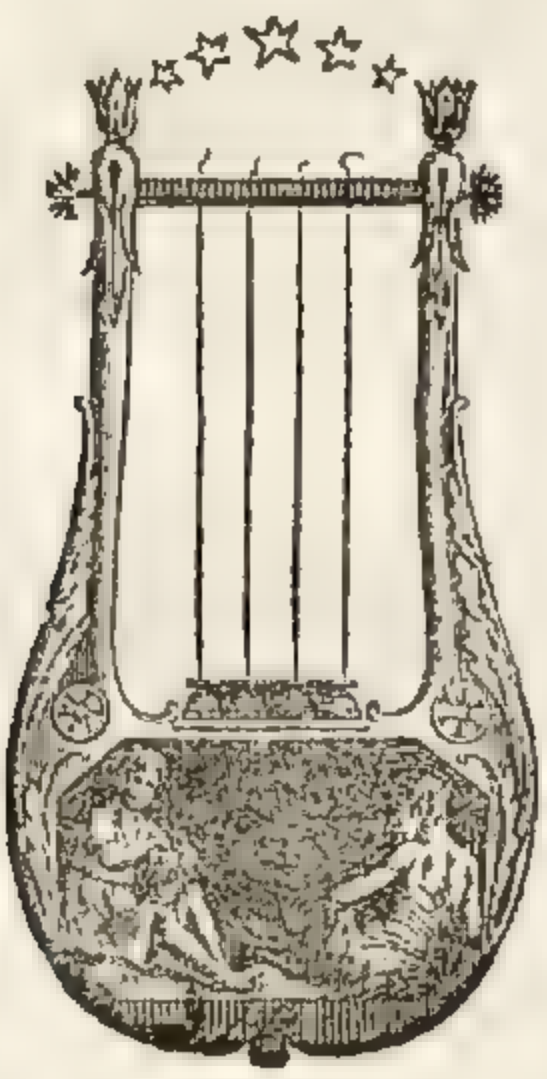
IV.

ЗАКЛЯТІЕ НА ДУШУ.

Въ лѣсѣ въ темномъ у Выслицы,
Среди бору на Кислицы,
Есть заклятый сухій сукъ,
На томъ суку сидитъ крукъ. (b)
Пане круку, пане круку,
Чорна бога старшій внуку!
Ты въ свой рожекъ затрубы
(И имярекъ) загубы,
Загубы яго ты душу,
Высуши якъ гету грушу,

(b) Воронъ.

Якъ Русь Ляхи загубили,
Якъ Русь Ляхи полонили,
Слеты съ древа черный крукъ
Дай у душу ему стукъ.
Ладно ладо, дивно диво,
Не живи моспане криво.
А вы вѣдьмы налетайте
Отъ крука душу прымайте.



ПРОЗА.

ПРОЗА.

О ПРОИЗХОЖДЕНІИ СЛОВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Въ области Литературы не встрѣчаемъ никакихъ памятниковъ того языка, которымъ прародители человѣчества сообщали другъ другу свои мысли и чувствованія, или въ которомъ, такъ сказать, проявлялся ихъ міръ душевный. Правда, намъ болѣе или менѣе знакомо развитіе религіозной, умственной и общественной жизни первыхъ обществъ; но это намъ переда-

но звуками Еврейскими, а не тѣми, которые были современны младенчествующему состоянію человѣческаго рода. И такъ, мы лишены надежды когда нибудь слышать дорогіе звуки нашихъ праотцевъ. Впрочемъ, быть можетъ, мы и слышимъ нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, и даже сами ихъ произносимъ, но утрата памятниковъ, которые могли бы свидѣтельствовать объ ихъ дѣйствительности, недопускаетъ рѣшительно признать тотъ или другой звукъ современнымъ Адаму. По эту чувствительную потерю мы замѣнимъ покрайней мѣрѣ правомъ объяснять себѣ, какимъ образомъ составился языкъ первобытный.

До настоящаго времени существовало два мнѣнія, касательно происхожденія первобытнаго языка. Нѣкоторые мыслители древности говорили, что первенствующій родъ человѣческій, находясь въ дикомъ состояніи, неимѣлъ надобности въ членораздѣльныхъ звукахъ слова; онъ могъ ограничиваться одними тѣлодвиженіями, при выраженіи своихъ представленій и ощущеній, съ прибавленіемъ тѣхъ простыхъ звуковъ, которые были невольнымъ обнаруженіемъ чув-

ства радости, боязни и удивленія: но, при первыхъ успѣхахъ гражданской жизни, этотъ тѣсный кругъ объясненій замѣнился уже другимъ, обширнѣйшимъ, то есть, словами. Люди начали давать названія вещамъ, согласныя съ ихъ свойствами.

Съ перваго взгляда это мнѣніе кажется довольно основательнымъ, но при небольшомъ вниманіи, тотчасъ раждается сомнѣніе, колеблющее шаткія его основанія.

Во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ находится множество словъ звукоподражательныхъ; эти звукоподражанія показываютъ не произвольность ихъ образованія, но необходимость, указанную самою природою. Разумѣется, естественнѣе думать, что они явились, при первыхъ ощущеніяхъ души; отъ дѣйствія на нее внѣшнихъ предметовъ, нежели когда нибудь послѣ. По нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ причины допускать нѣкоторую образованность тамъ, гдѣ ненужно ея содѣйствіе, гдѣ сама природа дѣлается наставницею.

Другое мнѣніе болѣе заключаетъ вѣроятія.— Основатели и послѣдователи этого мнѣнія говорятъ, что слово есть даръ природы, но даръ

еще неразвитый, для обнаруженія котораго потребна дѣятельность души. Душа, возбужденная внѣшнею природою къ работѣ, производитъ для предметовъ природы образы, и эти образы мы означаемъ звуками. Для произведенія звуковъ нашъ организмъ снабженъ шестью орудіями: губами, гортанью, зубами, небомъ, языкомъ и носомъ.— Этими орудіями производится звукъ и разнообразится до безконечности. Нельзя не согласиться, что послѣднее мнѣніе справедливѣе перваго.— Что бы болѣе убѣдиться въ справедливости, разсмотримъ его подробнѣе. Строгое наблюденіе за постепеннымъ развитіемъ душевныхъ способностей человѣка доставитъ понятіе о произхожденіи языка.

Первый звукъ — привѣтъ природѣ, вырвавшійся изъ груди человѣка въ минуту его явленія на свѣтъ, было неопредѣленное, еще несоставное слово, выражающее его удивленіе. — Грамматика называетъ его *Междометіемъ*. Натурально, этотъ звукъ, хотя неможетъ быть названъ словомъ человѣка, по безсознательности его явленія, но онъ есть первый, обнаруживающій болѣе или менѣе способность говорить. Собственное происхожденіе языка нужно счи-

тать съ минуты дѣятельности познавательной способности. Дѣятельность познавательной способности обнаруживается на первый разъ темнымъ, безотчетнымъ сознаніемъ *себя*, чего то отдѣльнаго отъ окружающей природы, *и несебя*, всего внѣшняго. И вотъ въ слѣдствіе сего сознанія у человѣка является звукъ, означающій его личность, и непосредственно за нимъ другой, показывающій внѣшнюю природу. И такъ *Междометіе*, по наблюденіямъ разума, есть первая часть рѣчи, которая полагается какъ бы въ основаніе великому зданію языка.

Сознавъ самаго себя, и отдѣливъ отъ своего бытія окружающую природу предметовъ, человѣкъ стремится, по врожденной дѣятельности ума, познавать предметы близкіе и, такъ сказать, сродные съ его жизнію, переносить ихъ образы неопредѣленно — составленные внутрь себя, и послѣ того силится дать каждому особенное наименованіе, на первый разъ звукоподражательное. Это составленіе названій предметовъ занимаетъ уже второе мѣсто въ сферѣ языка.

При дальнѣйшемъ развитіи познавательной способности, человѣкъ не довольствуется уже

одними неопредѣленными образами и ихъ наименованіями. Душа его замѣчаетъ въ предметѣ особенные признаки, которые придаютъ особность понятію объ немъ. Внѣшнія качества нѣкоторыхъ тѣлъ, по своей разительности, сильно дѣйствуютъ на чувственные органы и напечатлѣваются въ душѣ часто гораздо прежде, нежели самый образъ предмета, которому они принадлежатъ. Замѣтивъ эти признаки, человѣкъ ищетъ въ органахъ особенныхъ формъ или видовъ звука, изъ которыхъ образуетъ слова, выражающія качества. И такъ непосредственно за названіемъ предметовъ, являются въ языкѣ *названія качествъ*.

Разсматривая предметы съ ближайшей точки зрѣнія, умъ замѣчаетъ въ нихъ или противодѣйствіе силамъ внѣшнимъ, или напряженіе силъ внутреннихъ для совершенія какого нибудь дѣйствія, или неизмѣняющееся положеніе. Такое невольное наблюденіе заставляетъ его пріискивать звуки, выражающіе страданіе, дѣйствіе, и состояніе, и вотъ является *глаголъ*. Этотъ элементъ слова предполагаетъ уже значительное развитіе ума; по тому, что при его образованіи оканчивается отдѣльное представленіе

предметовъ и начинается соединеніе внутреннихъ образовъ.

Предметы природы находятся между собою въ различныхъ, взаимныхъ отношеніяхъ, слѣдовательно и образы ихъ, проявленные въ словахъ, должны имѣть тѣ же взаимныя отношенія. Отсюда раждается необходимость изобрѣтенія новаго разряда словъ, которыя въ самомъ дѣлѣ являются въ языкѣ подъ именемъ *предлоговъ*. Эта часть слова, по своему назначенію служитъ для выраженія понятій придаточныхъ, то есть взаимныхъ отношеній между представленіями предметовъ.

Непосредственно за предлогомъ слѣдуетъ и образованіе *союза*. Предлоги и союзы имѣютъ одно назначеніе — выраженіе взаимныхъ отношеній; съ тою только разницею, что первые показываютъ отношеніе между простыми понятіями, а послѣдніе между сужденіями, образовавшимися изъ понятій. Неподлежитъ сомнѣнію, что союзы получили бытіе въ языкѣ гораздо позже предлоговъ, несмотря на ихъ, такъ сказать, наружное сходство.

Послѣднее мѣсто, по своему позднѣйшему образованію, безъ сомнѣнія, должно занимать

нарѣчіе. Этотъ разрядъ словъ, родившійся въ слѣдствіе полнаго развитія мыслительной способности, назначенъ для обозначенія качества качествъ, и качества или обстоятельства дѣйствій. Нарѣчіе составляетъ собою какъ бы сказуемое сказуемаго; ибо, опредѣляя качество дѣйствій, вмѣщаетъ въ себѣ придаточную мысль.

Вотъ, по нашимъ понятіямъ, естественный ходъ образованія слова человѣческаго. Каждая часть его явилась не произвольно, не выдумана на удачу; но составлена силою души, по мѣрѣ ея развитія.

Михаилъ Сѣмашко Гродн. Гимн.

СОЖЖЕНІЕ АѲИНЪ ПРЕДЪ САЛАМИНСКОЮ БИТВОЮ И ПОЖАРЪ МОСКВЫ ВЪ 1812 ГОДУ.

Много пожаровъ записала Исторія въ скрижали свои, но ни одинъ изъ нихъ не отражается такимъ величественнымъ заревомъ въ сумракѣ вѣковъ, какъ пожаръ Аѳинъ предъ Саламинскою битвою и пожаръ Москвы въ 1812 году. Она видѣла горящую Трою, смотрѣла на дымящійся Карѳагенъ, видѣла нѣсколько разъ объятый пламенемъ Римъ; но Римъ, Троя, Карѳагенъ горѣли отъ рукъ сильныхъ побѣдителей; погребали въ пеплѣ своемъ всю славу и величіе; Аѳины же и Москва горѣли по волѣ своихъ согражданъ, въ нихъ какъ въ горнилѣ очищались высокія добродѣтели великихъ народовъ; здѣсь разрушительная стихія эта являлась не сокрушительницею всего прежняго величія ихъ, но создательницею новой славы, величія поразительнаго, безсмертнаго.

И отъ когожъ, о боги пали?
Отъ горети . . . . . Грековъ!

Страшный властитель Востока, грозный завоеватель, Ксеркс, оскорбленный Греками, рѣшился уничтожить навсегда обитателей малаго лоскутка земнаго шара — Греціи. Силы его были несмѣтны, имъ даже немогли положить вѣрнаго числа. Онъ шелъ на Грецію съ такою увѣренностію въ своихъ побѣдахъ, что везъ съ собою статуи для памятниковъ въ честь своихъ побѣдъ, везъ цѣпи оковать всѣхъ Грековъ и отвесть ихъ въ дикія свои пустыни; и кто могъ въ томъ сомнѣваться? Что-же дѣлаетъ горсть Грековъ предъ несмѣтны— ми полчищами варваровъ? Она, для спасенія своего отечества, жертвуетъ самымъ драгоцѣнным своимъ сокровищемъ, единственною своею святынею, единственною обороною,— Аѳинами.

Она предаетъ огню и пламени свой отечественный городъ. Что чувствовали тогда согбенные старцы, нѣжные юноши, безъутѣшныя матери, погибающія дѣти, оставляя свою родину, колыбель всего священнаго, милаго сердцу? Горесть этихъ чувствованій можно только отгадывать сердцемъ, но выражать ихъ, едва

ли въ состояніи перо человѣческое. Что же между тѣмъ дѣлаетъ варваръ? Онъ съ жадностію ожидаетъ минуты, которая должна все рѣшить и воздвигнуть ему тріумфальные памятники.— Но гдѣ же его торжество?

Несмѣтныя полчища его разбиты и разсѣяны, едва десятая часть ихъ со стыдомъ и горестію возвращается въ отечество; а гордый повелитель Востока, вмѣсто тріумфа и торжествъ, едва на утлой ладьѣ чрезъ бурныя волны Геллеспонта успѣваетъ переплыть въ свое отечество. Гдѣ же статуи, привезенныя имъ въ Грецію? Онѣ служатъ обличительными свидѣтелями пораженія, которымъ прославилъ себя гордый властитель Востока.

Прибытіе Ксеркса въ Грецію и его возвращеніе изъ нея — какая поучительная противоположность! Невольно повторишь при семъ съ знаменитымъ Германскимъ поэтомъ Матиссономъ:

So vergehn des Lebens Herrlichkeiten,
So entflieht das Traumbild eitler Macht.

Злодѣй, онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины!
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ кремлевскія вершины!

„Пойду по стопамъ съ торжествомъ!
„Пойду,— и все восплещетъ!
„И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!
Протекъ и самъ трепещетъ.

Жуковскій.

Протекли вѣка священной древности, разсѣялся мракъ среднихъ вѣковъ . . . . и Исторія много записала въ своихъ скрижаляхъ новыхъ знаменитыхъ фактовъ, но ни одного не нашла она подобнаго сожженію Аѳинъ; наконецъ наступаетъ XIX вѣкъ, и она увидѣла новаго Ксеркса; но этому Ксерксу не раболѣпный Востокъ покорствовалъ, а гордая образованная Европа. Тяжело было сердцу его, когда горсть Испанцевъ дерзнула ему противиться; но онъ считалъ это можетъ быть безумнымъ ожесточеніемъ, и двинулъ покоренную Европу на равнины сѣвера. Это движеніе страшныхъ полчищъ Европы есть единственное явленіе въ Исторіи рода человѣческаго. Одинъ голосъ Римскихъ первосвященниковъ такими огромными массами могъ волновать Европу. Крестъ и Луна только могли быть такими могучими движителями. Но въ 1812. году желѣзная воля одного человѣка сдвинула съ основанія своего всю Евро-

пу. Россія увлечена своимъ рокомъ, говорилъ повелитель образованнымъ рабамъ своимъ, и они какъ дѣти вѣрили словамъ обольстителя своего. На первый разъ слова его въ самомъ дѣлѣ имѣли какой то видъ истины. Безъ малѣйшаго сопротивленія перешагнулъ онъ предѣлы Россіи; безъ малѣйшаго сопротивленія проникнулъ и въ нѣдра ея; изрѣдка только встрѣчалъ онъ жаркія привѣтствія сыновъ Россіи, какъ въ Смоленскѣ, Бородинѣ. Наконецъ предъ нимъ самое сердце Россіи; неприкосновенная святыня ея, памятникъ ея бѣдствій и величія — предъ нимъ Москва,

Но загорѣлася Москва,—
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона!

Въ ней сгорѣли и всѣ его замыслы и растопились оковы неволи, кои связали двадцать племенъ для порабощенія единственнаго почти, тогда свободнаго племени. Гдѣ же его тріумфы, гдѣ побѣды? они также сожжены этимъ, неугасимымъ огнемъ. Какъ истребительна эта стихія и особенно когда воспламеняетъ ее любовь къ отечеству! Въ ней сгараетъ тогда все, даже слава, которая бы казалось, должна быть выше всякаго пламени. По крайней мѣрѣ мы

видимъ, какъ огнь Москвы спалилъ славу *Стопобѣднаго.* А гдѣ же войско его? Оно или поглощено волнами Березины, или пожато Русскимъ мечемъ, или погибло въ снѣжныхъ сугробахъ, или бѣжитъ съ позоромъ назадъ.

Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ.
Ихъ кровь непрестаетъ въ снѣгахъ рѣками
течь;
Бѣгутъ— и въ тмѣ ночной ихъ гладъ и смерть
срѣтаютъ;
А съ тыла гонитъ Россовъ мечъ.
О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы въ могилы пали...

Пушкинъ.

Но, можетъ быть, исполинскою грудью встрѣтилъ этотъ грозный отпоръ самъ безстрашный предводитель погибшихъ полчищъ? Къ несчастію нѣтъ! Онъ также долженъ былъ думать только о спасеніи себя; о славѣ уже нѣкогда было мечтать, надлежало сохранять только жизнь свою, хотя бы то было на простой жидовской тройкѣ.

Пусть болѣе представляетъ намъ Исторія татакихъ пожаровъ! Отъ нихъ сердце не обольется

кровью; они не встревожатъ самой робкой души. На нихъ съ умиленьемъ старецъ укажетъ юношѣ, отецъ сыну, современное поколѣніе потомству. А Исторія златыми буквами запишетъ въ скрижаляхъ своихъ 1812 годъ и пожаръ въ Москвѣ, который по славянски обогрѣлъ дальнихъ путниковъ.

С. Шмигира Вилен. Гим.

ЧУВСТВО ИЗЯЩНАГО.

Тысячи лѣтъ прошли въ изслѣдованіяхъ природы человѣческой, и все таки она остается загадочною. Быть можетъ нами же, т. е. людьми, рѣшится этотъ вопросъ; но уже не здѣсь, а въ мірѣ запредѣльномъ. Пусть ученыя мечтанія и туманные выводы философіи теряются въ густомъ мракѣ великой тайны творенія человѣка, они нимало не прольютъ свѣта на непостижимую нашу природу. Ученость всѣхъ вѣковъ приходитъ къ одному общему, впрочемъ вѣрному результату, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ началъ вещественнаго и душевнаго; по первому началу онъ составляетъ звѣно въ непрерывной цѣпи существъ земныхъ одаренныхъ жизнію, по второму ,онъ уже звѣно соединяющее міръ видимый съ міромъ духовнымъ, онъ составляетъ какъ бы союзъ вещества съ духомъ. Но что такое вещество, и что такое духъ? Это закрыто передъ умомъ человѣческимъ. Ученые

мужи силились разрѣшить эту задачу, но не-кончивъ падали подъ бременемъ безплодныхъ трудовъ. И если я намѣренъ говорить объ одной изъ способностей души, то это будетъ только повтореніе общепринятаго въ этомъ отношеніи мнѣнія мыслителей.

Наша матеріяльная природа нуждается въ веществѣ, человѣкъ, какъ существо физическое, имѣетъ въ виду удовлетвореніе своихъ нуждъ. Онъ стремится къ тому только, что можетъ обезпечить его жизнь; но это стремленіе не есть исключительная принадлежность человѣка. Всѣ существа земныя раздѣляютъ со своимъ царемъ это назначеніе. Незавидна эта доля! Затѣмъ другая сторона, душевная, по обыкновеннымъ понятіямъ, возвышаетъ его. Умъ, воля и чувство суть главные дѣятели души.

Первый стремится къ вѣчной истинѣ, хотя она по свойству своему недоступна человѣку и всѣ тонкія предположенія его въ раскрытіи истины ограничиваются только условленными формами, а иногда уродливыми каррикатурами ея; впрочемъ тѣмъ не менѣе уважительно его стремленіе къ ней. Но если примемъ во вниманіе тѣ прикладныя истины, которыя поло-

жили прочное основаніе общественному быту человѣка гражданина и утвердили его благоденствіе, то невольно подивимся великимъ заслугамъ нашего ума.

Другой дѣятель, воля— едва ли еще не выше стоитъ познавательной силы. Она есть начало нравственности: ея всегдашняя цѣль доброе. Воля по сущности своей не можетъ наклоняться къ ненравственному, ей сродны пожертвованія и доброе расположеніе ко всему. И если мы видимъ часто противныя этому направленія воли, то это ни болѣе ни менѣе какъ увлеченія ума, противу обаятельной силы котораго трудно устоять неукрѣпившейся способности желанія. Вотъ основные строители жизни человѣка. Оставшись только съ ними, можно навѣрно сказать, что жизнь наша не была бы утѣшительна. Но вѣчныя судьбы нехотѣли оставить человѣка въ этомъ томительномъ положеніи,— онѣ дали ему третью силу,— чувство. Въ природѣ встрѣчаются такіе предметы, которые не доставляютъ намъ пользы и не служатъ къ образованію ума, но они только насъ поражаютъ какою нибудь особенною чертою своей жизни. При представленіи этихъ предметовъ умъ не-

рестаетъ дѣйствовать, эстетическое чувство воцаряется въ душѣ и начинаетъ свою дѣятельность Эта дѣятельность непохожа на тяжелую работу ума, когда онъ силится составить скелетъ истины изъ сказуемыхъ, набираемыхъ имъ посредствомъ соображеній и догадокъ. Здѣсь нѣтъ этаго труженичества. Эстетическое чувство поражаясь предметомъ, какъ бы внѣдряется въ природу и, не стѣсняясь его дѣйствительностію, предъугадываетъ его возможное явленіе, и въ слѣдъ за этимъ творитъ образъ полный, живой и органическій. По этому область дѣятельности чувства изящнаго, не дѣйствительный міръ, но возможный; главное свойство его есть свобода въ избраніи того или другаго явленія природы предмета; но произведеніе внутренняго образа необходимо стѣсняется избраннымъ явленіемъ. — Образы, въ которыхъ проявляются возможныя явленія предметовъ, суть идеалы, или вымыслы. Они для чувства изящнаго тоже, что недѣлимыя матеріяльныя формы для чувствъ внѣшнихъ. Творецъ, создавъ такой образъ, наслаждается имъ и забываетъ мучительную дѣйствительность. Это состояніе есть сонъ сладкій, очаровательный. Но не здѣсь

еще конецъ созданія. Идеалъ самъ собою не составляетъ полнаго произведенія чувства изящнаго, для него необходимо проявленіе внѣшнее, нужна форма. Форма идеала не свободна, она обусловливается самимъ идеаломъ; потому, что она не мастерская приклейка, но тѣло органическое, во всей полнотѣ выражающее внутренній образъ. Въ ней ничего не можетъ остаться непроникнутаго идеаломъ, ея отношеніе къ нему точно такое же, какое находится между душею и тѣломъ. По этому— то всякое подражаніе природѣ, всякое украшеніе ея смѣшно и нелѣпо. Чувство изящнаго, проникнутое существенностію своего идеала, собираетъ разсѣянныя въ природѣ черты, сближаетъ ихъ между собою и такимъ образомъ производитъ стройное цѣлое, въ которомъ въ каждомъ членѣ проглядываетъ жизнь. И этотъ конечный образъ входитъ въ сферу изящнаго. Такъ явились: Иліада Гомера, Мадона Рафаэля, Гамлетъ Шекспира, Борисъ Годуновъ Пушкина и другія звѣзды изящнаго небосклона.

Не легко творить такіе образы. За то они принадлежность избранныхъ. Мы всѣ имѣемъ за-

родыши чувства изящнаго, но только зародыши не творить прекрасное, но наслаждаться имъ въ природѣ и въ произведеніяхъ. Само собою разумѣется, что наши идеалы далеко отстаютъ отъ идеаловъ художника, но всѣ они въ насъ могутъ быть, и мы по безсилію своей души ограничиваемся ими.

И. Гонсѣвскій. Гродн. Гим.

ЭСТЕТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА МІРЪ.

Кто изъ людей, обладающихъ живою душею, не устремлялъ задумчиваго взора на безоблачное звѣздное небо? Кто изъ нихъ не пролеталъ крылатымъ воображеніемъ милліоновъ міровъ, и съ тоскою не возвращался назадъ на свою бѣдную планету, ничтожную песчинку во вселенной? Но и наша темная земля имѣетъ свои прелести. Обширная долина, которую щедрая природа облекла благовоннымъ разноцвѣтнымъ бархатомъ, распростерта предъ нами; прохладныя рощи, разбросанныя въ какомъ то прекрасномъ безпорядкѣ, манятъ подъ тѣнь свою утомленнаго путника; кристальная струящаяся влага источника освѣжаетъ его жаркую гортань; полножизненный плодъ древесный благородно утоляетъ его голодъ; и благодѣтельный сонъ сладостно закрываетъ его отягченныя вѣжды. Близъ этой тихой картины является другая. Съ какимъ ужасомъ и съ какимъ наслажденіемъ человѣкъ смотритъ на грозныя явленія природы! Онъ съ торжест-

вѣнною радостію глядитъ, какъ брызжетъ горячій пепелъ, извергаемый клокочущимъ жерломъ вулкана, какъ быстрые, огненные потоки лавы губительно текутъ по лицу земли. Ему сладокъ горькій дымъ; ему отрадна эта разрушительная картина, рисуемая ужасными красками природы — пламенемъ, горячимъ пепломъ, дымомъ и кипящею лавою. Пораженный взоръ свой человѣкъ успокоиваетъ на гладкой поверхности дремлющаго океана. Тихо колыхаясь, рѣетъ корабль въ отдаленіи; рѣзвые зефиры играютъ съ его широкими, могучими парусами; пассажиры, собравшись на палубѣ съ улыбкою смотрятъ, какъ ясное солнце любуется собою въ свѣтлой зыби прекрасной стихіи. Солнце клонится къ западу, и прощаясь съ моремъ, посылаетъ ему снопы золотыхъ лучей своихъ, которые, просвѣчиваясь сквозь прозрачную его выпуклость, постепенно умираютъ. Зажглась на небѣ задумчивая лампада, затеплились тихія звѣзды; все умолкаетъ и погружается въ сладкій сонъ... Погрузился въ дремоту и человѣкъ; но кратокъ былъ его покой. Безумный вихрь, сорвавшись съ цѣпей своихъ, пронесся съ неистовымъ ревомъ надъ

головою человѣка; яростно дунулъ на спящее море,— и грозное простонало, и ропотомъ своимъ отозвалось на голосъ бури. Испуганныя звѣзды спрятались за тучу и небесная лампада потухла. Тяжко налегла надъ моремъ туча, чреватая громами и молніями. Могучее волнуется и издаетъ ревъ, и всегда готовое на бой воздымаетъ сѣдые хребты, открываетъ черную пасть. Вотще грохотъ громовъ, безплодны огнекрылатые перуны! Не вамъ, минутные бездомные пришельцы, поразить старца, который, тысящелѣтія покоится въ своемъ необъятномъ ложѣ— *глубокій и одинъ*. Прошла гроза, явился день, и облилъ успокоенную землю своимъ золотымъ свѣтомъ. Открылись горы. Вотъ среди цвѣтущихъ, благословенныхъ равнинъ, пересѣкаемыхъ живыми свѣтлыми ручьями, невидимою силою взброшена на воздухъ раскаленная утроба земли, и испуганная дневнымъ свѣтомъ, оцѣпенѣла, застыла. Холодный потъ быстрыми потоками пролился съ ея встревоженнаго чела; и шумно стремясь по уродливымъ ея членамъ, прорываетъ ущелія, бездонныя пропасти, куда не смѣетъ заглянуть лучь солнца; гдѣ вѣчная влажная ночь на мракѣ о-

сновала престолъ свой; гдѣ запертые буйные вѣтры и жалобно и страшно воютъ, просясь на волю.... Смотрите, между этими *побѣгами праха въ небеса*, какъ *истолкователь глаголовъ Неба*

Утесъ гордо высится мраченъ, суровъ.

. . . . . .

Какъ въ плащъ, исполинъ весь во мглу завернулся,
Поникъ, будто въ думахъ, косматой главой;
Безстрашно надъ моремъ всѣмъ станомъ нагнулся,
И грозно повисnулъ надъ бездной морской..
Вы ждете,— падетъ онъ! не ждите паденья;
Наклонно онъ сталъ, чтобы сверху взирать
На слабыя волны съ усмѣшкой презрѣнья
И смертнаго взоры отвагой пугать! (а)

Безконечно разнообразна природа въ своихъ произведеніяхъ! Дивная гармонія царствуетъ въ ней. Воображеніе человѣческое не можетъ

(а) Бенедиктовъ.

вполнѣ объять ея картинъ; могучее поэтическое чувство не перечувствуетъ ея прекрасныхъ впечатлѣній! . . . Прекрасенъ Божій міръ! . . .

И. Толвинскій. Бѣлостокъ. Гим.

ОТЪ ЧЕГО МЕЛАНХОЛИЧЕСКІЯ ЧУВСТВА, ПО СУЩЕСТВУ СВОЕМУ ГРУСТНЫЯ, БЫВАЮТЪ ПРІЯТНЫ ДЛЯ ДУШИ НАШЕЙ.

Что бы рѣшить вопросъ: отъ чего меланхолическія чувства, по существу своему грустныя, бываютъ пріятны для души нашей, нужно знать, въ какомъ значеніи принимается здѣсь слово меланхолія. Есть различіе между меланхоліею — душевнымъ страданіемъ, или лучше болѣзнію, и той меланхоліею, подъ которою понимаемъ мы любовь къ уединенію и мечтаніямъ. Какъ первая, губительная въ своихъ слѣдствіяхъ, непредставляетъ ничего утѣшительнаго, и пріятнаго, такъ вторая заключаетъ въ себѣ много невиннаго и чистаго наслажденія. Первая есть, самое несчастное, самое страдальческое состояніе человѣка; вторая бываетъ отличительною чертою характера кроткаго и смирнаго. Первая есть бичь общества и веселости, тяжесть, подавляющая себя и другихъ; вторая что — то необходимо нужное между людьми, милое и пріят-

нос, какъ пріятны тихія воды ручья, отражающія въ себѣ унылый блескъ луны. Отъ первой къ мизантропіи одинъ только шагъ,— вторая бываетъ всегда источникомъ внутренняго спокойствія. Причиною первой бываетъ недостатокъ утѣшенія въ насъ самихъ; второй — мгновенная грусть, происходящая отъ впечатлѣній предметовъ, какъ міра физическаго, такъ и нравственнаго. Здѣсь меланхолія принимается въ значеніи послѣднемъ.

Такъ какъ предметомъ опой меланхоліи бываетъ или протедшее, или настоящее, или будущее, то и пріятность меланхолическихъ чувствованій проистекаетъ или изъ воспоминанія о прошедшемъ, или изъ наблюденія явленій совершающихся въ настоящее время, или изъ надеждъ и мечтаній, относительно къ будущему.

Пусть всякій взглянетъ на поприще имъ пройденное, на перемѣны его жизни, на горестныя и сладостныя ощущенія имъ испытанныя; и ему представится такое множество воспоминаній, что онъ, не въ состояніи будетъ вмѣстить ихъ всѣ въ своемъ воображеніи. Но изъ всѣхъ этихъ воспоминаній, онъ безъ сомнѣнія изберетъ для услажденія души своей самыя груст-

ныя, какъ самыя пріятнѣйшія. Эти— то грустныя воспоминанія, составляютъ чувства меланхолическія относительно къ прошедшему; и пріятность ихъ безъ различія, была ли прошедшая жизнь счастлива или несчастна, порочна или безпорочна, — проистекаетъ отъ того убѣжденія, которое заставляетъ всякаго вѣрить, что какъ счастіе, такъ и несчастіе, порокъ и добродѣтель, послужили ему въ прошедшемъ къ пріобрѣтенію опытности въ настоящемъ, и что всѣ прежніе неблагоразумные поступки его происходили отъ неопытности или отъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ избѣжать.

Для чего мы въ юности не имѣли тѣхъ понятій, того ума, который пріобрѣли съ лѣтами? Они бы насъ предохранили отъ своеволія страстей, безразсудныхъ дѣяній, неблагородныхъ поступковъ. Но видѣли ли хоть одного человѣка изключеннаго изъ этого правила? Юность обыкновенно бываетъ страстна, пылка, неопытна; погрѣшности простительны молодости; и худые поступки въ юныхъ лѣтахъ, невсегда предвѣщаютъ злаго человѣка, относительно къ будущему. Тотъ даже, который са-

мымъ преступнѣйшимъ образомъ провелъ юныя лѣта свои, и тотъ находитъ пріятность въ мысли о необыкновенности или оригинальности своей прошедшей жизни; ибо быть первымъ какъ въ порокахъ, такъ и въ добродѣтеляхъ весьма трудно, по свойству природы человѣческой.

Такимъ образомъ меланхолическія чувства относительно къ прошедшему бываютъ весьма пріятны для души нашей. Но если кто, лишившись рано родителей, родныхъ, не узналъ удовольствія семейной жизни, родительскихъ попеченій, братской любви; если кто, брошенный въ эту юдоль испытанія, прошелъ свое земное поприще съ грустными чувствами одиночества, страданій и мученій; какую пріятность находитъ онъ въ этомъ меланхолическомъ воспоминаніи? Ту пріятность, что видя ежедневно примѣры пороковъ, проистекающихъ отъ слабостей родителей къ дѣтямъ, онъ сознавъ себя чистымъ отъ всѣхъ подобныхъ пороковъ, оставленный самому себѣ, испытывая горести и несчастія, рано пріобрѣлъ опытность, началъ чувствовать, разсуждать, и рано изучать науку — жизнь въ обществѣ. Человѣкъ непостоянный въ своихъ желаніяхъ, стре-

мясь за лучшимъ, радуется всякой перемѣнѣ въ своей жизни. Но въ короткое время, разувѣрившись въ своихъ надеждахъ, жалѣетъ о прошедшемъ, обвиняетъ себя въ своихъ безразсудныхъ желаніяхъ, и часто впадаетъ въ отчаяніе; не грустно ли это чувство? Однако оно пріятно для насъ, какъ по сознанію нашихъ слабостей, общихъ всѣмъ людямъ, такъ по созерцанію нашихъ душевныхъ силъ не всѣмъ свойственныхъ и необыкновенныхъ.

Перейдемъ теперь къ настоящему, и разсмотримъ его относительно къ міру физическому и нравственному. Кто не задумается при взглядѣ на море и на корабль, блуждающій по безконечному его пространству? Безпредѣльность моря напоминаетъ намъ безпредѣльную вѣчность, ожидающую насъ за гробомъ; — корабль, ничтожный въ сравненіи даже съ однимъ морскимъ валомъ, изображаетъ умъ человѣка, который погружаясь въ созерцаніе вѣчности, теряется и изчезаетъ въ своемъ напряженіи. Такія представленія не производятъ ли въ насъ чувствъ меланхолическихъ, грустныхъ отъ сознанія нашей ничтожности въ сравненіи съ колоссальною картиною моря, но пріятныхъ по

причинѣ чувствъ благоговѣнія къ Творцу вселенной? Далѣе — видъ яснаго неба въ прекрасную майскую ночь, кого не погрузитъ въ думу? сколь грустныя, но вмѣстѣ и пріятныя тогда раждаются въ насъ чувства! Величіе Бога, въ созерцаніи коего теряется нашъ умъ слабый, слѣпота невѣрующихъ тогда, когда одинъ видъ неба усѣяннаго безчисленными міріадами звѣздъ, достаточны для убѣжденія въ существованіи Всемогущаго Промысла, когда каждая звѣздочка, кажется, насмѣхается надъ ихъ невѣріемъ. Надежда — въ сей прекрасной странѣ — найти цѣль своей жизни, свое отечество, свое вѣчное счастіе, котораго на землѣ мы не находимъ — все это погружая душу въ какое — то безсознательное состояніе и печалитъ, и вмѣстѣ радуетъ ее какими — то таинственными представленіями.

Но вообразимъ себя при входѣ въ густой мрачной лѣсъ, куда лучи солнца не проникаютъ, гдѣ природа мертва, гдѣ вѣчная тишина скрываетъ отъ нашего взора и слуха въ своемъ таинственномъ нѣдрѣ что то дивное, неизвѣданное никѣмъ изъ самыхъ отважнѣйшихъ; вообразимъ съ другой стороны поля, покрытыя жатвою, кипящія дѣятельностію, цвѣту-

щія луга, полныя жизни, и рѣзвыя стада шумно разбѣгающіяся по тучному пастбищу; — какія грустныя и вмѣстѣ пріятныя чувства испытуемъ мы, находясь среди этихъ двухъ противоположностей! съ каждымъ шагомъ въ лѣсъ, въ душѣ нашей раждается горестное чувство одиночества; но съ каждою мыслію о людяхъ и соединеніи ихъ въ общества, мы наслаждаемся сладкими чувствами любви, дружбы — всѣхъ связей общежитія. Перейдемъ теперь къ картинамъ міра нравственнаго.

Мореходецъ радуется, что по долгомъ и опасномъ странствіи своемъ присталъ счастливо къ берегу. Но пристанутъ ли такъ счастливо его друзья, знакомые? Это грустное чувство препятствуетъ ему наслаждаться вполнѣ своимъ благополучіемъ. Подобныя меланхолическія чувства испытываетъ всякій, кто уже сталъ на рубежѣ, съ котораго можетъ смотрѣть на другихъ. Можно ли наслаждаться благополучнымъ окончаніемъ своего дѣла, ежели я знаю, что со многими другими этого не случалось? Кто не подумаетъ въ самомъ себѣ: я прошелъ путь свой, доволенъ своимъ предназначеніемъ; но совершать

ли тотъ же путь другіе безъ ропота на Провидѣніе? Сія заботливость вмѣстѣ и грустна и пріятна. Мысль, что множество опасностей и бѣдствій предстоитъ людямъ на пути ихъ жизни, что многіе могутъ содѣлаться жертвами или своихъ слабостей, или непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, глубоко трогаетъ нашу чувствительность, и порождаетъ въ насъ меланхолическое чувство; — а та мысль: что мы счастливѣе другихъ прошли опасную часть пути — мысль льстящая нашему себялюбію, дѣлаетъ для насъ это меланхолическое чувство пріятнымъ.

Величіе человѣка и его слабости, добродѣтели и злодѣянія, обширность ума, и необузданность страстей, не производятъ ли въ созерцаніи своемъ чувствованій меланхолическихъ? Для чего бы не быть всѣмъ добрыми, справедливыми, когда всякій изъ насъ убѣжденъ, что земное счастіе зависитъ отъ доброты сердца нашего? Для чего люди иначе говорятъ, иначе дѣлаютъ, научаютъ одинъ другаго какъ достигать благополучія, и одинъ другому путь къ нему заграждаютъ? мучатъ терзаютъ, убиваютъ одни другихъ изъ одной корысти или зависти? И я

отвѣчаю: хотѣть ли намъ, что бы люди уподоблялись Ангеламъ? Напротивъ, я утѣшаюсь мыслію, что большее число есть добрыхъ, нежели злыхъ, что перевѣсъ всегда на сторонѣ добродѣтели, что науки, просвѣщая умъ, облагороживая чувства, мало по малу, можетъ быть, сдѣлаютъ всѣхъ добрыми. Но при мысли о наукахъ невольно раждается въ насъ другое меланхолическое чувство.— Для чего люди, при столь великихъ стараніяхъ писателей, не просвѣщаются, не дѣлаются лучшими? Всѣ читаютъ книги, видятъ истину, удивляются добродѣтелямъ, презираютъ пороки, изображенные въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя держатъ предъ глазами и, кромѣ удовольствія— пріятно провесть время, не извлекаютъ никакой пользы. Грустная мысль! Та слабость, которая заставляетъ людей въ общежитіи порицать другихъ, и себя почитать совершенно добрыми, та слабость говорю, бываетъ причиною невниманія къ мудрымъ наставленіямъ и убѣдительнымъ примѣрамъ, которые вычитываютъ они въ книгахъ.

Но обратимся къ самому нашему существованію. Съ одной стороны привязанность наша

къ жизни и ея пріятности, съ другой ея кратковременность, непостоянство счастія, болѣзни, страданія, самая даже столь разнообразная и непредвидимая смерть, не раждаютъ ли въ насъ грустнаго чувства? Однако чувство это пріятно. Почему? Потому, что наша жизнь земная есть испытаніе, посредствомъ коего достигаемъ мы высшей, Богомъ назначенной цѣли; что съ концемъ существованія земнаго мы не погибаемъ; что безсмертіе души составляетъ все величіе человѣка.

Но что всѣ эти прелести меланхоліи въ сравненіи съ мечтаніями, главнымъ ея предметомъ? Какой грусти, какихъ страданій не разженетъ мечтаніе! Тотъ, кто только что стоналъ подъ тяжестью обидъ и презрѣнія, утѣшается въ душѣ отъ одной мысли, или надежды когда нибудь укорить и посрамить своихъ враговъ. Всякій избираетъ себѣ любимый родъ счастія, котораго желалъ бы достигнуть, начертываетъ себѣ образъ жизни, исключая изъ него всѣ невыгоды и непріятности, которыя испыталъ, или испытываетъ; украшаетъ его дотолѣ, пока не преступитъ за границу возможности и не возвратится къ дѣйствительности. Со-

зданія мечты нашей такъ живы и сильны, что производятъ такія же почти самыя впечатлѣнія на душу нашу, какія дѣйствительность, съ тѣмъ только различіемъ, что въ мечтахъ своихъ мы всегда представляемъ себя счастливѣйшими. Съ этими пріятными мыслями соединяются грустныя и составляютъ меланхолическое чувство: что съ нами случится въ будущемъ?.. будемъ ли безпрепятственно идти по стезѣ нами избранной? Не раскаемся ли въ своихъ безмѣрныхъ желаніяхъ, и достигнемъ ли желаемаго, не претерпѣвъ великихъ несчастій! Представлять себя во всѣхъ опасностяхъ, во всѣхъ воображаемыхъ несчастіяхъ, пріятно для человѣка; ибо намъ предстоитъ благополучное окончаніе нашихъ страданій и достиженіе нашей цѣли. Кто не мечтаетъ, что ему назначена блистательная участь, хотя бы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ему несчастливилось? Кто не надѣется, что всякій день доставитъ ему новыя удовольствія; что скоро послѣдуетъ какая нибудь непредвидѣнная въ жизни его перемѣна? Какъ два честолюбца не могутъ жить въ союзѣ; такъ наше воображаемое будущее противо-

рѣчитъ настоящему, положивъ даже, что мы достигли желаемаго.—

Но самой жизни нашей есть ли что грустнѣе и вмѣстѣ утѣшительнѣе? Вѣчность, поражающая всякаго страхомъ, вѣчность, которой люди желаютъ въ этомъ мірѣ и страшатся въ будущемъ, вѣчность счастливая и несчастная, не производитъ ли грустныхъ чувствъ въ человѣкѣ? Но сіи чувства, успокоенныя вѣрою, дѣлаются пріятными. Что былъ бы нашъ умъ, наши высокія способности безъ вѣры въ безсмертіе души? Чувствованія великія ума нашего и ничтожность бытія содѣлались бы для насъ мучительнѣйшими мыслями. Во что бы превратилось устройство человѣческаго общества, и это различіе состояній столь необходимое между людьми? Гдѣ нашелъ бы утѣшеніе несчастный, лишенный всѣхъ упованій земныхъ?

Впрочемъ не можно назначить причинъ пріятности меланхолическихъ чувствованій одинаковыхъ и общихъ всѣмъ людямъ; ибо не у всѣхъ одинакое образованіе, одинакая чувствительность. У всякаго есть любимая мысль или идея, къ которой онъ относитъ всѣ свои желанія и надежды, веселіе и грусть, и если бы

можно было заглянуть въ сердце каждаго человѣка, мы увидѣлибъ весьма много различныхъ причинъ, которыя грустныя, меланхолическія чувствованія превращаютъ для нихъ въ утѣшительныя и сладостныя.

Г. Зенкевичъ. Мин. Гпм.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ И УСПѢХИ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ, ПРИ ВСТУПЛЕНІИ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Нѣтъ гражданскаго общества, которое бы не любило наукъ и просвѣщенія, нѣтъ вѣка въ Исторіи, въ которой бы никто не заботился объ этомъ незримомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и блистательномъ свѣтѣ. Самыя даже времена варварства, когда мечъ и страсть къ приключеніямъ приводили въ движеніе всю почти Европу, представляютъ намъ ревностныхъ любителей образованія и мужей вполнѣ заслуживающихъ вниманіе потомства трудами ума своего. Чѣмъ ближе подходимъ къ вѣкамъ нашихъ дѣдовъ и отцевъ, тѣмъ ярче блеститъ свѣтъ образованія во всѣхъ гражданскихъ обществахъ, — по крайней мѣрѣ въ Государствахъ Европы и въ земляхъ Новаго свѣта, которымъ преимущественно предоставила природа необъятное поприще образованія. Вторая половина

XVII столѣтія отмѣчена даже въ Исторіи буквами золотаго вѣка. Правда, это названіе принадлежитъ одной только націи, но и всѣ другія болѣе или менѣе старались приблизиться къ этому идеалу. И ежели есть какое исключеніе, то оно падаетъ только развѣ на одинъ отдаленный сѣверъ Европы, гдѣ испанская, могучая нынѣ держава лежала тогда на одрѣ жестокой болѣзни и не представляла еще никакихъ почти даже начатковъ образованія. Но это грустное зрѣлище въ Исторіи гражданственности не есть слѣдствіе холодности къ просвѣщенію а таинственный фактъ, котораго результаты еще въ глубинѣ вѣковъ грядущихъ.

Говоря объ образованіи въ XVII вѣкѣ, прежде всего невольно переносишься мыслію къ берегамъ Сены и древняго Родана, гдѣ ранѣе всѣхъ заговорило сердце устами Трубадуровъ и Труверовъ, и гдѣ надолго утвердилось сѣдалище музъ Эллады и древняго Рима. Тамъ давно уже цвѣтутъ ученыя общества, всемогущій Ришелье составляетъ изъ нихъ знаменитую Академію, и она предписываетъ законы и языку и вкусу, и составляетъ кодексъ для изящнаго. Справедливы ли были уставы его, по-

казалъ критическій духъ Германцевъ; но тѣмъ не менѣе отступленіе отъ нихъ долго считалось неискупимымъ прегрѣшеніемъ, и не безъ причины; ослѣпительный вѣкъ Людовика XIV не зналъ другаго закона въ созиданіи славы своей. Корнель, Расинъ, Мольеръ писали подъ диктовку Академіи; Филологія, Философія и Исторія также осталась бы гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ безъ одобрительнаго приговора Академіи.

Не менѣе богатые плоды просвѣщенія представляютъ и другія Государства запада. Всѣ онѣ давно усвоили себѣ богатое наслѣдіе Грековъ и Римлянъ и всѣ цѣлыми столѣтіями считали существованіе своихъ Университетовъ, гдѣ знанія древнихъ и предшествующихъ имъ опытовъ новѣйшаго времени составляли необъятное богатство успѣховъ ума человѣческаго. Такъ мать всѣхъ наукъ того времени — Философія представляетъ намъ великаго преобразователя сей науки въ Англіи въ особѣ Бакона Веруламскаго. Тамъ же бѣдный уроженецъ Стратфорда является создателемъ новой Драмы; а слѣпецъ Мильтонъ производитъ величественную Эпопею христіанскаго міра. Ко-

гда такимъ образомъ умъ человѣческій изумляли эти геніи туманнаго Альбіона; подъ знойнымъ небомъ пламенныхъ сыновъ Испаніи, новые исполины нравственнаго міра вписали имя свое въ скрижали Исторіи. Имена: Камоэнса, творца „*Донъ Кихота*," Лопе-де Веги и Кальдерона — въ тотъ же пойдутъ храмъ безсмертія, куда прежде нихъ съ такою славою вступилъ творецъ „*Божественной комедіи*" и гдѣ вѣчно будутъ звучать струны пѣвцовъ „*Неистоваго Орланда*" и " *Освобожденнаго Іерусалима.*"— Испытующіе умы Германцевъ открыли пути небесныхъ планетъ, узнали ихъ законы и раскрыли предъ очами любознательной Европы новую картину вселенной. Труды Коперника, Кеплера и Тихо-де-Браге навсегда останутся краеугольнымъ камнемъ въ великой наукѣ о вселенной. Присоедините къ сему неусыпное изученіе природы физической и нравственной; кровавыя войны ума, фанатизма и религіи раздробленной на столько частей неудержимыхъ стремленіемъ ума человѣческаго къ вѣдѣнію, и вы вполнѣ представите себѣ, что произвела Европа до того времени, когда на сѣверовосточныхъ предѣлахъ своихъ

она увидѣла мощную Русь, не болѣе Китая до того извѣстную.

Что же произвела эта Русь въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ своего существованія? Гдѣ плоды умственной ея дѣятельности?

Если бы вопросъ этотъ былъ предложенъ ей пятью вѣками ранѣе, она съ гордостію указала бы на своихъ пастырей церкви, своего Геродота — Нестора, своего пѣвца о полку Игоревѣ и другихъ: но послѣ Декартовъ, Эразмовъ Ротердамскихъ, Галилеевъ и безчисленнаго множества другихъ представителей образованности въ Европѣ, ей остается только указать на двухъ-вѣковое разореніе городовъ и селъ, на путешествія Князей своихъ въ дикія степи, на истребительныя брани воздвигнутыя самозванцами, и плачевныя времена междуцарствія. Куликовская битва, царственные труды Іоанна III, смѣлое намѣреніе Годунова — мелькаютъ какъ метеоры въ этомъ ряду вѣковъ рабства и войнъ разрушительныхъ. Плоды образованности ея слишкомъ незамѣтны предъ блескомъ наукъ на западѣ; она имѣла любителей знанія, но они рѣдко, рѣдко выходили изъ монастырскихъ стѣнъ, спасая тамъ въ

смиренныхъ лѣтописяхъ и запискахъ судьбу своего отечества, или бесѣдуя съ мужами Греческой церкви. Тогда Россія была только Московія для Европы; битвы Полтавская и Бородинская еще не оглушали своими громами Европы; Великій не прорубилъ еще окна своего на западъ. Ломоносовы, Державины, Пушкины, Жуковскіе не оглашали еще звуками лиръ своихъ Русскаго Парнасса.

Подобно осиротѣлому дитяти, отлученная отъ запада Россія по наслышкѣ только знала коечто проблагоустроенныя Государства, обращалась къ нимъ съ отверстыми объятіями, какъ къ старшимъ сестрамъ своимъ: но пока провидѣніе не сотворило для нея ПЕТРА — на нее смотрѣли только, какъ на неисчерпаемый рудникъ, доступный для всякаго искателя сокровищъ.

С. Ляховичъ Вил. Гим.

РЫЦАРСТВО.

Западная Римская Имперія долго боролась со смертію, долго стонала, наконецъ, совершенно обезсиленная, рушилась и развалинами своими покрыла почти всю Европу. Нахлынули дикіе народы и подавили собою весь древній міръ: все, что въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій было открыто и изобрѣтено представителями гражданственности, все это вдругъ померкло. Древній міръ скрывается, являются новые народы, новая жизнь, новое устройство, настаютъ средніе вѣки. Трудно опредѣлить съ точностію характеръ среднихъ вѣковъ; нѣкоторые называютъ ихъ временами невѣжества, варварства и грубости; другіе, едва ли не основательнѣе, говорятъ, что средніе вѣки представляютъ собою борьбу ума человѣческаго съ предразсудками и страстями, что это еще младенческій и юношескій возрастъ Европейскихъ Государствъ, что въ событіяхъ этихъ временъ видны и прекрасныя свойства, облагораживающія человѣчество: какое — то во-

звышенное чувство чести и славы, какое — то стремленіе къ дѣятельности, даже къ жизни созерцательной. И дѣйствительно нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Сличите начало среднихъ вѣковъ съ концемъ ихъ, какая разительная противоположность бросается въ глаза! Съ самаго начала среднихъ вѣковъ вы видите уже безпрестанныя войны, возмущенія и несогласія; гордые вассалы не знаютъ надъ собою никакой власти, они не заботятся объ общественномъ благѣ Государства, и ищутъ только собственныхъ своихъ выгодъ; ихъ девизъ: *я*. Нѣтъ сомнѣнія, что среди такого внутренняго порядка вещей Государственныхъ, верховная власть почти ничего незначила; но она еще болѣе ослабѣвала отъ необыкновенной силы намѣстниковъ Святаго Петра. Два эти мощные двигатели господствовали тогда во всей Европѣ; безъ ихъ согласія Король ничего не могъ сдѣлать, потому, что въ случаѣ сопротивленія, первые готовили ему войну, а послѣдніе, съ высоты престола своего, гремѣли *анаѳемою*. Долго Европа находилась въ такомъ нестройномъ видѣ, долго она принуждена была бороться съ уродливою силою вассаловъ и

страшною властію Папъ; но наконецъ насталъ часъ ея освобожденія. Слѣдствіемъ этого бурливаго духа среднихъ вѣковъ были крестовые походы; они произвели важный переворотъ въ Европѣ; съ окончаніемъ ихъ все принимаетъ другой видъ: феодальная система и духовенство, угнетавшіе Европу въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія, ослабѣваютъ, падаютъ и на развалинахъ ихъ Государи утверждаютъ свою власть; раздробленныя силы соединяются въ одно стройное цѣлое, и образуютъ Государства сильныя; неутомимая дѣятельность вольныхъ городовъ возбуждаетъ и въ другихъ соревнованіе къ торговлѣ и промышленности; науки и искуства смѣло идутъ впередъ; словомъ, съ этого времени Европейскія Государства быстро начали усиливаться и наконецъ достигли той степени могущества, которое было основаніемъ нынѣшняго ихъ состоянія. Изъ этого видно, что въ средніе вѣки общества представляли собою не мертвую глыбу, но тѣло органическое, исполненное жизни, которое не переставало развиваться и совершенствоваться; что какіе нибудь возмущенія, раздоры и войны вытекали

изъ духа самаго времени, и что имъ непремѣнно нужно было совершиться. Впрочемъ не мое дѣло рѣшать эту величайшую задачу; я намѣренъ разсмотрѣть только отдѣльный феноменъ, образовавшійся въ эти времена и игравшій такую важную роль — *рыцарство*.

Что такое рыцарство? Вотъ вопросъ, который многихъ занималъ, и о которомъ много и различнымъ образомъ говорили. Вильменъ, знаменитый французскій литераторъ, въ этомъ отношеніи, кажется, болѣе всѣхъ правъ: онъ говоритъ, что рыцарство есть *жизнь среднихъ вѣковъ*, что въ немъ собственно отразились эти бурныя возмутительныя времена. Опредѣленіе довольно вѣрное, но слишкомъ обширное. Вся Европа, въ продолжительный періодъ среднихъ вѣковъ, уподоблялась прекрасному, стройному юношѣ, съ пламенною душею, съ сильнымъ, неудержимымъ стремленіемъ къ новостямъ и переворотамъ; юношѣ, который готовъ былъ жертвовать всѣмъ, даже самою жизнію, лишь бы поддержать честь свою. Всѣ эти сильные порывы души пылкой, проникнутой какимъ-то таинственнымъ чувствомъ, дѣйствительно рыцарство собою представляло;

слѣдовательно, оно было что-то чрезвычайно важное, оно такъ сказать было душею среднихъ вѣковъ, и можетъ освѣтить самую темную часть картины этого періода.

Безпрестанныя войны, происходившія тогда въ Европѣ, положили начало рыцарству вообще, наложили на него свою печать— *воинственность*, которая навсегда осталась главнымъ и отличительнымъ его свойствомъ. Но такъ какъ эти войны большею частію производились за дѣла религіозныя, и имѣли цѣлію распространеніе Христіанской вѣры; то къ первому качеству рыцарей, къ воинственности, присоединился еще другой важный элементъ— *набожность или религіозность;* только изъ взаимнаго слiянія этихъ свойствъ могъ образоваться рыцарь, въ полномъ смыслѣ этого слова. И такъ рыцарство состояло изъ соединенія двухъ совершенно противуположныхъ элементовъ: воинственности и набожности. Каждый рыцарь, какъ *воинъ*, долженъ былъ сражаться за Святую Вѣру, обуздывать притѣснителей и защищать притѣсненныхъ; какъ *истинный Христіанинъ* онъ долженъ былъ помогать бѣднымъ, защищать невинныхъ, и объяснять ученіе Святаго

Евангелія. Но теперьестественно раждается вопросъ: какимъ образомъ свойства воина могутъ соединяться съ свойствами учителя церкви? На это мы отвѣтимъ, что такое соединеніе дѣйствительно трудно, но возможно говоримъ потому, что во многихъ рыцаряхъ оно дѣйствительно было; можемъ даже сказать и такъ, что въ самомъ началѣ оно было во всѣхъ рыцаряхъ; но въ послѣдствіи времени, когда рыцарство пріобрѣло славу, а вмѣстѣ съ нею и огромныя богатства, воинственная сторона, или лучше сказать нерелигіозная, взяла верхъ надъ религіозною, и это уничтоженіе важнаго элемента было причиною паденія рыцарства.

Вообще соединеніе духа воинственнаго съ религіознымъ составляло самое главное и самое трудное дѣло; для этого нужны были сложныя средства. Обыкновенно, желающій посвятить себя высокому званію рыцаря, получалъ воспитаніе сообразное съ духомъ этого общества: при понятіяхъ о войнѣ ему сообщали понятія религіозныя; всегда старались показать между этими противоположными сторонами какую нибудь связь; наконецъ когда юноша достигалъ

лѣтъ уже 20, когда въ немъ умственныя и физическія силы вполнѣ развивались, его приводили къ алтарю, и часто въ присутствіи самого короля посвящали въ рыцари. Съ этого времени начиналась самая блестящая эпоха жизни посвященнаго; онъ гордился своимъ званіемъ, старался всѣми силами поддержать его, придать ему еще болѣе блеску, славы и могущества; онъ считалъ себя чѣмъ-то высокимъ, необыкновеннымъ, или лучше сказать, онъ себя только считалъ человѣкомъ, всѣ же прочіе недостойны были по его понятіямъ этого названія.

Такова идея была у каждаго рыцаря. Послѣ этого нисколько не покажется удивительнымъ, что этотъ классъ людей такъ быстро шелъ впередъ, и что онъ, въ такое короткое время, успѣлъ достигнуть самой высокой степени могущества и славы. Но представляя блестящую сторону рыцарства, не забудемъ указать и другую, не столь красивую.

Феодальная система, такъ долго угнетавшая Европу, готова была уже пасть; но съ появленіемъ рыцарства она получила свѣжія и крѣпкія силы Раждающееся общество рыцарей под-

держивало собою это огромное зданіе, которое безъ него непремѣнно рушилось бы; оно было для него самымъ вѣрнымъ оплотомъ; а поэтому, смотря на рыцарство съ этой точки, можемъ сказать, что оно было черезвычайно обременительно для Европы: оно продлило рабское ея состояніе, останавливавшее собою успѣхи торговли, промышленности и даже самаго просвѣщенія; но этого еще мало: рыцарство было причиною многихъ войнъ самыхъ гибельныхъ и ужасныхъ; да и самые крестовые походы не есть ли слѣдствіе рыцарства? Все, что только могло содѣйствовать къ пріятію крестовыхъ походовъ, все это заключалось въ рыцарствѣ: мечтательная набожность, воинственная предпріимчивость, рѣшимость на такія дѣла, о важности и трудности которыхъ въ эти времена не могли даже и думать,—все это заключалось въ рыцарствѣ, и все это содѣйствовало къ войнѣ за Гробъ Господень. Нѣтъ сомнѣнія, что и духовенство играло тутъ важную роль. Но теперь спрашивается: что оно могло сдѣлать безъ рыцарей, безъ этой вѣрной дружины вѣчно вооруженныхъ путешественниковъ, которые могли приводить въ ис-

полненіе всѣ планы и помыслы Папъ? Рыцари были, такъ сказать, правою рукою духовенства, безъ нихъ оно ничего не могло сдѣлать.

И такъ рыцарство было причиною двухъ важныхъ событій, по видимому гибельныхъ для Европы: продолженія жизни феодальной системы, и вооруженія Христіанскаго міра за Гробъ Господень. Первый фактъ, безъ сомнѣнія, былъ гибеленъ для Европы, но послѣдній, при всѣхъ своихъ величайшихъ потеряхъ былъ невыразимо для нея благодѣтеленъ: „подъ стѣнами Іе„русалима, (говоритъ нашъ высокопросвѣщен„ный мужъ) передъ Гробомъ Спасителя, поло„женъ былъ безъ вѣдома строителей, и коне„чно противъ ихъ воли, первый камень буду„щаго политическаго зданія Европы. Рыцари „креста погребли въ стѣпяхъ Сиріи лучшую „часть своихъ воинствъ, свою славу и свои бо„гатства; они предали на жертву жизнь нѣсколь„кихъ милліоновъ, они пролили рѣки крови „и слезъ;— но, исполнители неизвѣстнаго имъ „закона, они, въ замѣну толикихъ бѣдъ, при-

„несли въ Европу новую искру свободы и просвѣщенія.“ (а)

Вотъ краткій взглядъ на рыцарство; приступаю теперь къ его исторіи.

Рыцарь Рейтеръ (Ritter) всадникъ, конный воинъ, происходитъ отъ слова Roß конь. Еще въ глубокой древности, около 1200 лѣтъ до Рождества Христова, во времена Троянскихъ войнъ, было что-то очень похожее на рыцарство. Обыкновенно передъ праздествами молодые люди строили въ извѣстныхъ мѣстахъ цирки и совершали игры, которыя большею частію состояли въ бѣганіи, въ рукопашномъ боѣ, и другихъ разнаго рода гимнастическихъ упражненіяхъ. Эти игры учреждены были Греками, и не безъ цѣли: осада Трои продолжалась десять лѣтъ, молодые люди естественно могли наскучить войною, такъ долго длившеюся, а поэтому начальники войскъ, старясь поддержать въ нихъ духъ воинственный, а вмѣстѣ и желая доставить имъ удовольствіе, учре-

---

(а) См. рѣчь Его Высокопревосходительства С. С. Уварова, произнесенную въ главномъ *Педагогическомъ Институтѣ*, нынѣ С. Петербургскомъ *Университетѣ*, Марта 22 дня 1818 года стр. 43.

дили эти игры, которыя въ послѣдствіи, по раззореніи Трои, перенесены были и въ самую Грецію. Тутъ они нашли для себя новую пищу: *фамильныя войны*, потрясавшія Греческое Государство около ста лѣтъ (1100 г. д. Р. Х), а въ послѣдствіи законы *Ликурга*, составленные въ духѣ совершенно рыцарскомъ, чрезвычайно содѣйствовали къ распространенію *героизма* во всѣхъ странахъ, подвластныхъ Грекамъ. Это древнее рыцарство долго существовало; оно было въ силѣ еще и въ то время, когда Грція покорилась Македонянамъ; въ послѣдствіи уже времени, когда *Христіанская вѣра* начала распространяться, эти игры, а слѣдовательно и тогдашнее рыцарство, какъ противныя духу ея ученія, и несогласныя съ понятіями новаго Христіанскаго міра, мало по малу стали выходить изъ употребленія, и наконецъ объ нихъ совершенно забыли.

Въ Россіи, еще до введенія Владиміромъ Христіанской вѣры, былъ уже какой-то родъ рыцарства. Хотя и нѣтъ особенныхъ памятниковъ, которые подтверждали бы это мнѣніе, но есть много пѣсенъ, въ которыхъ подробно описываются дѣйствія Русскихъ рыцарей. Слѣ-

дующіе напримѣръ стихи, выписанные изъ *Краледворской рукописи* ясно подтверждаютъ наше предположеніе:

Грянули бубны и трубы,
Готовится все къ ратоборству.
Вотъ, предъ оградой широкой,
На вышкѣ багромъ обитой,
Возсѣдаетъ Князь съ старшинами,
Возсѣдаетъ Княгиня, дворянки,
И съ дѣвами Княжна людица;
И вотъ говоритъ Князь боярамъ:
„Кому первому выѣхать въ поле,
Того я, Князь, самъ назначу.“
И указалъ тутъ Князь на Стрибора;
Владислава Стриборъ вызываетъ,
И оба возсѣли на коней,
Берутъ они острыя копья,
И быстро другъ на друга мчатся.
Долго, дружно они выпадали,
Доколь не сломалися древки;
И оба они утомились,
И оба оставили поле.
Загремѣли трубы и бубны,
И Князь говоритъ ко дворянамъ:

„Теперь, на второй выѣздъ въ поле,
Сама Княгиня назначитъ.“
Указала она на Серпоша.
Святибора Серпошъ вызываетъ,
И оба садятся на коней,
Берутъ они острыя копья,
Серпошъ на Святибора мчится,
И съ сѣдла его высадилъ разомъ,
И быстро съ коня соскочилъ онъ,
И тутъ же мечи извлекаютъ;
Въ черный щитъ ударъ за ударомъ,
Отъ щитовъ ихъ сыплются искры,
Святиборъ поражаетъ Серпоша,
И грохнулся Серпошъ на землю;
И оба они утомились,
И оба оставили поле.
Загремѣли и трубы и бубны...,
и проч.

Слѣдовательно рыцарство образовалось не въ крестовые походы, какъ говорятъ нѣкоторые, но существовало гораздо раньше; нѣтъ сомнѣнія, что это древнее рыцарство не есть собственно начало того важнаго явленія, которое образовалось въ послѣдствіи времени: но все таки

и то мнѣніе, что крестовые походы положили начало рыцарству — ложно; во время ихъ оно только болѣе развилось и усовершенствовалось, но начало его должно скрываться въ какомъ нибудь другомъ важномъ явленіи среднихъ вѣковъ, и вѣроятно это явленіе — *Феодальная система.* Намъ кажется, что въ немъ заключалось зерно, изъ котораго въ послѣдствіи вырось и развился этотъ колоссъ, потрясшій собою всю Европу, въ самомъ ея основаніи. Разсмотримъ этотъ предметъ со вниманіемъ потому, что онъ довольно важенъ для насъ.

Феодальная система состояла въ раздробленіи Государства на многіе мелкіе участки, въ которыхъ каждый вассалъ считался полнымъ господиномъ своихъ подданныхъ или рабовъ; онъ ничѣмъ не стѣснялся: все, что только заключалось въ предѣлахъ его участка, принуждено было безусловно ему повиноваться; средняго класса, который могъ бы уравновѣшивать силы его — не было. Вассалы, въ дѣлахъ касавшихся только до цѣлаго Государства, принуждены были, по повелѣнію высшей центральной власти, которая вся сосредоточивалась въ особѣ самаго Короля, являться въ назначенное мѣ-

сто, гдѣ запимались разсмотрѣніемъ дѣлъ, относящихся ко всѣмъ удѣламъ вообще; во все же остальное время отъ такихъ занятій, они, или вели войну съ сосѣдами, или занимались охотою, которая, изображая собою родъ войны, доставляла имъ величайшее наслажденіе. Вообще война была стихіею вассаловъ; безъ ней они не могли жить, и отъ того-то Государства, въ которыхъ господствовала феодальная система, представляли собою рядъ безпрестанныхъ междоусобій; сильнѣйшій вассалъ обыкновенно угнеталъ слабыхъ, опустошалъ ихъ владѣнія, и наконецъ присоединялъ чужія земли къ своимъ; не рѣдко даже случалось и такъ, что онъ возставалъ противу верховнаго Правителя, Короля. Вообще буйство, безчеловѣчіе, грубое невѣжество, и совершенная зависимость отъ страстей составляли отличительное свойство вассаловъ. Впрочемъ другаго чего нибудь въ эти времена кажется и не могло быть: потому, что состояніе каждаго вассала было обезпечено; онъ ни въ чемъ не чувствовалъ недостатка, слѣдовательно и ни объ чемъ не заботился. Науками тогда не запимались, небыло еще той

высокой и благородной идеи заняться развитіемъ и усовершенствованіемъ ихъ; а по этому буйство, наглость и самоуправство были потребности самаго времени.

Но не всегда феодализмъ находился въ такомъ грубомъ невѣжествѣ: въ послѣдствіи времени низкія эти качества въ сердцахъ многихъ вассаловъ измѣнились, и приняли совершенно новое направленіе. Желаніе прославиться своею храбростію и честностію заставило многихъ перемѣнить прежній образъ жизни, и образовало изъ нихъ особый классъ людей-*рыцарей*. Еще въ самомъ началѣ существованія этого общества, можно было видѣть зародышъ того величія и той славы, которыя оно пріобрѣло въ послѣдствіи. И дѣйствительно, число рыцарей день ото-дня болѣе и болѣе увеличивалось; но они еще не соединялись между собою, не составляли никакихъ отдѣльныхъ обществъ. Каждый рыцарь жилъ въ своемъ замкѣ свободно, ни отъ кого не завися; все его занятіе состояло въ томъ, что обязывался принимать участіе во всѣхъ геройскихъ предпріятіяхъ, которыя въ тогдашнія времена очень часто случались; сверхъ того всѣ рыцари въ началѣ сво-

его существованія большею частію были богаты, и не требовали никакихъ постороннихъ вспоможеній; отъ того-то въ началѣ рыцарства небыло еще никакихъ отдѣльныхъ обществъ; они образовались уже гораздо позже, во время крестовыхъ походовъ, когда число рыцарей значительно увеличилось, когда между ними было много и бѣдныхъ, ничего не имѣющихъ, кромѣ своей честности и благородства. Вообще всѣ рыцарскіе ордена въ началѣ своемъ были такъ бѣдны и незначительны, что на нихъ почти никто не обращалъ вниманія; но несмотря на это, мало по малу они увеличивались, пріобрѣтали славу, а вмѣстѣ съ нею богатства, и наконецъ достигли такой степени могущества, что имъ всѣ начали удивляться.

Важнѣйшихъ орденовъ было три: орденъ *Тампліеровъ* или *Рыцарей Храма*, орденъ *Св. Іоанна Іерусалимскаго*, и орденъ *Меченосцевъ*.

Тампліеры и Іоанниты образовались почти въ одно и то-же время (1118—1120). Нѣсколько позже ихъ *Нѣмецкіе рыцари* (г. 1190). Всѣ они принимали самое живое участіе въ крестовыхъ походахъ. Но, по паденіи Акко

и послѣ совершенной уступки Іерусалима не вѣрнымъ, они разошлись по разнымъ странамъ. Рыцари Храма поселились во Франціи, и здѣсь они нашли свою гибель: хитрый и проницательный Филиппъ, прозванный *Красивымъ*, совершенно уничтожилъ этотъ орденъ и овладѣлъ его богатствами. Іоанниты сперва поселились на островѣ Родосѣ, и долго тутъ боролись съ могуществомъ Турокъ; но потомъ вытѣсненные ими оттуда, поселились на островѣ Мальтѣ, гдѣ и кончили свое существованіе. Нѣмецкіе рыцари первоначально жили въ Венеціи, но спустя нѣсколько времени, перешли въ Пруссію и соединившись тутъ съ Меченосцами, долго безпокоили сосѣдей; но наконецъ, мощною рукою Ягеллы были доведены до самаго жалкаго положенія.

И такъ рыцарство, вскорѣ по окончаніи крестовыхъ походовъ, примѣтно начало ослабѣвать, и наконецъ совершенно исчезло. Отъ чего же оно такъ скоро отжило свой вѣкъ? Отъ чего оно не существуетъ въ теперешнее время? Отвѣтить на это не трудно. Рыцарство имѣло только жизнь наружную; но жизни внутренней, которая одна только можетъ дать долголѣтіе,

въ немъ не было; отъ того и существованіе его не могло быть продолжительно; оно подобно метеору появилось и вдругъ исчезло, оставивъ послѣ себя самые незамѣтные слѣды; сверхъ того, изъ опредѣленія рыцарства можно уже видѣть, что это общество могло образоваться и жить только въ средніе вѣки, когда возмутительность и мечтательная набожность были отличительнымъ свойствомъ каждаго и всѣхъ вообще. Мы сказали, что рыцарство есть жизнь среднихъ вѣковъ; средніе вѣки прошли, и жизнь рыцарства непремѣнно должна была кончиться. Но хотя рыцарство пало, однако оно оставило послѣ себя и много хорошаго: поэзія и музыка получили новую жизнь, сильную и богатую по своему разнообразію; рыцарство смягчило грубые нравы тогдашнихъ народовъ, и наложило на нихъ печать какой-то свѣтскости и благородства; и если мы видимъ въ теперешнее время высшее развитіе этихъ свойствъ въ обществахъ, то началами ихъ одолжены рыцарству.

Ф. Анасинскій. Грод. Гим.

ВАТЕРЛОО.

Есть имена людей, безчисленное множество городовъ и селъ, рѣкъ и мѣстоположеній, которыя въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ ничего не говорятъ ни уму, ни чувству, ни воображенію. Но совершаются на лицѣ земли великія событія, раздаются громы битвъ, рѣшающіе участь Царей и Царствъ, и эти имена, выплываютъ, какъ изъ бездны, и яркими звѣздами горятъ для всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; такъ напр. до 480 года до Р. Х. какія чувства могли пробудить въ васъ Термопилы, или Канны за 216 предъ нашею эрою. Но проходятъ эти роковые моменты вѣчности, и въ ушахъ вашихъ безпрестанно, когда вы произносите слова эти, звучитъ: или „*Hannibal ante portas*;“ или „*прохожій! поди и возвѣсти Спартѣ, что мы здѣсь пали, повинуясь ея законамъ.*“

Равно Аустерлицъ, Бородино, Тарутино, Березина, что прежде могли представить, кромѣ бѣдныхъ географическихъ замѣчаній? Но, послѣ грозныхъ браней, которыя привѣтствовали по-

вое столѣтіе, спросите даже маленькое дитя, и оно отличитъ вамъ ихъ отъ огромной толпы другихъ географическихъ именъ. Съ этого времени они какъ будто бы покрылись какою— то чародѣйственною мантіею, которая всѣхъ къ себѣ привлекаетъ. Нѣтъ путешественника, который бы, будучи въ Россіи, не вспоминалъ объ нихъ; нѣтъ человѣка, въ которомъ бы эти названія не произвели самыхъ глубокихъ чувствъ. Такова равнымъ образомъ судьба и *Ватерлоо;* цѣлые вѣки пролетѣли надъ нимъ, и оно было безмолвнѣе пирамидъ Египетскихъ; но *пришелъ* 1815 годъ и оно, какъ дивный голосъ судьбы, громко говоритъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ о сущности человѣческихъ замысловъ. Здѣсь палъ Владыка міра, Властитель Царей и Царствъ, здѣсь палъ Наполеонъ. Наполеонъ! какъ много заключаетъ въ себѣ это слово! сколько чувствъ, сколько разныхъ воспоминаній пробуждаетъ оно въ душѣ человѣка! Но какихъ чувствъ, какихъ воспоминаній? такихъ ли, какія испытываемъ мы *на пр.* при имени Людовика, или при имени Петра Великаго. О, нѣтъ! совершенно различныхъ, столько же почти различныхъ, какъ различны небо и земля. Онъ былъ

намъ благотворитель, Онъ былъ намъ отецъ, подъ Его скипетромъ воскресла Русь, пробудилась отъ вѣковаго усыпленія, скажутъ о Петрѣ; онъ былъ великій человѣкъ, исполинъ, онъ предписывалъ законы Царямъ; но онъ обрызгалъ кровію весь міръ; разоренные города, села въ пепелищахъ, вотъ памятники его величія, — скажутъ о Наполеонѣ. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Разверните всю картину его жизни, посмотрите на каждое изъ его дѣйствій, наблюдайте за малѣйшимъ его движеніемъ, разсмотрите внимательнѣе каждое изъ его сраженій, все — все представляетъ рядъ удивительныхъ дѣйствій, но дѣйствій честолюбивыхъ: онъ стремился ко всемірному владычеству, и ежели бъ Англія и Россія не явились грозными для него соперницами, онъ былъ бы владыкою всего міра. Но достигъ ли бы ты своей цѣли тогда, былъ ли бы доволенъ собою? Утвердилъ ли бы ты спокойствіе и благоденствіе Европы, водворилъ ли бы въ ней миръ и правосудіе? Пусть отвѣтомъ на эти вопросы будутъ престолы Царей, созданные рукою этого исполина. Такой человѣкъ обо всемъ забываетъ, забываетъ даже что есть Богъ — и

ты, Наполеонъ, забылъ объ Немъ! ты думалъ, что ужъ ты безсмертенъ — что все принадлежитъ тебѣ на землѣ; но есть око Всевышняго, которое смотритъ на насъ, и наблюдаетъ, какъ за малѣйшимъ движеніемъ простолюдина, такъ и за каждымъ шагомъ Царей міра. Это невидимое, но всевидящее око, узрѣло тебя во мглѣ безвѣстности и возвело на самый верхъ счастія и величія земнаго; но ты забылъ объ немъ, и вотъ оно опять погружаетъ тебя въ бездну ничтожества. — О Ватерлоо! на твоихъ поляхъ упалъ этотъ властитель Европы; повергся этотъ колоссъ, столь долго угрожавшій безопасности цѣлаго міра.

Но откуда явился здѣсь Наполеонъ? Вѣнскій Конгрессъ не удалилъ ли его на о. Эльбу, какъ сокрушителя всемірнаго спокойствія, какъ врага тишины и безмятежности? И что за войско подъ его рукою? Неужели этотъ 7000, который, какъ развалины его величія, раздѣляли съ нимъ судьбу его изгнаній? Нѣтъ, Наполеону тѣсна была Эльба, ему тяжело было смотрѣть на измятые на головѣ его вѣнцы побѣдъ, и вырванную изъ рукъ его корону Франціи, и

вотъ этотъ дивный мужъ судебъ .....

. . . . . недавно погруженный

Во мракъ безвластія, на островѣ нѣмомъ,

Опять возникъ, туманнымъ божествомъ,

Предъ взорами Европы удивленной.

И такъ Наполеонъ опять между своимъ народомъ, опять посреди Французовъ, коими увхаплялъ, посреди войска, которое обожало его, и готово было пролить за него послѣднюю каплю крови. Ней, Сультъ, и Груши, всѣ собираются вокругъ своего вождя.

Орлиный взоръ вождя сверкнулъ передъ полками,

И взоръ тотъ поняли орлы,

И бурю двигнули крылами;

Свѣтило брани вновь горитъ,

И мчатся въ даль громовъ раскаты.

Пускай витійствуютъ палаты,

Ихъ шумъ побѣды заглушитъ.

И въ самомъ дѣлѣ, еще разъ геній его успѣваетъ примирить междоусобія; еще разъ предписываетъ законы; еще разъ, но увы! въ послѣдній разъ явился онъ предводителемъ 200,000 арміи; но вся надежда его была возложена на мужество воиновъ. Счастіе, какъ будто бы сно-

ва улыбается ему: первая битва довольно для него счастлива; Блюхеръ едва не теряетъ въ ней жизни; Веллингтонъ отступаетъ и сильно укрѣпляется — но это укрѣпленіе было предъ Ватерлоо. Наполеонъ уже кричитъ своимъ войскамъ по прежнему „C'est aujourdhui soldats, говоритъ онъ, l'anniversaire dé Marengo et de Friedland, qui décidèrent deux fois des destins de l'Europe ..... Marchons! à Jena, contre ces mêmes Prussiens, vous êties un contre deux et à Montmirail un contre trois“ и указываетъ воинамъ своимъ непріятеля. Атака начинается съ яростію; Наполеонъ стоитъ неподвижно и внимательно наблюдаетъ движеніе своихъ войскъ. Какая великая, страшная минута для этого исполина, который видитъ, что здѣсь рѣшается его участь! Какими чувствами былъ онъ тогда преисполненъ! Это ужъ не тотъ повелитель, который однимъ мановеніемъ брови разметывалъ полки, низвергалъ Царей съ престоловъ, надъ которымъ такъ пышно и свѣтло сіяла звѣзда счастія; это низверженный, по общему согласію, съ престола Царь, котораго одинъ безразсудный шагъ могъ погубить, одно

не такъ сказанное слово могло лишить всѣхъ побѣдныхъ вѣнцовъ. Прежде имя его наводило ужасъ на Европу; прежде проигрышъ битвы еще не отнималъ у него силы; но теперь все должно было кончиться въ случаѣ неудачи. Это послѣдняя его армія, послѣдняя его надежда. Какъ поразительна эта битва, когда смотришь на нее съ размышленіемъ! Кто стоитъ здѣсь съ одной стороны? Французы. — За кого же они сражаются? за Наполеона. Но кто таковъ Наполеонъ? Деспотъ, обманывающій народъ и войско льстивыми обѣщаніями. Какая цѣль его побѣдъ? На этотъ вопросъ даже трудно отвѣчать. И кто стоитъ съ другой стороны? Союзныя войска цѣлой Европы. За что они сражаются? За цѣлость Государствъ, за спокойствіе народовъ. — Теперь спросите мальчика, которой сторонѣ желаетъ онъ побѣды? и онъ скажетъ вамъ, что послѣдней, той, которая защищаетъ миръ тишину и благоденствіе. Въ самомъ дѣлѣ она побѣдила. Веллингтонъ и Блюхеръ сокрушаютъ силу врага Европы. До сихъ поръ предъ Наполеономъ еще свѣтился лучъ надежды: теперь все для него погибаетъ, и онъ напрасно въ

послѣдній разъ несется на непріятелей; напрасно

Глась вождя грозой разлился,
Очи вспыхнули его,
И, какъ лѣсъ зашевелился
Сонмъ отважныхъ вкругъ него.
И за нимъ, какъ за судьбою
Жаромъ гибельнымъ полна,
Быстро двинулася къ бою
Страшной гвардіи стѣна.
То сверкнетъ, то въ дымѣ тонетъ,
Отъ пальбы дрожитъ и стонетъ
Ходитъ моремъ грудь земли.

И въ самомъ дѣлѣ гвардія Наполеона, доколѣ всегда рѣшавшая участь битвы, съ яростію бросилась на непріятеля; но встрѣченная градомъ пуль и картечъ, прежде начала мѣшаться, потомъ уступать, а наконецъ совершенно разсѣялась. Tout est perdu a prèsant, воскликнулъ Наполеонъ и съ другими пустился бѣжать. Сколько чувствъ, сколько мыслей выражается въ словахъ — *все теперь потеряно!*

Гдѣжъ онъ? Гдѣ виновникъ губительной брани?
Чрезъ трупы убитыхъ, сквозь вопли и стонъ,
Сквозь сумракъ, сквозь ядра, и громъ воскликацій,

На добромъ конѣ выбивается онъ
Съ позорища рока; безмолвный, угрюмый,
Онъ ѣхалъ, закрытый въ полночную мглу,
Судьба измѣнила: одинѣ только думы
Державному вѣрны остались челу.

Дѣйствительно, судьба измѣнила любимцу своему! Ей какъ бы наскучило еще баловать его побѣдами; она положила конецъ имъ рѣшительный, неперемѣняемый болѣе никакими обстоятельствами. И такъ вотъ что будетъ говорить Ватерлоо всѣмъ вѣкамъ, и всѣмъ народамъ. Здѣсь найдутъ они краснорѣчивѣйшее свидѣтельство самой судьбы противу дерзости властителей земныхъ. Совершившаяся предъ нимъ битва не много найдетъ событій въ Исторіи, которыя бы свѣтились такимъ яркимъ блескомъ „ Вотъ почему уже много разъ поэзія и живо„ пись изображала эту картину. Байронъ и Валь„ теръ Скоттъ писали поэмы — Беранже пере„ давалъ ее въ пѣсняхъ, Горацій Вернетъ о„ плакивалъ въ своихъ картинахъ.“ Вотъ почему и Сѣверный Баянъ воспѣлъ ее на громозвучной своей лирѣ.

Горѣцкій. Вилон. Гим.

НѢЧТО О ТВОРЧЕСТВѢ.

Ежели могущество человѣка, власть его надъ милліонами другихъ, подвиги, сокровища и неизмѣнное счастіе, дарятъ ему славу; то не долженъ ли геній, создавшій что нибудь истинно великое, быть безсмертнымъ въ лѣтописяхъ міра? Не должно ли все человѣчество воздать дань творческому духу, проливпему свѣтъ въ тысячи душъ? Рѣшительно можно сказать, что одинъ только геній заслуживаетъ въ мірѣ вѣчное безсмертіе! Онъ идетъ среди сонма сверстниковъ по скользкому пути, ведущему въ храмъ безсмертія, усѣянному терніемъ препятствій и игорстей, окруженному завистниками, и врагами .... Но онъ попираетъ толпу, и стремится все выше и выше! Онъ творитъ, и самъ себѣ воздвигаетъ храмъ славы, гдѣ послѣ потомки, на божественныхъ скрыжаляхъ, воскурятъ ему ѳиміямъ благодарности; самъ себѣ воздвигаетъ неразрушаемый вѣками памятникъ, на которомъ вѣчно будетъ цвѣсти лавръ безсмертія! Онъ творитъ и оставляетъ плодъ своихъ трудовъ будущимъ

вѣкамъ: это подарокъ предка потомству; это завѣтъ генія — геніямъ. И хотя иногда и не оцѣнятъ его современники, но будущее воздастъ ему должное.

Сравните судьбу великаго генія съ судьбою великаго народа. Они оба стремятся къ своей высокой цѣли, и наконецъ достигаютъ ее. Смотрите! Они оба падаютъ подъ ударами рока..... Но одинакова ли ихъ смерть? Народъ извѣстный всему міру своимъ могуществомъ, восторжествовавшій надъ врагами, окруженный со всѣхъ сторонъ блескомъ славы, народъ, который перешелъ всѣ ступени гражданственности, достигъ высокаго своего предназначенія, и былъ грозою другимъ народамъ — палъ, и съ нимъ гибнетъ все, что составляло его славу. Колыбель возрожденія является на гробахъ разрушенія; раждаются новыя племена, новыя Царства. Слѣды его существованія мало помалу теряются, остатки исчезаютъ отъ дыханія времени, этого неразгаданнаго сфинкса, сметающаго крыльями своими съ лица земли все, и дѣла природы, и произведенія человѣка, — разрушающаго царства и селенія, едва замѣтныя былинки и неприступныя скалы.

Исторія сохраняетъ преданія объ исчезнувшемъ народѣ, потомки воспоминаютъ прадѣдовъ, и хотя сохранятся памятники, свидѣтельствующіе объ его бытіи; можетъ ли преемникъ окинуть взоромъ всѣ эти разсѣянныя частицы нѣкогда огромной массы, можетъ ли составить точное понятіе о прошедшемъ? Его взоръ не пронзитъ мглы минувшаго времени, его воображеніе не развернетъ совершенно предъ собою свертка вѣковъ, канувшихъ въ вѣчность.

Народъ погибъ для свѣта. А какова судьба генія?

Человѣкъ, которому рокъ назначилъ быть геніемъ, раждается, растетъ .... его духовныя силы укрѣпляются, умъ и сердце образуются; въ немъ уже замѣтны проблески геніяльности; онъ начинаетъ трудиться, приноситъ дань обширному царству наукъ и искуствъ, и наконецъ, бросая безпрестанно свои прелестные цвѣты въ необозримый цвѣтникъ образованія, дѣлается незабвеннымъ. И между тѣмъ, какъ свѣтъ удивляется его произведеніямъ, смерть сражаетъ его! Онъ умеръ..... его ужъ нѣтъ..... но онъ живетъ еще для потомства; да, онъ весь

живетъ! Мы видимъ его созданія, разсматриваемъ, углубляемся въ этотъ драгоцѣнный обломокъ той колоссальной мысли, которая нѣкогда разлита была въ его душѣ: и не видимъ ли мы въ немъ какъ въ зеркалѣ, всей души творца? не постигаемъ ли всѣхъ его чувствованій, идей, страстей? не узнаемъ ли направленія его нравственныхъ силъ? такъ, истинный и рѣдкій геній живетъ вѣчно для человѣчества: память объ немъ, начертанная въ умахъ, неизглаживается вѣками. Пусть со временемъ родится другой геній, болѣе счастливый, болѣе достойный безсмертія. Но развѣ слава его затмитъ славу перваго? нисколько: они оба были рѣдкіе дары неба, оба нравственные феномены. Взглянувъ на пространный горизонтъ просвѣщенія, замѣтивъ этихъ двухъ геніевъ, сіяющихъ подобно двумъ звѣздамъ, взоръ нашъ на всякомъ изъ нихъ останавливается съ равнымъ любопытствомъ, и если видимъ между ними различіе, мы непремѣнно должны подумать о томъ, какія обстоятельства способствовали или мѣшали совершенному развитію этихъ талантовъ, какая страна ихъ родила, и какой вѣкъ образовалъ ихъ? Разсмотрите незабвен-

наго ПЕТРА I, не какъ любителя и высокаго цѣнителя наукъ, не какъ умнаго и просвѣщеннаго мужа — но какъ великаго Монарха.

Провидѣніе даровало XVIII вѣку ПЕТРА, и этотъ необыкновенный геній, цвѣтъ вѣковъ, изумилъ всю Европу. Онъ самъ себѣ воздвигъ памятникъ огромный, величественный, прекрасный памятникъ! .... Горестны были для Русскихъ минуты, когда дикіе сыны Азіи нахлынули въ ихъ отчизну и вдругъ потоки крови вскипѣли на родныхъ поляхъ и пажитяхъ, жилища вспыхнули; на мѣстахъ, гдѣ возвышались цвѣтущіе города, остались печальныя развалины, и груды пепла. Россія пала подъ ударами враговъ. Прошли три вѣка. Она свергла оковы рабства; Іоаннъ даровалъ ей свободу, водрузивъ опять Русское знамя на могилахъ золотой орды. Время проходило, и она стремилась къ своему высокому предназначенію, ожидая только генія, который поставилъ бы ее наравнѣ съ прочими Государствами Европы; у нея былъ Іоаннъ III освободитель ея; Пожарскій и Мининъ, герои, готовые пролить за нее послѣднюю каплю крови; Алексій, даровавшій ей законы; наконецъ Богъ послалъ ей ПЕТРА

Великаго, готоваго всѣмъ жертвовать для ея счастія, и, увы! пожертвовавшаго даже своею драгоцѣнною жизнію! Этотъ вѣнценосный гигантъ, сотворилъ ея славу и благоденствіе, — и благодарное отечество никогда его не забудетъ. Онъ былъ равно великъ и въ порфирѣ Монарха, и въ камзолѣ солдата; ему равнымъ образомъ удивлялся и современный Государь и бѣдный его подданный. И сколько было преградъ, мѣшавшихъ этому необыкновенному Монарху подвизаться на поприщѣ славы? Сразить сильныхъ враговъ, угрожавшихъ его орудію, побѣдить знаменитаго Государя, извѣстнаго Европѣ своими геройскими подвигами, твердою волею, силою генія; смирить непокорныхъ внутри отечества, сорвать съ Россіи печать Азіятскаго невѣжества, тяготѣвшую надъ нею въ теченіи 3^хъ вѣковъ; сокрушить остатки дикихъ Татаръ — вотъ что долженъ былъ совершить ПЕТРЪ Великій, что бы содѣлать отчизну свою счастливою. — Все это занимало великую душу Россійскаго Монарха. Его быстрый геній парилъ надъ всѣми странами, подвластными скипетру Россіи; его орлиный взоръ окинулъ все, что только препятствовало царственнымъ

его подвигамъ; его высокая душа, оживленная чистою вѣрою, уносилась за предѣлы вещественнаго міра; его желѣзная воля сокрушила самыя твердыя преграды, и наконецъ Великій Вѣнценосецъ создалъ Россію, и доколѣ она будетъ существовать, дотолѣ онъ будетъ жить въ памяти потомковъ! Вдругъ смерть похитила у Россіи ПЕТРА I, Онъ умеръ съ горестною думою о своихъ подданныхъ, проливающихъ потоки слезъ, но онъ остался живымъ навсегда для Россіи.— Скажите, кто возстановилъ ея благоденствіе? кто освободилъ ее отъ цѣпей невѣжества, омрачавшаго ея смѣлый небосклонъ? кто съ гордостію указалъ врагамъ силу ея оружія? кто шумныя воды морей покрылъ флотомъ? кто даровалъ ей столько спасительныхъ законовъ? кто наградилъ добрыхъ сыновъ отечества? кто устроилъ города и воздвигъ величественную столицу?... ПЕТРЪ Великій! И на чей памятникъ теперь умильно взираютъ жители сѣвернаго нашего палладіума? ПЕТРА Великаго! Слѣдовательно мы вездѣ видимъ творенія ПЕТРОВЫ, вездѣ встрѣчаемъ отпечатки его генія; онъ живетъ всюду въ своихъ созданіяхъ.

Уже умчалось въ вѣчность цѣлое столѣтіе съ той минуты, когда скончался этотъ безсмертный Монархъ!

Но прошедшія событія суть причиною настоящаго; настоящее залогъ будущаго. Видя нынѣшнее состояніе Россіи, нельзя не сказать, что это все слѣдствіе минувшаго времени, и что громъ теперешней ея славы есть отголосокъ прежней, ПЕТРОВОЙ.

Взгляните на безбрежное поприще наукъ и художествъ, бросьте мыслепный взоръ въ бездну прошедшаго времени. Сколь пріятное и высокое зрѣлище раскрывается предъ вами. Вы читаете въ священной книгѣ тысящелѣтій имена Гомера, Виргилія, Тацита, — имена пѣвцовъ Рима и Греціи, великихъ Историковъ міра. Они бросили свои безцѣнные труды въ тотъ разсадникъ Поэзіи и Исторіи, куда послѣ посылались тысячи созданій! Ихъ творенія памятники древности, зерцало бытія великихъ народовъ. Разсмотрите ходъ наукъ и искуствъ въ новѣйшія времена! Подъ голубымъ небомъ Италіи жилъ Галилей, Рафаель, Данте, Тассъ; Франція родила Декарта, Монтаня, Аміота, Расина; Англія — Ньютона, Галея,

Мильтона, Гиббона, Байрона, Вальтеръ Скотта, Шекспира и другихъ великихъ мужей. Они углублялись своею душою въ созерцаніе природы, проникли въ самые отдаленные ея тайники, постигли законы міроздапія, и показали свѣту могущество человѣческаго разума. И могутъ ли они не быть безсмертными? Пусть любитель всего прекраснаго броситъ взглядъ на прошедшіе вѣки; онъ съ радостію произнесетъ имена великихъ Поэтовъ, вдохновенныхъ пѣвцовъ. И чтожъ такое вдохновеніе? Искра божественнаго огня, падающаго съ неба, и зароняющаяся въ душу человѣка, волшебный отблескъ природы на сердцѣ. А Поэзія? Это верхъ изящности, цвѣтъ творчества! Читайте жизнеописанія великихъ Поэтовъ: вы узнаете ихъ внѣшнюю жизнь; читайте плодъ ихъ вдохновенія — и вы узпаете ихъ внутреннюю жизнь. Здѣсь они сами говорятъ вамъ о своемъ кратковременномъ бытіи, о пламенныхъ чувствахъ, незнавшихъ предѣловъ, о буйной фантазіи, которая парила по цѣлому міру, а ихъ лавры не увядаютъ на алтаряхъ Поэзіи.

Но удивительно, отъ чего геніи, исполненные Поэзіи, творятъ быстрѣе въ несчастіи,

чѣмъ среди блеска и шума? Великій Тассъ, окруженный ужасными обстоятельствами, преслѣдуемый завистію, изнемогающій подъ тяжестью горя, изливалъ съ жаромъ свои чувства; и какіе громозвучные, какіе гармоническіе были звуки его лиры! Лишенный всякаго утѣшенія, съ душою сдавленною горестями, бѣдный пѣвецъ Юнгъ, описалъ страшную картину Суда Божія. Делиль, не видя солнечнаго свѣта, ударялъ тихо и величаво въ струны своей лиры. Марлинскій, незабвенный первенецъ Русскихъ писателей, часто писалъ тоже съ сердцемъ сжатымъ грустью и печалью.— „Въ горькія воды Каспія, лились мои горькія слезы“— сказалъ онъ, но за то какъ сладки его пѣсни, и какой бальзамической напитокъ льютъ онѣ въ душу читателя! Да, самыя даже несчастія и горести даютъ много пищи высокой, поэтической душѣ; въ минуты горя тайникъ души поэта раскрывается, и изъ него незамѣтно выроняются искры небеснаго пламени, которыя, быть можетъ, безъ ударовъ злобнаго рока, на вѣки въ немъ скрывались бы. Тогда-то въ полной мѣрѣ пѣвецъ узнаетъ, что

такое счастіе, что такое самая жизнь человѣческая. Міръ ему представляется совершенно въ другихъ краскахъ, чѣмъ человѣку, наслаждающемуся благами, и потому неудивительно, что многіе поэты, проливая слезы, изливали вмѣстѣ свое вдохновеніе, свои очаровательныя пѣсни.

Л. Плошинскій Вил. Двор. Инст.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА И ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Смотри, какъ улыбается вновь раждающаяся природа, какъ все восхищаетъ въ ея очаровательномъ младенчествѣ, какимъ все дышетъ веселіемъ и радостію, какъ все цвѣтетъ и благоухаетъ. Вся она одѣта зеленымъ покрываломъ, усѣяна цвѣтами, перевита тысячами ручьевъ, и все представляетъ въ волшебныхъ и очаровательныхъ краскахъ. Ничто не напоминаетъ о бурѣ, ни что не возмущаетъ веселія.

Такъ и человѣкъ въ своемъ младенчествѣ. Такъ рѣзвое дитя играетъ весело и проводитъ беззаботно дни своей жизни. Все его восхищаетъ, все для него дѣлается источникомъ наслажденій, всѣ предметы представляются ему въ прелестномъ видѣ. Онъ чуждъ печалей и заботъ; онъ подобно веснѣ украшаетъ цвѣтами все его окружающее и ни малѣйшее облачко непомрачаетъ лазури его горизонта.

Но смотри, какъ невоздѣланная еще земля ожидаетъ рукъ трудолюбиваго земледѣльца; смотри какъ онъ, бразда ее своимъ плугомъ, сѣетъ сѣмена будущихъ плодовъ, зная, что богатая осень вознаградитъ малѣйшіе труды его весенніе; зная, что въ веснѣ заключается весь источникъ осенняго изобилія. Такъ и юныя лѣта человѣка требуютъ тщательныхъ попеченій, неутомимой руки, которая бы бросила въ него первыя сѣмена науки, освѣтила слабый еще умъ его, и указала ему путь ко храму просвѣщенія, гдѣ бы онъ на закатѣ дней своихъ успокоился подъ лаврами, сплетенными ему въ возрастѣ его дѣтства.

Но вотъ настало лѣто, и цвѣты долго украшавшіе весну, пали на землю, развѣялись вѣтромъ, и мѣсто ихъ заняли зародыши будущихъ плодовъ. Зарытыя въ землю зерна произрастили высокіе класы, и покрытыя ими поля обѣщаютъ богатую жатву. Неутомимые садовники подпираютъ отягченныя плодами вѣтви деревъ своихъ и съ веселымъ видомъ смотрятъ на зрѣющіе плоды своихъ трудовъ и попеченій.

Не такъ ли и юноша, окруженный наставника-

ми, вспомоществуемый ихъ совѣтами съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новыя свѣдѣнія, обогащаетъ ими юный свой разумъ, а своими успѣхами утѣшаетъ своихъ наставниковъ? Вмѣсто весенних цвѣтовъ, вмѣсто зародышей, онъ приноситъ имъ плоды своего образованія, награду неутомимыхъ о немъ попеченій.

Но смотри, кончилось и лѣто; поля, покрытыя богатою жатвою, привлекаютъ къ себѣ земледѣльцевъ, которые спѣшатъ къ нимъ съ серпомъ и косой, собираютъ плоды своихъ трудовъ и запасаются ими на суровую и холодную зиму. Съ радостію и веселіемъ наполняютъ они хлѣбомъ пустыя житницы свои, и съ спокойствіемъ смотрятъ на приближающуюся зиму.

Что другое представляетъ намъ и мужескій возрастъ человѣка, какъ не подобное собраніе плодовъ, посѣянныхъ въ дѣтствѣ и возращенныхъ въ лѣтахъ его юности?

Но вотъ и зима уже предстала. Свѣлнные вѣтромъ листья покрыли поля и долины, вѣтеръ шумитъ въ дубравахъ и рощахъ, и волнуетъ свѣтлыя воды синяго озера; съ крикомъ и шумомъ дикіе гуси оставляютъ свои жи-

лища, и все знаменуетъ близкую смерть природы. Наконецъ она оцѣпенѣла, и высокія снѣга покрыли поля, долины и пропасти. Ничто не напоминаетъ о той веселой веснѣ, о томъ радостномъ времени, въ которое все цвѣло, все дышало роскошною жизнію.

Такъ точно и дряхлая, обезсиленная старость, такъ точно и послѣдніе дни человѣческой жизни ознаменованы холодностію и омертвѣніемъ. Всѣ страсти тогда погасаютъ и въ жилахъ старца не играетъ уже кровь съ тою игривою живостію, которая воодушевляла его въ молодости. Осталось только сладкое или горькое воспоминаніе минувшаго, и веселый или мрачный взоръ въ будущее. Новая весна ожидаетъ его за предѣлами гроба, но весна вѣчно юная и полная надеждъ счастливой и безмятежной жизни.

Тамъ, тамъ за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Тамъ вѣнецъ безсмертія и радости ожидаетъ земныхъ тружениковъ.

Карамзинъ.

И. Слѣпцъ. Вил. Гим.

КЛАССИЧЕСКАЯ И РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Натура, изливши на человѣка всѣ превосходнѣйшіе дары свои, украсила его послѣднимъ, достойнымъ себя даромъ,— словесностію. Изъ устройства человѣка видно, что эта способность была для него необходима. Умъ, назначенный для развитія до самой всеобъемлемости, безъ этого дара могъ бы отупѣть и исчезнуть; человѣкъ могъ ли бы достигнуть высокой степени образованности? А прекрасная его поэтическая способность? А способность принимать впечатлѣнія предметовъ? Гдѣ нашли бы онѣ побужденіе къ жизни? Что составило бы ихъ наружную форму и облекая словами, освободило бы отъ забвенія? Мудрая природа дала двухъ спутниковъ словесности: вкусъ и разумъ. Безъ этихъ руководителей, словесность могла ли быть великимъ даромъ? Она была бы однимъ фантомомъ, облекающимъ своею

ложною одеждою неопредѣленную пустоту воздуха.....

Первое слово, произнесенное человѣкомъ тотчасъ послѣ его созданія, служило основаніемъ литературы народовъ; первое слово восторга при видѣ чудесныхъ твореній натуры, созданное необыкновеннымъ душевнымъ волненіемъ положило основаніе литературы романтической; классическая литература родилась уже гораздо позже.

Поэтическое состояніе перваго человѣка, обитателя прекраснаго рая, свидѣтеля неимовѣрныхъ чудесъ, ежедневно совершавшихся передъ его глазами, мечтателя, приводимаго въ восторгъ прекрасными явленіями натуры, состояніе до тѣхъ поръ извѣстное однимъ Ангеламъ, сколь многаго давало бы намъ право ожидать отъ себя, если бы словесность была тогда на такой степени, которая бы хотя нѣсколько давала намъ право требовать отъ перваго человѣка преданія Поэзіи; къ несчастію онъ одинъ только наслаждался своими гармоническими ощущеніями, не помышляя совсѣмъ о томъ, что бы передать ихъ своимъ потомкамъ; у насъ есть прелестные образцы поэзіи, но образцы поэзіи первобытной гармоніи унесены отъ насъ потокомъ времени.

Наивная невинность и прелесть, безъ сомнѣнія составляли характеръ этихъ поэтическихъ ощущеній; никогда въ послѣдствіи времени, геній человѣка не создавалъ подобныхъ звуковъ, потому, что никто не былъ такъ способенъ къ выраженію мелодическаго порыва сердца, какъ тотъ, кто такъ глубоко и вѣрно изучилъ его по опыту. Никогда въ послѣдствіи времени не было столько предметовъ для вдохновенія: вѣчно синее небо, освѣщаемое поперемѣнно отдаленными свѣтилами, неувядающая зелень миртовыхъ рощей, журчаніе сребристыхъ источниковъ, сизые занавѣсы тумановъ, волнующихся надъ землею, привѣтный ликъ новорожденнаго мѣсяца, и золотыя звѣзды..... Какія мысли облекали чело мечтателя при взглядѣ на чудеса природы! тишина райская, какъ волновала кровь его! что говорили сердцу трепетныя вѣтви кипариса! какъ стоялъ онъ и глядѣлъ въ молчаніи на это небо, въ которомъ онъ, казалось видѣлъ Бога, на эту ночь, которая дышала безмолвіемъ на вселенную; глубокая тишина вокругъ него... Когда несчастнаго человѣка убилъ первый грѣхъ его и печальное чувство губило изгнанника-страдальца; мучи-

тельное воспоминаніе текло въ душу грѣшника и грызло сердце; въ то же самое время была опять ночь, съ тѣмъ же мѣсяцемъ и звѣздами, но не такая, какую онъ провелъ въ раю..... это была славнѣйшая эпоха романтизма; выше романтическая литература никогда не достигала..... Съ умноженіемъ человѣческаго населенія, словесность стерегла на каждой степени процвѣтающее образованіе: патріархальная чистота правовъ, самобытность внутреннихъ чувствъ, надежда свѣтлаго счастія въ будущности, сколько доставляли волшебства небеснымъ ощущеніямъ! Сколько мыслей для выраженія, идеала, для осуществленія созданій фантазіи! Когда взлелѣянный столѣтіями родоначальникъ семейства, сидѣлъ среди потомковъ у хижины, въ часы успокоеннаго вечера и луна-волшебница восходила изъ-закрая деревъ и лила на сѣдины свое одушевленное сіяніе, къ разговорамъ старца прислушивалось важное безмолвіе, и дерева кивали одобрительно своими вѣтвями; настроенное въ высокихъ тонахъ воображеніе улетало за предѣлы необозримаго горизонта, воспитываемое урочнымъ безмолвіемъ полночи; отъ небесъ склонялись Ангелы, и смотрѣли въ

торжествѣ своемъ на величественное одушевленіе натуры, и мнилось, слышно было на землѣ присутствіе Бога, въ тѣ восторженныя минуты, какъ благосклонно разливались непостижимыя ощущенія!... Но если бы исполненіе мыслей восходило до равенства съ ощущеніями, сколькими прелестями было бы у насъ болѣе!

Люди размножились на великомъ пространствѣ, заселили обширныя страны, имъ стало тѣсно, имъ нужно было разселиться, они стали искать однихъ выгодъ, на нихъ меньше дѣйствовали красоты природы; неизвѣстные поэты въ одиночествѣ наслаждались гармоническими пѣснями; народы потоплены были во мракѣ невѣжества и неизвѣстности, изрѣдка стукъ оружія оглашалъ могильную тишину страшнымъ и печальнымъ звукомъ, какъ молотъ гробовщика, который заколачиваетъ наглухо тѣсную хижину смерти. Въ немногихъ счастливыхъ странахъ разцвѣтало раннее просвѣщеніе, какъ при началѣ лѣтняго дня, блескъ свѣта, еще невѣрнаго и неизвѣстнаго; но и для Египта іероглифы остались іероглифами; немногіе избранные обладали великою тайною.....

Долго положено было покрывать мраку все-

ленную; печальныя тучи блуждали на горизонтѣ народовъ; солнце не осмѣливалось проницать этого ужасающаго сумрака; рѣдко луна, выбивалась изъ облака, освѣщала черные и угрюмые монастыри, гдѣ въ желѣзномъ окнѣ, сіяла трепетная лампа, и рука неизвѣстнаго инока ночью чертила при ней на хартіи буквы; рѣдко звѣзды не освѣщали блестящаго, молніеноснаго оружія, люди ходили въ совершенномъ мракѣ, на перепутіи сталкивались другъ съ другомъ; по мѣстамъ свѣтили потухавшіе волканы пожаровъ, текла кровь.....

Въ чертогахъ Королей и Герцоговъ за чашами пѣнпаго вина раздавалась жалобная пѣснь менестреля, какъ звукъ отлетающаго соловья въ отдаленной дубравѣ; прелестная владѣтельница замка, съ тайною думой, внимала счастливому поэту, и въ тайнѣ отдавала ему съ чувствами сердце, плѣненное дивною прелестью романса..... Но всѣ люди не покорствовали прекрасной гармоніи поэзіи; счастливый юноша, который обладалъ небеснымъ талантомъ, одинъ проходилъ свое земное поприще; и рѣдко мирныя слезы сочувствія орошали нѣжную почву его сердца, высушенную продолжительными

засухами; рѣдко звукъ оружія не заставлялъ умолкать волшебной арфы поэта, и не орошалъ очей его слезами томленія и безнадежности. Но великій XVIII вѣкъ уже вступалъ въ новую жизнь свою; первый лучь денницы разогналъ легкій сумракъ его окружающій; и туманы понеслись въ воздухъ, гонимые приближеніемъ утренняго солнца; люди удивились, видя надъ головами своими великолѣпное свѣтило, котораго блескъ сіялъ ярче, нежели острое лезвее ихъ оружія; геніи воспѣли его явленіе и классическія творенія обозначили жизнь вѣка совершенствъ и заблужденій; они были, какъ легкій туманъ, который заслоняетъ совершенную красоту натуры, и который по приближеніи восточнаго солнца спѣшитъ уступить мѣсто прекраснымъ лучамъ возрожденнаго дневнаго свѣта.

Н. Зайцевъ Мин. Гим.

О МУЗЫКѢ.

Разыгрывая въ теченіи десяти лѣтъ сочиненія разныхъ композиторовъ, я всегда желалъ узнать ихъ біографіи, и для этого обыкновенно справлялся съ Нѣмецкимъ Энциклопедическимъ Лексикономъ, и многими другими сочиненіями этого рода. Предполагая, что не всѣ мои читатели имѣютъ точное понятіе о музыкѣ, я рѣшился составить общее обозрѣніе и исторію музыки, частію изъ переводовъ образцовыхъ сочиненій, частію же изъ моихъ собственныхъ наблюденій. Разсматривая многія отличныя произведенія, способствующія къ распространенію круга музыкальныхъ знаній, я замѣтилъ, что почти ни въ одномъ изъ нихъ не соединены теорія съ практикою. Неоспоримо, что руководства Крамера и Черни суть отличнѣйшія въ этомъ родѣ; но и онѣ недостаточны, ибо въ руководствѣ Крамера находится одна только практика, а въ Черни много теоріи, а весьма мало практики; одно только ихъ соединеніе можетъ составить истинное

руководство. Я не намѣренъ соединять эти два сочиненія въ одно; ибо это трудъ не по моимъ силамъ и дарованіямъ, предоставляю это людямъ одареннымъ лучшими способностями; излагаю только главнѣйшія мнѣнія о музыкѣ. — Этотъ краткій взглядъ на музыку состоитъ изъ двухъ частей: первая часть разсуждаетъ о музыкѣ вообще, а вторая объ ея исторіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

о Музыкѣ Вообще.

Принимаясь за какой бы то ни было предметъ, мы невольно спрашиваемъ: что это за предметъ? И такъ, разсуждая о музыкѣ, естественно спросить: что такое музыка?

„ Музыка,— какъ говорилъ одинъ изъ нашихъ „ молодыхъ литераторовъ, есть изліяніе души, „ переполненной чувствомъ, котораго она не „ смѣетъ ввѣрить языку обыкновенному. Му- „ зыка, взятая отдѣльно, дѣйствуетъ только на „ душу, и слѣдовательно живетъ одною поэзіею. И дѣйствительно, какое стихотвореніе, какая живопись имѣетъ большее вліяніе на наши чувства, дѣлаетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на нашу душу, какъ звуки какого нибудь инструмента,

которые то умолкаютъ, то разливаются въ мелодическихъ тонахъ, то быстро переходятъ въ страстные аккорды, и снова замолкаютъ, наполняя ее предчувствіемъ чего то страшнаго, величественнаго, или прелестнаго? Можетъ быть одно изъ величайшихъ наслажденій музыканта есть способность, перелпвать потокомъ тоновъ чувствованія свои въ душу, способную понимать насъ, между тѣмъ, какъ другіе видятъ только бѣглость пальцевъ и прелесть игры. Хотя Музыка не имѣетъ опредѣленнаго значенія, однакожъ можетъ выражать относительно ощущеній нравственныхъ: молитвою любовь божественную, нѣжностью своихъ мелодій любовь земную, силою, выразительностію, энергіей своей гармоніи — мужество, храбрость, гнѣвъ, гордость и отчаяніе. Въ отношеніи къ чувствамъ физическимъ, она подражаетъ грому сраженія и шуму разъяренныхъ волнъ, свисту вѣтровъ, щебетанью птицъ, и вообще всѣмъ звукамъ, которые приводятъ душу въ сладостное, или сильное движеніе. Соединенная съ поэтическими формами языка, музыка пріобрѣтаетъ еще болѣе прелести отъ такого соединенія, далеко разширяющаго ея область. Въ Драмѣ, она придаетъ

стихамъ силу декламаціи. Изъ величественной и мечтательной, какою кажется въ драмѣ, музыка дѣлается въ водевилѣ рѣзвою, шаловливою, иногда даже насмѣшливою. Сегодня видите вы веселаго Сивильскаго Цырюльника, это остроумное созданіе Бомарше, которое звуки Россини сдѣлали еще остроумнѣе; а завтра слышите Донъ Жуана, котораго обезсмертили волшебные аккорды Моцарта.

Развитіе искуства, доставляющаго такія разнообразныя наслажденія, должно бъ было, повидимому, совершаться, по мѣрѣ того, какъ Европа упрочивала себѣ просвѣщеніе. Не смотря на это, изъ всѣхъ искуствъ только одна музыка шла къ совершенству медленно, за неимѣніемъ образцовъ, которые оставила намъ древность.

Музыку, подобно каждому искуству, можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: въ эстетическомъ и въ техническомъ. Въ первомъ отношеніи, музыка разсматривается какъ изящное; въ техническомъ же, какъ искуство, основанное на счетѣ, акустикѣ, гармоніи, мелодіи; каждый, имѣющій хотя первоначальныя познанія музыки, легко пойметъ, какимъ

образомъ она основывается на счетѣ; она основывается на акустикѣ, потому, что она есть наука о звукахъ, слѣдственно и о тонахъ; наконецъ на гармоніи и мелодіи, потому, что безъ нихъ она не могла бъ существовать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Общій Взглядъ на исторію Музыки.

Вокальная музыка познакомила древнихъ съ инструментальною, которая служила только аккомпаніаментомъ первой. Священное Писаніе говоритъ, что Ювалъ, сынъ Ламеха, живтій до всемірнаго потопа, игралъ уже на инструментахъ, но на какихъ именно, это намъ неизвѣстно; однакожъ многіе догадываются, что это вѣроятно былъ духовый инструментъ, родъ флейты. Во времена Давида и Соломона, музыка достигла у Израильтянъ до высочайшей степени совершенства, даже часть ихъ богослуженія состояла въ пѣніи псалмовъ.— Достойно вниманія то, что Египтяне ревностно занимались всѣми науками и искуствами, исключая музыки, которая имъ была почти совершенно неизвѣстна. Слово музыка получило свое начало у Грековъ, которые подъ онымъ понима-

ли: Музыку, Живопись, Поэзію, Краснорѣчіе, и Философію. Греки ее наиболѣе усовершенствовали. Римляне прославились въ военной музыкѣ; сначала она была у нихъ въ пренебреженіи, но въ послѣдствіи содѣлалась предметомъ роскоши. Съ нашествіемъ варваровъ на Римъ, музыка пала, и была снова возстановлена въ средніе вѣка, и посвящена богослуженію. Заключенная во внутренности храмовъ, она долго оставалась простою и важною, какъ молитва. Не смотря на то, первыя изслѣдованія въ ней, какъ въ наукѣ, принадлежатъ къ числу тѣхъ великихъ трудовъ, которые въ уединеніи приготовляли умственное развитіе всего Христіанскаго міра. Между тѣмъ, какъ новые народы почерпали науки и искуства въ твореніяхъ оставленныхъ намъ Греками и Римлянами, только одна музыка оставалась еще въ дѣтствѣ. Нынѣшняя наша музыка совершенно отличается отъ музыки Греческой. Въ то время одни и тѣ же ученые занимались и грамматикой и музыкой, которая была тѣсно связана съ языкомъ. Когда Христіанство озарило міръ своимъ свѣтомъ, Евангельскія нравоученія въ устахъ Апостоловъ не имѣли нужды въ посто-

роннемъ пособіи, чтобъ казаться краснорѣчивыми. Если музыка введена была въ обряды богослуженія, то развѣ для того только, чтобъ увеличить торжественность и пышность священныхъ обрядовъ, а не для поддержанія, или утишенія голоса проповѣдниковъ слова Божія.

Въ новѣйшее время музыка, освободясь отъ всѣхъ препонъ, такъ долго стѣснявшихъ полетъ ея, возсіяла всѣмъ своимъ блескомъ. Музыкальные инструменты усовершенствовались, и прекрасныя сочиненія опредѣлили правила, коими она должна руководствоваться. Четыре великіе Нѣмецкіе виртуоза: Гайденъ, Моцартъ, Глюкъ и Беетховенъ считаются первыми композиторами во всѣхъ родахъ музыкальныхъ сочиненій.

Между тѣмъ какъ Германія гордилась тѣмъ, что обогащала Европу произведеніями своихъ четырехъ великихъ композиторовъ, Италія беспечно предалась прелести своихъ нѣжныхъ мелодій.

Въ настоящее время примѣчательнѣйшіе на поприщѣ музыкальномъ, суть:

Нѣмцы: Тальбергъ, Мейерберъ, Мендельсонъ, Вартольди, Калькбреннеръ, и Герцъ.

Италіянцы: Россини, и Паганини.

Французы: Шопенъ, Оберъ, Галеви, Арто и Вьетанъ

Англичанинъ: Мотельесъ.

Норвежецъ: Оле-Буль.

Русскіе: Липинскій, Глинка, Мейеръ, Рейнгардъ и Бернардъ; эти три послѣдніе суть ученики безсмертнаго Фильда.

Въ началѣ минувшаго года скончались два величайшіе виртуоза XIX столѣтія: Нѣмецъ Гуммель величайшій композиторъ, и Англичанинъ (по происхожденію Французъ) Фильдъ, первый исполнитель.

К. Бернардъ Гродн. Гим.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ ВЪ XIII СТОЛѢТІИ.

Говорить о просвѣщеніи въ XIII. столѣтіи на первый разъ покажется странно нѣкоторымъ образомъ. Что за просвѣщеніе въ такое время, когда народы дышали одною почти войною, кипѣли страстями къ причудливымъ похожденіямъ; жили одними влеченіями чувствъ, нерѣдко искали для себя міра въ области фантазіи, и не думали о внушеніяхъ ума просвѣщеннаго науками: но если вникнуть въ духъ того времени внимательнѣе, разсмотрѣть внутреннее и внѣшнее состояніе Государствъ, дѣйствовавшихъ тогда на политическомъ поприщѣ; то увидимъ, что въ XIII столѣтіи просвѣщеніе не совсѣмъ было чуждо Европѣ.

Такъ, загляните въ монастырскія стѣны, въ убѣжище людей, посвятившихъ себя служенію Бога и человѣчеству; тамъ не одна религія занимала умъ въ это время; образованность древнихъ Грековъ и Римлянъ также начинала дружиться съ духовными лицами, какъ прежде

всѣ отъ мала до велика сдружались съ мыслію странствовать на Востокѣ. Эта образованность, конечно, не была удѣломъ большой массы, но тѣмъ не менѣе она уже существовала въ Государствахъ; а между тѣмъ и прочіе классы могли уже имѣть достаточныя свѣдѣнія изъ преподаваемыхъ во всѣхъ училищахъ Грамматики, Діалектики, Риторики, Ариѳметики, Геометріи и Астрономіи. А Оксфордъ, Парижъ, Тулуза, Неаполь и многіе другіе города могли удовлетворять самымъ высшимъ въ то время требованіямъ ума. Мать наукъ — Богословіе, такое обширное имѣла уже тогда семейство, что ни Философія, ни врачебная наука, ни Астрономія, равно какъ Исторія и Геометрія не были не доступны любителямъ этихъ наукъ. На ряду съ этою, хотя еще неогромною массою свѣдѣній, шли и изящныя искуства, особенно зодчество, называемое нами Готическимъ. Оно такую высокую обнаруживаетъ силу фантазіи и столь глубокую выражаетъ собою идею, что и теперь еще поражаетъ смѣлостію формъ своихъ и величіемъ созданія. — Но не менѣе богата, разнообразна и сильна внутрен-

нею жизнію своею и другая отрасль изящныхъ Искуствъ, выразившаяся въ твореніяхъ Трубадуровъ во Франціи, и Миннезингеровъ въ Германіи. Здѣсь, правда, нѣтъ слѣдовъ образованности школьной, это голосъ самой природы, внушаемый глубокимъ чувствомъ, пламеннымъ воображеніемъ; но ежели творенія этихъ пѣвцовъ не были недоступною тайною, а составляли лучшее удовольствіе, и въ чертогахъ владѣтельныхъ лицъ, и въ замкахъ Рыцарей и Бароновъ; то неужели онѣ могли быть менѣе полезны для образованности народа, который послѣ истинъ религіи ничего болѣе не слушалъ съ такою жадностію.

Это внутри Государствъ, но посмотрите на внѣшнее ихъ состояніе. Вспомните религіозный, бранный тогда духъ Европы, и посмотрите на непрерывное двухъ-вѣковое ея путешествіе на Востокъ. Это странствованіе совершала она чрезъ Италію наслѣдницу древняго Рима, и чрезъ Константинополь — единственное тогда хранилище вкуса и образованности древняго міра. Что болѣе могло образовать тогда юную Европу, какъ не посѣщеніе мѣстъ, гдѣ

цвѣли всѣ извѣстныя тогда отрасли знанія; какъ не личное обозрѣніе вѣковыхъ опытовъ ума, воображенія и вкуса. Присоедините къ тому потребности необходимыя для этихъ путешествій, родившуюся въ слѣдствіе того промышленность и самостоятельность городовъ, и вы легко можете представить себѣ, какова могла быть степень образованности въ XIII вѣкѣ.

Но всѣ эти плоды образованія представляетъ намъ западная Европа; какіе же успѣхи просвѣщенія созрѣвали въ сѣверо-восточной ея половинѣ, въ Россіи, которая не участвовала ни въ крестовыхъ походахъ, не была ни въ древнемъ Римѣ, ни въ странахъ, обагренныхъ битвою христіанъ съ невѣрными? Свѣтъ наукъ въ одинаковой почти степени блисталъ и въ странѣ занимаемой Россіею. Она, правда, не получила въ наслѣдіе себѣ образованности Грековъ и Римлянъ, и первое начало умственному образованію своему стала полагать только въ концѣ X столѣтія; но это начало ея было самое прочное. Озарившись лучами Христіанской вѣры, она вошла въ тѣсную связь съ образованнѣйшимъ тогда народомъ — Греками. Западные Европейцы смотрѣли тогда на Константино-

поль очами непріятелей; а Россія дружески простирала къ нему свои объятія, и онъ не жалѣлъ для нея ни художниковъ, ни людей ученыхъ, ни плодовъ своея образованности. Кромѣ того, истины Христіанской религіи, передаваемыя на языкѣ понятномъ для всѣхъ, вдругъ обогатили цѣлую націю новыми понятіями, открыли необозримый кругъ для новой дѣятельности и создали совершенно особый классъ въ Государствѣ, который въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ былъ и единственнымъ представителемъ образованности, и хранителемъ судьбы своего отечества, составляя для него лѣтописи. Государи, одушевляемые религіею, неусыпно трудились въ дѣлѣ образованія; заводили училища, призывали образованныхъ Грековъ, поручали имъ строеніе храмовъ, украшеніе ихъ святыми иконами, и отъ того въ концѣ XII столѣтія являются свои зодчіе, которые приводятъ даже въ удивленіе своихъ современниковъ. Живопись, если не поражаетъ изяществомъ своей отдѣлки, за то изумляетъ яркостію цвѣтовъ, которые сквозь цѣлый рядъ вѣковъ ни мало не потеряли своей живости.

Врачебное искуство, начала Астрономіи на такой же почти находились степени, какъ и вездѣ въ то время въ Европѣ. Духовныя поученія доходятъ иногда до возвышенной поэзіи Данта, какъ видно это въ трудахъ Кирилла Епископа Туровскаго. Завѣщаніе Мономаха сдѣлало бы честь самому образованному Государю того времени; оно такою же поражаетъ насъ простотою, какъ записки Жоанвилля, жизнеописателя Людовика Святаго; но съ тѣмъ вмѣстѣ все такъ благородно и возвышенно, что невольно заставляетъ любить завѣщателя и удивляться ему. А какой удивительный памятникъ поэзіи представляетъ собою *Слово о полку Игоря!* и кто послѣ того можетъ утверждать, что Россія не имѣла своихъ трубадуровъ и миннезингеровъ въ лицѣ бояновъ или бояна, о которомъ съ такимъ одушевленіемъ говоритъ пѣвецъ похода Игорева.

Но ежели представить себѣ при томъ междоусобія удѣльныхъ Князей, которые заключили Россію въ однихъ собственныхъ ея предѣлахъ и все вниманіе свое обратили на одни военныя предпріятія, то надобно еще удивляться такимъ успѣхамъ. Правда разселеніе Князей

по обширному пространству Россіи имѣло нѣкоторыя и благодѣтельныя слѣдствія; отъ сего возникали новые города, украшались храмами и зданіями; но чѣмъ могли быть города эти, если бы Государи ихъ не тратили силъ своихъ въ разрушительныхъ войнахъ? Теперь, какъ извѣстно, одинъ Кіевъ называли тогда вторымъ Константинополемъ, и удивлялись его великолѣпію; но, послѣ благопріятствующихъ обстоятельствъ, кто можетъ сказать, чтобы не возбуждали такого же удивленія и Черниговъ и Суздаль и другіе города? Однимъ словомъ: еже-

ли вникнуть съ точною внимательностію въ состояніе Европы того времени и Россіи, то очень незамѣтная будетъ между ними разность. Но и эту разность можно открыть развѣ только въ то время, когда Европа, осмотрѣвши въ крестовыхъ походахъ своихъ Италію, Грецію, Востокъ и наслышавшись много объ образованности этихъ странъ, сама задумала быть умною, и образованною; а на Россію въ это время всею тяжестію своею налегло иго Монголовъ, и не только прекратило ея стремленіе къ образованно-

сти, но даже всѣ первоначальные плоды ел образованія покрыла развалинами и пепломъ селъ и городовъ.

А. Цывинскій Вил. Гим.

ОБРАЗОВАНІЕ НЕОБХОДИМО.

Былъ человѣкъ и человѣкъ великій, который со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказалъ, что образованіе для насъ вредно; и это доказательство доставило ему извѣстность и уваженіе между всѣми его соотечественниками. И безъ сомнѣнія онъ это доказалъ единственно для того, что ему хотѣлось непремѣнно изобразить въ черныхъ краскахъ ученость и образованіе.

„Образованіе, какъ говоритъ Погодинъ, есть не что иное, какъ познаніе натуры и человѣка. Посредствомъ такого образованія человѣкъ совокупится крѣпкими, неразрывными узами съ міромъ, усвоитъ его себѣ; въ нѣкоторомъ смыслѣ составитъ съ нимъ одно. Онъ какъ будто раскинетъ свои органы повсюду и будетъ жить тогда въ мірѣ, какъ въ своемъ тѣлѣ, созерцая великіе законы Божіи, и утопая въ въ вѣчной премудрости.“ Вотъ высокое назначеніе человѣка со стороны знанія!

Но чтобъ лучше видѣть цѣну образованія, посмотримъ, что произвело оно, какъ облагоро-

дило человѣка, и сколько выгодъ доставляетъ ему на пути жизни.

Посмотрите на родъ человѣческій въ первыя времена жизни его, какую. жалкую картину онъ представляетъ вамъ! Въ странахъ Тигра и Евфрата, гдѣ прежде всего нашла его Исторія, онъ дикій рабъ сильнаго предводителя; на плодотворныхъ берегахъ Нила — неутомимый работникъ при созданіи громадныхъ пирамидъ; въ самой Греціи, которая такъ вознесла его, онъ есть самый грубый дикарь, житель лѣсовъ и губитель дикихъ звѣрей. Но наблюдайте этотъ же самый родъ человѣческій въ то время, когда въ немъ начала разгораться искра Божества, когда пробудился въ немъ умъ его! Тогда вы встрѣтите благоустроенныя общества, найдете мудрые законы, искуства, науки. И дивная въ лѣтописяхъ міра Эллада, вмѣсто дикарей Пеласговъ представитъ вамъ божественныхъ Платоновъ, безсмертныхъ Сократовъ, всеобъемлющихъ Аристотелей и неподражаемыхъ Эсхиловъ, Софокловъ и Еврипидовъ. А великіе Ораторы и вожди, побѣдители Персовъ, чему они, послѣ любви къ отечеству, обязаны безсмертною славою своею, какъ не высокому

своему образованію. Это было въ Аѳинахъ, но обратитесь къ древнему Ρиму, родному ихъ брату, и здѣсь тоже самое увидите.

Когда всемірная Монархія древняго міра отжила дни свои, этотъ блистательный свѣтъ образованности почти угасъ; въ тѣсныхъ келіяхъ иноковъ только свѣтился онъ кое-гдѣ, подобно блѣдной лампадѣ; но въ этихъ сумрачныхъ вѣкахъ, провидѣніе какъ бы приготовило для имѣющихъ явиться гонителей просвѣщенія, самое сильное опроверженіе.

Здѣсь мы находимъ самое грубое варварство, которое никогда не могло бы такъ ярко поражать собою, какъ занимая средину между образованностію древняго міра и удивительными успѣхами просвѣщенія временъ новѣйшихъ. Но чтобы видѣть въ надлежащемъ свѣтѣ всю важность образованности, довольно взглянуть на Европу, этотъ небольшой лоскутокъ земнаго шара, и представить себѣ, какъ онъ властвуетъ надъ всею землею, какъ повинуются ему самыя стихіи — вода, огонь и воздухъ, изъ которыхъ грубый Кафръ или Готтентотъ дѣлаетъ самое бѣдное употребленіе. Но эти выгоды образованности были бы еще не велики, если бы

она не возвышала самаго нравственнаго достоинства въ человѣкѣ. Человѣкъ есть существо одаренное безсмертною душою. Душа эта подобно сѣмени, брошенному въ землю, или можетъ быть не замѣтною, точно также, какъ и зерно пропадаетъ, упавъ на почву безплодную; или является въ удивительномъ величіи, какъ это представляетъ также и всякое сѣмя приносящее плоды свои на землѣ тучной. — Явить же себя въ такомъ блескѣ она не иначе можетъ, какъ при помощи образованія. Что бы видѣть, какъ поразительна эта истина, не нужно даже обращаться и къ Исторіи, а довольно взглянуть на простаго крестьянина, которому судьба совершенно отказала въ просвѣщеніи и потомъ перенестись въ избранный кругъ людей истинно образованныхъ. Разность между ними можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ нравственное даже достоинство человѣка возвышается при образованности. Правда, здѣсь могутъ указать на нѣсколько лицъ, которыя образованіемъ своимъ никакой чести не принесли нравственному достоинству человѣка, но обвинять въ этомъ случаѣ просвѣщеніе значило бы тоже, что под-

вергать осужденію мечъ, который въ рукахъ воина спасаетъ отечество, а разбойникъ безжалостно отнимаетъ имъ жизнь невиннаго.

Или обратимся къ удовольствіямъ жизни. Нѣтъ человѣка, который бы не любилъ жизни, но съ тѣмъ вмѣстѣ никто не можетъ сказать, что бы для него не было и тягостныхъ минутъ на пути его отъ колыбели ко гробу. И потому при всемъ пламенномъ желаніи продлить свою жизнь, мы не менѣе заботимся и объ услажденіи ея разными удовольствіями; кто же теперь болѣе имѣетъ средствъ въ рукахъ своихъ для этой цѣли, какъ не человѣкъ образованный? Предъ нимъ открыта вся природа и всѣ плоды знаній вѣковъ протекшихъ и міра современнаго. Соскучившись быть въ обществѣ, онъ можетъ запереться въ своемъ кабинетѣ, и тутъ вѣрно есть у него: Карамзины, Батюшковы, Жуковскіе, Байроны, Ламартины, Шиллеры, Гете. Ежели эти собесѣдники не развлекутъ его, для него остается волшебный міръ звуковъ, которыми обезсмертили себя Моцарты, Бетховены и множество другихъ геніевъ. Что же долженъ дѣлать въ подобныя минуты бѣдный поденщикъ или жалкій Камчадалъ?

Для нихъ остаются или однѣ грубыя удовольствія, которыя доводятъ ихъ до безчувственности, или какіе нибудь дикіе вопли.

И такъ, ежели бы кто вздумалъ отвергать необходимость образованія, я основывалсь на своей только бѣдной опытности, и руководимый слабыми еще познаніями своими, показалъ бы ему всю неосновательность его мнѣнія. Въ какомъ же блистательномъ свѣтѣ можетъ представить цѣну просвѣщенія мужъ умудренный многолѣтнею опытностію и обогащенный глубокими свѣдѣніями?

С. Шмигиро Вил. Гим.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ И КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ.

Какой строгій изслѣдователь дѣяній человѣческихъ, пробѣгая быстрыми взорами страницы всемірной Исторіи, не остановитъ своего вниманія именно на тѣхъ строкахъ, въ которыхъ изображены блистательныя эпохи царствованій Александра Македонскаго и Карла Великаго? Оба эти великіе мужи по своимъ качествамъ души, по своему стремленію къ цѣли обширныхъ завоеваній, походятъ другъ на друга, и оба они, будучи украшены своими необыкновенными геніями, подобно лучезарнымъ звѣздамъ сіяютъ въ пространствѣ прошедшихъ временъ. Они безъ сомнѣнія оба равно велики. Напрасно нѣкоторые холодные историки оспориваютъ это имя у Александра Македонскаго, называя его ненасытимымъ честолюбцемъ. Правда, честолюбіе было его единственною стихіею; но самое это любочестіе, будучи сопряжено съ столь высокою и благородною цѣлію, къ которой онъ

напрягалъ всѣ свои усилія и стремленія, само собою должно увѣнчать его именемъ Великаго, именемъ, которымъ украшены немногіе Вѣнценосцы міра. Александръ съ самыхъ юныхъ лѣтъ оказывалъ великія дарованія. Онъ былъ храбръ, остроуменъ, разсудителенъ и великодушенъ. Наставленія Аристотеля дополнили дары природы. Любя военную славу, онъ оказывалъ также особенное уваженіе наукамъ и художествамъ; привязывалъ сердца щедростію, и изумлялъ своихъ непріятелей величіемъ души своей. Въ послѣднее время своего царствованія онъ впалъ будто бы въ погрѣшности, помрачившіе громкую его славу. Но блескъ подвиговъ имъ совершенныхъ затмѣваетъ, кажется, всѣ ошибки, которые такъ щедро приписываютъ ему нѣкоторые историки.

Подобно ему и Карлъ былъ одаренъ прекрасными качествами ума, и непоколебимою силою воли. Онъ былъ мужественъ, дѣятеленъ, справедливъ, предусмотрителенъ; но не имѣлъ Стагирскаго философа, который бы усовершенствовалъ его природныя дарованія, и собственный разумъ былъ его единственнымъ путеводителемъ. Вся жизнь его была стремленіемъ

ко всему великому, высокому и благородному. Пламенныя страсти его не рѣдко выходили изъ надлежащихъ предѣловъ: но музы, на коихъ онъ благосклонно взиралъ съ престола, и коимъ онъ часто жертвовалъ своими лаврами, слишкомъ, можетъ быть, прославили своего благотворителя, что бы помнить о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ, произходившихъ отъ вспыльчивости его характера.

Сосѣдственныя страны— Грецiя Александру, Италiя Карлу, открыли первый путь къ воинскимъ подвигамъ, которыхъ громкая слава огласилась скоро во всѣхъ концахъ вселенной. Эти герои подобно быстрымъ орламъ внеслись на театръ военной брани съ мечемъ въ рукахъ.

Александръ обезоружилъ своихъ враговъ, плѣнивъ ихъ величiемъ души своей. Карлъ заставилъ благоговѣть своихъ противниковъ, изумивъ ихъ своимъ могуществомъ. Александръ, какъ страстный любитель всего изящнаго, принялъ подъ свое покровительство Грецiю, какъ страну, въ которой возлелѣяны и доведены до высочайшей степени совершенства всѣ науки художества и искуства; Карлъ, пламенно желая образовать себя и своихъ подданныхъ, ока-

зывалъ особенное благоволеніе духовнымъ; потому, что среди общаго невѣжества, они одни только сіяли нѣкоторыми знаніями. Александръ Македонскій, проходя весь тогда извѣстный міръ, съ оружіемъ въ рукахъ, предъ которымъ тогда ничто немогло устоять, повсюду заронялъ искры Греческаго просвѣщенія; такъ, что вскорѣ всѣ народы, имъ покоренные, озарились благодѣтельнымъ свѣтомъ наукъ. Для чего же и Карлъ Великій велъ столь долгія и кровопролитныя войны съ Саксонцами? Для чего онъ жертвовалъ всѣми усиліями и трудами, чтобы распространить Христіанство между этимъ народомъ, воспитаннымъ самою природою и одушевляемымъ чувствомъ свободы и независимости? Безъ сомнѣнія онъ зналъ, что Христіанское вѣроисповѣданіе есть лучшее и вѣрнѣйшее средство укротить человѣка и содѣлать его послушнымъ гласу совѣсти и законовъ. Почему, распространивъ Евангельскія истины, онъ легко могъ достигнуть своей цѣли— мракъ всеобщаго невѣжества озарить яркими лучами просвѣщенія, которое рано или поздно должно было возродиться въ западной Европѣ. Словомъ всѣ любили, и удивлялись этимъ безпримѣр-

нымъ геніямъ. Казалось природа нѣсколько вѣковъ трудилась надъ произведеніемъ этихъ великихъ людей, и истощивъ на нихъ всѣ свои дары, отказала чрезъ то въ оныхъ ихъ потомкамъ.

Ф. Юрцевичъ Вил. Гим.

ВО ВСѢХЪ ПРЕДПРІЯТІЯХЪ ЧЕЛОВѢКЪ ДОЛЖЕНЪ ВЫРАЖАТЬ СТРЕМЛЕНІЕ КЪ СОВЕРШЕНСТВУ.

Взглядъ на природу и пріятное впечатлѣніе, отъ сего происходящее въ сердцѣ наблюдателя, невольно напоминаютъ ему, что всѣ краcы ея созданы для нашего наставленія и удовольствія; всѣ перемѣны, которымъ она подвергается, производятъ единственно многоразличныя ощущенія, самымъ своимъ разнообразіемъ сильнѣйшія, и болѣе поражающія воображеніе разумныхъ существъ. Во всѣхъ видѣнъ удивительный, неизмѣнный порядокъ; все выражаетъ несомнѣннымъ образомъ промыслъ Всевышняго. Предписанные имъ законы для всѣхъ твореній сходны между собою въ главныхъ своихъ началахъ, и все имъ повинуясь, совершается по волѣ невидимо дѣйствующей, и ясно выражающей тайное свое вліяніе на всѣ событія міра.

Между всѣми твореніями, которыя населя-

ютъ земный шаръ, человѣкъ безъ сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто. Онъ не только имѣетъ всѣ преимущества, которыми животныя отличаются отъ предметовъ безжизненныхъ, но еще возвышается надъ ними другими высшими способностями и дарами, которыми природа украсила единаго изъ всѣхъ человѣка: безсмертною душою, умомъ, волею и даромъ слова.— Посредствомъ этихъ способностей человѣкъ дѣйствуетъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ посему и должно выражаться стремленіе къ совершенству.

Видно, какъ дитя при рожденіи своемъ слабое существо, какъ будто лишенное совершенно воли, даже униженное предъ другими, достигаетъ мало по малу большей силы, большихъ познаній предметовъ его окружающихъ, обогащается умъ его различными свѣдѣніями, пріобрѣтенными или собственнымъ опытомъ, или отъ другихъ чрезъ наставленіе.

Что изъ сего слѣдуетъ заключить? Не явно ли указываетъ природа, что всѣхъ людей первоначальный бытъ одинаковъ, что первыя потребности заставляютъ насъ узрѣть свои недостатки и обдумывать для сего выгоднѣйшія

средства? Люди, находясь въ первоначальномъ состояніи равными, не могутъ ли и не должны ли всѣ стремиться къ высшей степени совершенства? Безъ сомнѣнія; ибо и жизнь человѣческая для всѣхъ имѣетъ одно предназначеніе, какъ это доказывается при переселеніи человѣка изъ нашей земной обители въ вѣчность, гдѣ все совершенно, все неизмѣнно и вѣчно.

Сравнивъ теперь неопытность юноши съ опытностію старца, мы увидимъ, сколь различными правилами они руководствуются, сколько въ самыхъ своихъ видахъ и намѣреніяхъ различаются. — У перваго пламенныя желанія и страсти, волнуя душу, управляютъ дѣлами, представляютъ все въ болѣе блестящемъ и обманчивомъ видѣ; такимъ образомъ, блуждая часто въ лабиринтѣ своихъ мечтаній, онъ теряется среди пустыхъ своихъ плановъ и предается размышленіямъ о счастіи, которое ему измѣнило.

Не такъ поступаетъ старецъ. Въ немъ пламя страстей погасло, и замѣнилось благоразумiемъ; пріятное потеряло свою прелесть и породилось въ немъ стремленіе къ лучшему, благороднѣйшему и полезнѣйшему. Не отъ этого ли люди различныхъ степеней познаній? Точ-

но, соображая собственныя мнѣнія съ чужими, мы представляемъ себѣ много прошедшаго или новаго, и предусматриваемъ, сколько возможно, будущее. Разсуждая о томъ и другомъ, выводимъ для себя точнѣйшее, удовлетворительнѣйшее и полезнѣйшее рѣшеніе въ настоящемъ нашемъ требованіи. Что заставило болѣе людей соединиться въ общества, ежели не взаимныя пользы и выгоды? То, что сказано изыскателями древностей, свидѣтельствуетъ, что это наступило тогда, когда человѣкъ успѣлъ разорвать оковы дикихъ своихъ страстей; когда началъ руководствоваться болѣе умомъ, нежели волею, и употреблять даръ слова въ собственную свою пользу и въ пользу другихъ; однимъ словомъ: когда началъ приходить къ большему совершенству.

Самыя общества состоятъ изъ частныхъ лицъ: слѣдовательно и поступки всякаго имѣютъ какое либо вліяніе на его благо. Не оставили ли по себѣ ясныхъ въ этомъ случаѣ доказательствъ обширнѣйшія въ древности Монархіи въ Азіи? Вѣроятно тамъ находились люди благоразумные и совершенные, которымъ удалось своими дѣлами заключить крѣпкую связь меж-

ду многими семействами. Правда не всѣ вдругъ предались роскоши и разврату, которыя приготовили имъ погибель. — Обыкновенно все начинается малымъ и стремится къ большему. Посему необходимо уклоняться и отъ малыхъ погрѣшностей, которыя влекутъ за собою великія послѣдствія.

Греція и Римъ, представляя намъ въ себѣ многочисленные образцы, подтвердили эту истину и дали ей непоколебимое основаніе. — Они явили свѣту, что время славы ихъ было соединено съ нравственностію, образованіемъ и просвѣщеніемъ. Коль скоро они лишились сихъ, такъ сказать, основаній общественныхъ; предались изнѣженности, изнемогли и пали подъ игомъ своихъ враговъ.

О чемъ мечтали философы въ древности и въ новѣйшія времена? Къ чему клонятся и нынѣшнія ихъ усилія? Всегда предметомъ ихъ было сдѣлать человѣка счастливымъ. Они зная хорошо источники счастія цѣлыхъ обществъ, и каждаго порознь изъ членовъ, открыли міру, что первѣйшее и главнѣйшее благоденствіе народа состоитъ въ предпріятіяхъ каждаго изъ членовъ.

Подобно плодоносному дереву, котораго чѣмъ гуще и сѣнистѣе вѣтви, тѣмъ лучшіе оно можетъ приносить плоды; цѣлый народъ счастливѣе, ежели счастіе распространяется на всѣхъ членовъ, и ежели не находитъ ничего вреднаго для себя. По сему въ новѣйшія времена не случилось столько страшныхъ политическихъ переворотовъ, столько беззаконій и пороковъ, и люди, познавъ истину въ собственной ея красѣ, полюбили ее; находя услажденіе въ добродѣтели, начали гнушаться пороками; изыскавъ источники личнаго и общественнаго благоденствія распространили ихъ вліяніе на всѣхъ. И такъ нынѣ во всѣхъ Государствахъ и народахъ обращаютъ вниманіе на распространеніе свѣта образованія и просвѣщенія, то есть на приведеніе парода къ большему совершенству.

Докажемъ ближайшими примѣрами истину, что во всѣхъ предпріятіяхъ должно выражать стремленіе къ совершенству. Оставимъ многочисленные и почти ежедневные примѣры, подтверждающіе эту истину; оставимъ повелителей чужихъ странъ, перейдемъ къ любезнѣйшему своему отечеству — отечественное убѣдительнѣе для ума и пріятнѣе для сердца. Взглянемъ

на Сѣверную звѣзду; она своимъ блескомъ затмила всѣ западныя свѣтила. Священно въ устахъ Росса, вѣрнаго сына отечества, имя ПЕТРА Великаго! Онъ, изумивъ весь міръ, убѣдилъ всѣхъ, какъ человѣкъ долженъ поступать во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Многотрудная Его жизнь исполнена дѣяній славнѣйшихъ для народа!

Свѣтлая заря! ты, сіяя долго и теперь разливаешь свои лучи! Ты не скроешся никогда изъ нашихъ глазъ! Стремясь къ чести найдемъ тебя; ища славы, мы должны слѣдовать за тобою; стараясь о пользѣ, узнаемъ въ чемъ состоитъ польза и слава отечества.

К. Петрища Минс. Гимн.

РѢКА И ВРЕМЯ.

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей!....

Державинъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ весенныхъ дней, когда жители приморскаго города толпами оставляютъ домы свои и отправляются на набережную, что бы полюбоваться на дѣятельность торговли, оживленную послѣ долгаго усыпленія. Всѣ площади усѣяны были гуляющими, и разноцвѣтныя одѣянія женщинъ составляли дивную мозаику съ темными платьями мущинъ. Рѣка, освободившись отъ льдистыхъ цѣпей, гордо неслась, покрытая лодками, барками, шлюбками, кои пересѣкались и шныряли въ разныхъ направленіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ стояли у берега грузясь или выгружаясь. Набережная была усѣяна матросами разныхъ народовъ, кои толпились и жужжали какъ пчелы около улья; удивительная смѣсь племенъ и

языковъ! Одни изъ моряковъ выкачивали изъ судовъ бочки, другіе напротивъ нагружали ихъ. Какая дѣятельность! какое движеніе! Далѣе видны были корабли, стоящіе на якоряхъ: разноцвѣтные флаги ихъ тихо развѣвались морскимъ вѣтеркомъ, величавыя мачты рисовалисъ на безоблачномъ небѣ.

Въ это время два человѣка, порядочно одѣтые, сидѣли молча на скамьѣ, на прибрежной площади. — Одинъ изъ нихъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, изъ подъ шляпы его выказывались сѣдины; онъ пристально казалось смотрѣлъ на пристань, но по задумчивому выраженію лица его и взорамъ, устремленнымъ на одну точку, можно было угадать, что не любопытство, а какая-то глубокая мысль занимала его. Другой, юноша около шестнадцати лѣтъ, смотрѣлъ туда и сюда съ разсѣянностію свойственною молодымъ лѣтамъ, но болѣе обращалъ вниманіе на группы гуляющихъ по булеварамъ, чѣмъ на дѣятельность въ пристани, наконецъ посмотрѣвъ на своего товарища — объ чемъ такъ задумался, папишька! спросилъ онъ его — „Да, сынъ любезный," отвѣчалъ старикъ „я позабылся! Смотря на эту жизнь, на это разнообразіе,

я невольно перенесся мыслію за нѣсколько вѣковъ тому назадъ до основанія этого города. что здѣсь происходило тогда? Вмѣсто этихъ великолѣпныхъ зданій, этихъ красивыхъ площадей, возвышался здѣсь дремучій лѣсъ, пристанище дикихъ звѣрей, оглушавшихъ окрестности своимъ ревомъ; угрюмая рѣка, поросшая камышемъ, пролагала уединенно путь свой среди этой пустыни; потомъ вѣрно явился здѣсь и человѣкъ, построилось нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, къ нимъ присоединились другія, вотъ и деревня; чужеземное судно занесенное сюда бурею, выменяло у жителей часть своего груза на съѣстные припасы; за нимъ другое и третье.... Изъ деревни вскорѣ сдѣлалось село, дикіе звѣри уступали человѣку, лѣса исчезали, и такъ мало по малу, изъ села, явился городокъ, къ которому уже и нарочно нѣсколько кораблей пристаетъ для торговли, а тамъ съ теченіемъ времени образовался и городъ; какой онъ теперь великолѣпный, цвѣтущій торговлею, кипящій жизнію дѣятельностью, веселіемъ! къ нему со всѣхъ сторонъ свѣта несутся корабли!..... Но чтоже? пройдетъ нѣсколько вѣковъ и можетъ быть перестанетъ сго, и снова по-

ростетъ здѣсь дремучій лѣсъ, и снова воцарится тишина, прерываемая воемъ звѣрей и снова по прежнему все будетъ угрюмо, пасмурно, дико... Ты улыбаешься? но развѣ нѣтъ тому примѣровъ? гдѣ Тиръ, гдѣ Карѳагенъ? исчезли невозвратно, и даже нѣтъ слѣдовъ ихъ!... Да, сынъ мой, посмотри на эту рѣку, ты увидишь судьбу всего почти человѣчества; пока корабль плыветъ, вода пѣнится, бушуетъ около него; но лишь только онъ удалится, черезъ нѣсколько мгновеній хотя и остается еще струя за нимъ, означающая путь его, но вскорѣ и она исчезаетъ и уносится теченіемъ воды, и что же остается послѣ шумнаго, великолѣпнаго шествія корабля? то, что и послѣ тихаго, смиреннаго плаванія маленькаго кусочка дерева. Здѣсь видишь ты судьбу всего человѣчества: пышный корабль представляетъ тебѣ сильныхъ и могущественныхъ, знатныхъ людей; смиренная щепочка обыкновенныхъ простолюдиновъ и бѣдняковъ; а рѣка это быстрое, неумолимое, невозвратное время.“

Конечно, папинька, это такъ, отвѣчалъ юноша; видно такое назначеніе всего земнаго, что все имѣющее начало, должно имѣть и конецъ

свой. Но однакожъ развѣ не имѣемъ примѣровъ существованія почти безконечнаго произведеній рукъ человѣческихъ. Сколько столѣтій пронеслось надъ Египетскими пирамидами, не оставивъ на нихъ почти никакихъ слѣдовъ, и сколько еще быть можетъ они переживутъ поколѣній?

„ Пусть такъ,“ отвѣчалъ отецъ, но что же вмѣщаютъ, что означаютъ эти пирамиды? эти гробницы важнѣйшихъ и счастливѣйшихъ людей своего времени, нѣкогда столь пышныхъ и блестящихъ, кои желали увѣчать память свою неизмѣримыми твердынями, чудесами міра, и что же?... могли ли они ожидать, что нѣкогда суетливое, безпокойное потомство, вытащитъ ихъ бренные остатки изъ подъ искуственныхъ, гранитныхъ горъ, гдѣ они погребались, что бы играть ими, какъ деревянными куклами, и что пепелъ ихъ разсѣется по всѣмъ концамъ міра какъ воды рѣки этой послѣ внаденія въ океанъ.“

Все это правда, сказалъ юноша, я только говорю, что не всѣ произведенія человѣческія столь кратковременны, чтобы посредствомъ ихъ не можно было память свою передать потомству.

„ Но, сынъ мой, въ чемъ же состоитъ эта память, передаваемая такимъ образомъ? Въ пустой извѣстности имени, съ которымъ соединяется болѣе негодованія къ тому, кто по одной прихоти своей принуждалъ подвластныхъ къ столь необыкновеннымъ трудамъ, превышающимъ почти силы человѣка, чѣмъ благодарности или уваженія. Нѣтъ, любезный, будь увѣренъ, что одно истинное величіе безсмертно, и оно не нуждается въ искуственныхъ памятникахъ, оно остается навсегда въ живой памяти народа и переносится изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, возвѣщая отдаленнѣйшему потомству славу великихъ предковъ. Такъ вотъ эта скала на рѣкѣ, она вѣчна, непоколебима; вода нѣкогда смоетъ и унесетъ остатки этихъ великолѣпныхъ зданій, вихрь размететъ прахъ сихъ развалинъ, но скала останется недвижимою до конца міра, не смотря на шумъ, ярость и усилія волнъ, желающихъ ее ниспровергнуть. И такъ скажемъ съ великимъ по этомъ:

..... Единый часъ, одно мгновенье
Удобны Царства поразить,

Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразитъ;
Ихъ ищутъ мѣста и не знаютъ.
Въ пыли героевъ попираютъ!
Героевъ? Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и временъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ.
Какъ холмы гробы ихъ цвѣтутъ.....

Л. де Нертесъ Вимен. Гимн.

ЧЕЛОВѢКЪ РОЖДЕНЪ ДЛЯ НЕБА.

Стоитъ только разсмотрѣть человѣка, что бы увидѣть его высокое назначеніе. Онъ составляетъ общество, умѣетъ управлять обширными странами, можетъ проницать въ будущее и разстроивать преграды великимъ его замысламъ; въ его мысляхъ таится нѣчто высокое, божественное; онъ открываетъ новые таинственные міры; духъ, вырываясь изъ бреннаго его тѣла, улетаетъ въ безграничное море небесъ, и тамъ ищетъ себѣ новыхъ къ размышленію предметовъ, новыхъ препятствій къ преодолѣнію: такая обширность разума, такая особенная способность къ открытіямъ, не показываетъ ли въ человѣкѣ сына Небесъ? не даетъ ли понять, что бытіе его не стѣснено никакими границами? что духъ его созданъ разрушать и преодолѣвать всѣ преграды, стремиться къ своему началу и такимъ образомъ сближаться съ божествомъ? Правда, что человѣкъ необразованный

не распространяетъ дѣйствій разума за кругъ обыкновенныхъ своихъ занятій, но это потому, что изнурлемыя несчастіемъ и обременяемыя предразсудками его душевныя силы легко ослабѣваютъ, а ослабѣвшій умъ не можетъ воспарить за предѣлы этого міра и созерцать славу и мудрость Божества и свое высокое назначеніе. Но разорвите оковы связующіе духъ его, и онъ вскорѣ явится достойнымъ названія безсмертнаго существа и сблизится съ Творцемъ своимъ. Правда, что дитя не можетъ понять своего назначенія, но это потому, что его ограниченныя способности не позволяютъ ему обнять умомъ систему міра, души своей, и возвестись выше обыкновеннаго. По мѣрѣ же прибавленія лѣтъ, его способности развиваются болѣе и болѣе; наконецъ онъ разрываетъ тлѣнную оболочку, покрывающую мракомъ невѣдѣнія его душу, и доказываетъ, что онъ созданъ для достиженія высокой цѣли. Есть такіе, которые имѣютъ ограниченныя способности; но и эти люди могутъ разсуждать по крайней мѣрѣ о вещахъ естественныхъ, обыкновенныхъ

и такимъ образомъ хотя мало, но все возносятся къ Творцу своему. При томъ же это можно назвать исключеніемъ изъ цѣлаго, а всѣ исключенія, болѣе или менѣе, уподобляются своимъ цѣлымъ.

Н. Зайцевъ Минск Гимн.

СМЕРТЬ.

Pallida mors aequo pulsat pede
Pauperum tabernas regumque turres.

Тщетно бѣжишь ты, человѣкъ, отъ кровавыхъ ножей разбойниковъ и отъ тайнаго яда наёмнаго убійцы; отъ свирѣпыхъ воиновъ, покрытыхъ неуязвимою бронею, отъ жаркой пасти рыкающаго тигра, отъ ревучихъ бурь, и сокрушительныхъ перуновъ; отъ зіяющей хляби моря и губительнаго пламени. Рано или поздно на покойномъ ложѣ, или на кровавомъ полѣ брани, на сушѣ или на морѣ, въ часъ молитвы или на безумномъ пирѣ — поразитъ тебя смерть неотвратимымъ ударомъ.

Не защититъ тебя
Съ алмазнымъ счастіе ключемъ,
И слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ истина лучемъ (a).

(a) Жуковскій.

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ, и падутъ (b).

Невидимо носится повсюду ангелъ смерти; быстро низлетаетъ въ низкую хижину бѣднаго, быстро мчится въ великолѣпные чертоги, и преклоняетъ гордую выю вельможи; внезапнымъ приходомъ пугаетъ мудраго, и часто, подобно полунощному грому, ужасаетъ веселый народъ въ шумѣ неосторожныхъ радостей.

О люди! закрывшись щитомъ невинности, бодрствуйте и ожидайте всякую минуту внезапнаго прихода неизбѣжной, грозной смерти.

Духновскій І. Бѣлост. Гим.

(b) Пушкинъ.

Н О Ч Ь.

Qui n'aime point la nuit, n'aime rien sur la terre.

Мракъ ночи разлился по небу и по землѣ. Тишина воцарилась. Ничего не видно, изчезло все, кромѣ меня самого; ничего не слышно, кромѣ біенія моего сердца. Священная тишина, ужасъ души порочной, стихія невинности, святилище добродѣтели будь благословенна; и въ то время, когда все видимое твореніе погружается въ глубокій сонъ, утишай въ сердцѣ моемъ всякое волненіе, производимое бурями жизни! Эта мрачность представляетъ мнѣ мой неизбѣжный конецъ, когда меня, томящагося послѣдними муками, застигнетъ смертная ночь. Зайдетъ солнце жизни, издалека полуясно откроется мнѣ безпредѣльная пучина вѣчности....

Сердце бьется, и ужасъ разливается по всѣмъ членамъ. Между тѣмъ разсѣялись облака, открылась темная небесная лазурь, усѣянная блистательными звѣздами. Явилась полная луна во

всемъ своемъ великолѣпіи. Никогда человѣкъ не чувствуетъ такъ сильно, какъ въ тихое время ночи; когда освободясь отъ дневныхъ заботъ, и забывъ треволненія жизни, онъ смотритъ на лазурное небо. Какое пространное поле открывается для мысли, когда человѣкъ взираетъ на неизчислимые міры, безъ сомнѣнія, населенные подобными намъ тварями, разумными, познающими великаго Творца своего въ дѣлахъ Его, удивляющимися Его всемогуществу, премудрости и благости. Можетъ быть, взоръ ихъ проницательнѣе взора нашего, можетъ быть, они ясно видятъ людей нашей планеты, и сожалѣютъ, что они часто погружаются въ произвольное невѣжество, и слишкомъ много занимаются мелочами, извѣстными подъ громкими титлами славы и счастія. Покланяюсь Тебѣ, Всевышнее существо, хотя не могу тебя понять, и со слезами радостнаго восхищенія благодарю тебя, непостижимый Творецъ, за то, что ты создалъ меня, и создалъ человѣкомъ, что ты даровалъ мнѣ способность чувствовать и разсуждать о Тебѣ и о себѣ самомъ; разсуждать о моемъ назначеніи, и дѣйствовать сообразно сему. Благодарю тебя за данную мнѣ

надежду узрѣть тебя, когда свергнувъ съ себя нынѣшнее тѣло свое, вознесусь въ лучшій, блаженный міръ.

Наконецъ вѣстникъ утра, паривший надъ моею головою, исторгнулъ меня изъ размышленія ранею своею пѣснію, показалась заря и предметъ за предметомъ открывался взору моему. Обновленная природа съ торжественною радостію готовилась встрѣтить огненнаго царя своего, когда я пошелъ къ своему жилищу.

Духновскій. І. Бѣлост. Гим.

Д В Е ρ Ь.

Ночь была темна. Снѣгъ, гонимый вѣтромъ, засыпалъ глаза блуждающему путешественнику. Уже благотворный сонъ заключилъ въ свои объятія утомленнаго поселянина; только въ пышныхъ чертогахъ сіяли бѣлыя лампы, и едва сверкала еще нагорѣвшая свѣча у задумчиваго поэта, который мыслію высокою леталъ въ нездѣшнемъ мірѣ. На моемъ каминѣ тлился слабый огонекъ. Блѣдное пламя то вспыхивало, то опять исчезало между мелькающими угольями — картина жизни человѣческой. Долго я сидѣлъ у камина: легкая мечта владѣла моею душою. Вдругъ спокойствіе мое было прервано; отворилась дверь. Я встрепенулся, обратилъ на нее глаза, и сквозь блѣдный свѣтъ увидѣлъ бѣднаго старика. Онъ привѣтствовалъ меня и просилъ пріюта отъ вьюги и непогоды. Разговаривая съ нимъ, я узналъ благородство его души и сердца. Онъ возбудилъ во мнѣ сожалѣніе; я долго бесѣдовалъ съ нимъ·

Наконецъ старикъ взялъ меня за руку и такъ началъ говорить: „Богъ тебя наградитъ за то, что ты принялъ старика подъ свой кровъ. Мнѣ рѣдко случается переступать черезъ порогъ. Какъ часто подойду я къ великолѣпнымъ палатамъ; тамъ дверь, кажется, въ то время прикована цѣпями; я не смѣю даже приступить къ ней; толпа злыхъ слугъ прогоняетъ несчастнаго. Кто же тамъ обитаетъ? гордый вельможа! онъ посреди роскоши и наслажденій забываетъ человѣколюбіе. Его дверь не отворяется предъ бѣднымъ старикомъ; онъ не подаетъ руки помощи преслѣдуемому рокомъ. Какъ часто я постучусь въ другую, также неподвижную дверь — но что же услышу? одни только слова: кто тамъ?— и болѣе ничего. Дверь не отворяется. Она заперта для бѣдности; но лишь только прикоснется къ ней богатство, знатность и корыстолюбіе; вдругъ волшебныя пружины отскакиваютъ и дверь даетъ имъ свободный входъ. Знаешь ли чье это жилище? низкаго лихоимца или скупца, который, сидя съ жадностію надъ своими сокровищами, любуется ими и жалѣетъ употребить ихъ даже для

собственной пользы. Но рѣдко и очень рѣдко вхожу я подъ кровлю милосердія, гдѣ бѣдная вдова, окруженная малютками охотно раздѣлять со мною свой послѣдній кусокъ хлѣба. Дверь у нея чувствуетъ, кажется, законы религіи и человѣколюбія; она всегда отворяется предъ несчастіемъ и нищетою.“ Старикъ умолкъ. Нѣсколько слезъ выкатилось изъ глазъ его. Я стоялъ въ молчаніи и ожидалъ съ петерпѣніемъ услышать еще что нибудь изъ устъ старика, потому что слова его проникали въ глубину моего сердца. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ началъ снова: „Счастливъ ты будешь, если дверь твоя всегда готова будетъ отвориться предъ чистымъ сердцемъ и предъ добродѣтелію; но запирай ты ее скорѣе, какъ скоро увидишь приближающійся къ ней порокъ.“ Отогрѣвшись у меня и подкрѣпивши силы скудною трапезою, онъ попрощался со мною, и пустился въ дальнѣйшій путь; а сказанное имъ осталось навсегда въ моей душѣ.

И. Мошинскій Бѣлост. Гим.

ДОРОГА.

Представьте себѣ черную и угрюмую ночь, съ пронзительнымъ вѣтромъ и осеннимъ дождемъ, когда ни одно небесное свѣтило не проливаетъ луча радости въ страждущее сердце, когда все мрачно, мертво. Я тогда ѣхалъ. Тройка лихихъ быстро летѣла по выбоистой дорогѣ. Звукъ колокольчика терялся въ обширномъ полѣ. Я слышалъ только свистъ вѣтра, прерываемый по временамъ пронзительнымъ крикомъ сов, которыя, какъ зловѣщія сопутницы ночи, напоминали мнѣ о злыхъ духахъ и вѣдьмахъ. Я не могъ и думать о чародѣяхъ и волшебницахъ, обитающихъ въ темныхъ лѣсахъ и глубокихъ пещерахъ. Они, казалось, стояли предъ моими глазами. Я дрожалъ отъ страха. Сердце билось поневолѣ. Куда и за чѣмъ я ѣхалъ, не помню. Дорога была безъ конца; поперемѣнно горы, долины и лѣса. Но вѣрить ли мнѣ своимъ чувствамъ? Странно, что я видѣлъ. Я встрѣчалъ на пути тирановъ невинности, преслѣдующихъ истину, не знающихъ

добродѣтели! Я видѣлъ, какъ одинъ лишалъ жизни бѣднаго старика, чтобы отнять у него послѣдній кусокъ хлѣба, въ которомъ не имѣлъ нужды. Не знаю, былъ ли это человѣкъ, или другое существо, безъ души, безъ сердца. Онъ не зналъ, гдѣ его родина, онъ забылъ отца и мать, и не зналъ, что есть Богъ, есть судъ Божій. Другой, поправши совѣсть, предавался злодѣйству и порокамъ. Иной, желая набить свои карманы, жилъ на счетъ другихъ, и коварнымъ образомъ похищалъ имѣніе и честь ближняго. Вельможа, гордясь своимъ званіемъ, и, забывъ законы религіи и совѣсти, не внималъ просьбамъ нищаго, онъ отказывался подать ему руку помощи. Я слышалъ голосъ несчастной вдовы, страдающей подъ ударами неправосудія. Тамъ раздавались и безплодно исчезали слова матери, наставляющей неблагодарнаго сына. Все это трогало и пугало мою душу. Никогда я не былъ въ такой страшной дорогѣ. Я не могъ ѣхать далѣе и велѣлъ ямщику вернуться назадъ. Съ быстротою стрѣлы возвратился я домой. Все изчезло - это былъ сонъ!

И. Мошинскій Бѣлост. Гимн.

СРАВНЕНІЕ XX ОДЫ II КНИГИ ГОРАЦІЯ, И СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕРЖАВИНА: ЛЕБЕДЬ.

Политическая слава народовъ рѣдко вписываетъ имя свое въ книгу Исторіи, безъ славы великихъ геніевъ въ области ума и фантазіи. Такъ вѣкъ Перикла въ Аѳинахъ, въ то же время былъ вѣкомъ самыхъ счастливыхъ талантовъ въ области искуствъ и наукъ.

Съ вѣкомъ Августа въ Римѣ неразлучно представленіе золотаго вѣка. Подобныя явленія встрѣчаемъ на востокѣ во времена Гарунъ-аль Рашида, на западѣ въ правленіе Людовика XIV, на сѣверѣ въ царствованіе Екатерины II. Политическому могуществу сихъ эпохъ какъ будто-бы чего-то недоставало безъ великихъ представителей генія народнаго и на поприщѣ изящныхъ искуствъ и наукъ, а особенно поэзіи.

Остановимся на вѣкѣ Августа и Екатерины II. Римъ, въ ряду мужей, прославившихъ вре-

мя перваго Императора своего, съ особеннымъ блескомъ, представлятъ намъ Горація; въ Россіи, въ вѣкѣ Екатерины, съ именами Потемкиныхъ, Румянцовыхъ, Суворо́выхъ, возвеличившихъ отечество и имя Монархини своей, какъ звѣзда первой величины, блеститъ имя Державина. Истекаетъ другая тысяча лѣтъ, но пѣвецъ вѣка Августова, какъ живой, съ пѣснопѣніями своими переходитъ изъ столѣтія въ столѣтіе, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Струны Державинской лиры еще недавно замолкли, но громозвучное эхо ихъ

Какъ шумъ морей, какъ гулъ вождушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ
И въ вѣчность возвѣститъ,

каковъ былъ полунощный Скальдъ Екатерининавѣка. Какъ завидно это безсмертіе! Какъ оно славно и для самыхъ геніевъ и для имени народовъ ими прославленныхъ. Не удивительно, что поэты въ порывахъ вдохновенія своего, сами видятъ эту блистательную свою будущность и зарашѣе

упиваются тѣмъ наслажденіемъ, которое вкушаетъ геній пѣснопѣвецъ, чуждый всѣхъ мечей и булатовъ, которыми другіе вписываютъ имя свое „въ скрижаляхъ твердыни судьбы.“ Горацій парить въ область безсмертія въ видѣ лебедя, который величественно и плавно возносится надъ землею. Онъ оставляетъ подъ собою и города и гнѣздящуюся въ нихъ зависть, и самыя волны Стикса, которыхъ никто изъ смертныхъ не можетъ миновать. Полетъ его быстрѣе Икарова, звуками пѣсней своихъ оглашаетъ онъ все пространство отъ береговъ Босфора и полей Гиперборейскихъ, до пучинъ знойной Ливіи. Ему внемлютъ Колхидецъ и Дакъ, безстрашный и мудрый Иберіецъ и грозное племя Галловъ. Что послѣ сего пышность погребенія, напрасный плачъ и сѣтованія! Онъ видитъ всю ихъ суетность и потому проситъ не проливать по немъ слезъ и не воздвигать ему суетнаго памятника.

Державинъ, какъ бы прельстившись этимъ величественнымъ полетомъ лебедя, оригинальный во всѣхъ своихъ твореніяхъ, вдругъ настроиваетъ лиру свою подъ тонъ пѣвца Августова, и также подобно ему начинаетъ пѣснь свою:

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душей безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.
Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ."

За тѣмъ онъ изображаетъ, какъ музы не только дѣлаютъ незнатный родъ извѣстнымъ, но даже ставятъ имя его выше вельможъ; тѣхъ покроетъ гробовая доска, а его не заключитъ тѣсная гробница, *и средь звѣздъ онъ не превратится въ прахъ*—

Но будто нѣкая цѣвница
Съ небесъ раздастся въ голосахъ.

И эти голоса, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ слышишь, и внемлешь имъ съ такимъ упоеніемъ, какого нельзя услышать на землѣ. Что же онъ видитъ подъ собою? Моря, лѣса, и цѣлый міръ, который

Какъ холмъ весь высится главой,
Чтобы услышать Богу пѣснь.

Августовъ пѣвецъ нѣги и безпечности въ Трибурѣ, не могъ создать подобной картины; его фантазія прикована была къ землѣ; Творецъ міра во всемъ его величіи былъ для него непостижнымъ.

Великолѣпная картина міра, внемлющаго пѣсни Богу, вдругъ замѣняется почти столько же величественнымъ изображеніемъ народовъ цѣлой половины свѣта, составляющихъ одинъ родъ. Всѣ они соединились вмѣстѣ и единогласно восклицаютъ:

Вотъ тотъ летитъ, что строя лиру
Языкомъ сердца говорилъ,
И проповѣдуя миръ міру
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.

Прочитавъ этихъ двухъ лебедей, какъ бы забываешься, что существуешь въ дѣйствительномъ мірѣ. Мысль, пораженная величіемъ картинъ, то вдругъ переноситъ васъ въ вѣка давно минувшіе и заставляетъ внимать пѣвцу Августа, съ племенами давно уже сокрывшимися съ лица земли; то изумленная новыми звуками, прославляющими міръ и Божество, исполняетъ васъ чувствомъ благоговѣнія къ Небу, и

изумленія къ генію, котораго не заключитъ гробница, и который

Средь звѣздъ не превратится въ прахъ,
Но будто пѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздастся въ голосахъ.

Э. Володко. Вилен. Гим.

ОТРЫВОКЪ
ИЗЪ РАЗБОРА
ОДЫ НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО.
СОЧ. ДЕРЖАВИНА.

О Камскія дубравы,
Гордитесь! вашъ Державинъ сынъ!

Жуковскій.

Какое блистательное поприще предоставлено было знаменитому Кантемиру! (а) Онъ явился у насъ въ то время, когда литература наша была совершенно въ колыбели, когда свѣтились только имена Яворскаго, Бужинскаго, Ѳеофана и другихъ; но они писали болѣе духовное; и нѣкоторые просвѣщенные Россіяне, не могли даже и подумать, чтобы кто нибудь былъ въ состояніи написать Русскіе стихи. Но явился Кантемиръ. Онъ первый написалъ сатиры стихами, первый предсказалъ блистательное

(а) Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ род. въ Константинополѣ 1708 года, умеръ 1744 въ Парижѣ.

будущее; и то, чему не хотѣлъ вѣрить Монтескье, чего не надѣялись сами Россіяне, свершилось торжественно! .... Холмогоры произвели величайшаго изъ смертныхъ! Они подарили намъ Ломоносова (b), который своимъ всеобъемлющимъ геніемъ, своею твердою волею, положилъ незыблемое основаніе словесности нашей. Но недоставало еще генія, который бы окончилъ планы великаго, который бы еще болѣе привелъ въ совершенство литературу нашу, а особенно поэзію. Такимъ явился Державинъ, истинный поэтъ, который своимъ геніемъ не только обработалъ языкъ, но и далъ другой видъ поэтическому искуству и осыпалъ его новыми цвѣтами.

Въ стихотвореніяхъ его какая сила краснорѣчія; какая смѣлость въ излитіи чувствованій! какая живость! какая стройность языка и высочайшая идея! какая глубокая философія! однимъ словомъ, онъ дышетъ какимъто неземнымъ, небеснымъ восторгомъ. Ни тягостная воинская служба, ни заботы Государ-

---

(b) Ломоносовъ род. 1711 года умеръ 1765.

ственныя не могли подавить быстропарящаго его генія, и онъ не переставалъ его питать поэтическими картинами.

Князь Мещерскій былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Державина. Онъ жилъ на лонѣ роскоши и нѣги, и часто многіе часы проводилъ пируя со своими друзьями. Но въ одну ночь внезапная смерть прекратила дни его. Державинъ былъ тоже приглашенъ къ нему. Онъ спѣшилъ въ объятія своего друга со сладостною надеждою открыть ему всѣ тайны своего сердца. И что же? онъ входитъ въ домъ его, и глазамъ его представляется холодный трупъ. Какое перо въ состояніи изобразить его горесть, его отчаяніе! Какая ужасная рана для его чувствительнаго сердца, а еще болѣе для сердца поэта! Потерять единственнаго друга, повѣреннаго сердца, въ сообществѣ котораго мы находили радость и утѣшеніе, находили отдохновеніе послѣ мирныхъ заботъ. О, это ужасно! Горько, очень горько, носить вѣчную тоску и не имѣть сердца, которое бы соотвѣтствовало вполнѣ нашему, умѣло оцѣнить его, и не насмѣхаться надъ его причудами!

Онъ погрузился въ глубокое уныніе. Груст-

ныя мысли, рожденныя въ безотрадной душѣ, исполненной величайшимъ вдохновеніемъ, трогательныя и прекрасно изображающія ломкость этой жизни, и ничтожество мірскихъ увеселеній, эти мысли столь быстры и неожиданны какъ смерть, которую поэтъ описываетъ.

„ Глаголъ временъ, металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ... и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.“

Какая высокая картина! Сколько поэзіи въ этихъ словахъ: „ Глаголъ временъ!“ Поэтъ кажется время заставляетъ говорить, коего голосъ, изображающійся посредствомъ звука колокола, наводитъ уныніе на душу каждаго человѣка и напоминаетъ ему, что онъ отзовется нѣкогда своимъ ужаснымъ стономъ, когда придетъ часъ смерти.

Вилен. Двор Иност. К. Пашковскій

МЫСЛИ ПО ПРОЧТЕНІИ СТИХОТВОРЕНІЙ: Памятникъ, ДЕРЖАВИНА И monumentum, ГОРАЦІЯ.

Jamque opus exegi, quod nec Jovis ira
Nec poterit ferrum, nec edax abolere vetustas.
Ovid. Metam. XV r. 871.

Желаніе прославить имя свос, передать его потомству, такъ естественно человѣку, что всякій почти, болѣе или менѣе, старается осуществить его. Тысячи опытовъ, показывающихъ противное, не должны служить опроверженіемъ сей истины. Объ ней должно судить по счастливѣйшимъ представителямъ человѣчества, какъ естествоиспытатели о цѣлыхъ родахъ или видахъ судятъ по совершеннѣйшимъ недѣлимымъ. Пройдите мыслено Исторію временъ и скажите, какой геній или сильный талантъ, или даже и слабый, но съ обильными средствами, не дѣлалъ усилій передать свое имя потомству. Одни воздвигали себѣ памятники, другіе устроивали города и Государства; тѣ

создавали системы, объясняя законы ума и природы. Но какъ мало изъ всѣхъ этихъ дѣйствователей сохранила для насъ Исторія? И кто скажетъ, что она передала ихъ намъ въ такомъ видѣ каковы были они въ самомъ дѣлѣ? Сколько пристрастія, лести или ненависти пристало къ каждому имени, переданному намъ Исторіею? Сколько превратныхъ понятій, невѣрныхъ сужденій испытало каждое историческое лице? Что значитъ послѣ сего эта память въ потомствѣ, это безсмертіе, особенно если прибавить къ тому самый полетъ времени, этотъ всесокрушающій потокъ, который въ своемъ теченіи

Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, Царства и Царей.

И такъ что же остается твердымъ, не гибнущимъ, на память потомству отъ прошедшихъ вѣковъ? Произведенія вдохновеннаго пера. Они одни смѣло идутъ на встрѣчу возникающимъ поколѣніямъ, вездѣ находятъ восторженный привѣтъ, не старѣются, и не гибнутъ отъ полета вѣковъ. Въ комъ горитъ огонь вдохновенія, кто успѣлъ излить изъ себя внутренній жаръ

сей, тотъ смѣло можетъ сказать съ Гораціемъ, какъ сказалъ Державинъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный,
вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ бы-
стротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на Горація въ его твореніяхъ; что могла ему сдѣлать злость стихій или безчисленный рядъ годовъ, пролетѣвшій надъ его твореніями? Исчезъ самый Римъ съ своимъ величіемъ; а лира пѣвца Августова такіе же звучные аккорды издаетъ и понынѣ. Это гордое сознаніе своей силы по всей справедливости могъ чувствовать и пѣвецъ Бога и фелицы, повторяя сказанное Гораціемъ, какъ и самъ онъ повторилъ еще древнѣйшаго пѣвца въ Элладѣ, Пиндара.

Но чѣмъ же тотъ и другой, по собственному ихъ сознанію, воздвигаютъ себѣ несокрушимые памятники? Одинъ тѣмъ, что первый перенесъ на Италіянскую землю поэтическую музыку сыновъ Эллады; а другой, тѣмъ, что въ сердечной

простотѣ „ бесѣдовалъ о Богѣ, и истину царямъ съ улыбкой говорилъ.“ Неужели въ самомъ дѣлѣ это единственныя ихъ заслуги? Бесѣда о Богѣ усладительна для каждаго благочестиваго сердца, и кто не назоветъ лучшими минутами жизни своей именно тѣ мгновенія, когда душа его бесѣдовала съ Богомъ? Равнымъ образомъ, какая благородная, возвышенная душа умолчитъ объ истинѣ предъ Царемъ?— Правда, бесѣдамъ о Богѣ цѣлые милліоны посвящаютъ дни и часы, но никто еще не изобразилъ этой бесѣды своей въ такой величественной картинѣ, какъ Державинъ; никому не внималъ свѣтъ съ такимъ изумленіемъ, какъ Русскому пѣвцу Бога. Точно такъ же, какъ въ самомъ дѣлѣ никто съ такою смѣлостію и благородствомъ не подходилъ къ Царямъ съ горькими словами истины, облеченной веселою, шутливою одеждою.

Равно и лира Горація, перенявшая сладкозвучные тоны свои подъ яснымъ небомъ Греціи, не нашла для себя другаго пѣвца. Римъ любилъ оглашать Вселенную, но страшнымъ голосомъ Марса, а не сладкозвучнымъ пѣніемъ Аполлона. И отъ того въ самомъ дѣлѣ памятникъ Горація *долговѣчнѣе мѣди и выше цар-*

скихъ пирамидъ. Полетъ вѣковъ не сокрушилъ его; и такимъ образомъ Горацій не весь умеръ. Путь верховнаго жреца въ Капитолію съ цѣломудренною дѣвою, которому Горацій не предвидѣлъ конца, давно стертъ съ лица земли — а Горацій живетъ. Все уничтожилось около него, одни только струи быстраго Авфида, какъ отдаленное эхо, повторяютъ воображенію звуки пѣсней Горація. Онъ справедливо требовалъ себѣ должной награды — лавръ безсмертія вѣчно будетъ украшать чело его. Равно и сѣверный пѣвецъ Бога и Фелицы не сдѣлается жертвою всесокрушающаго времени и и его большая часть

Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ его не увядая,
Доколь Славяновъ родъ Вселенна будетъ
чтить.

С. Ляховичъ Вил. Гим.

ПЬЧТО О БАСНЯХЪ КРЫЛОВА И РАЗБОРЪ БАСНИ: *Оселъ и Соловей.*

Федръ и Крыловъ, величайшіе баснописцы, имѣютъ разительное сходство не только по своимъ произведеніямъ, но даже по времени и обстоятельствамъ жизни. Федръ жилъ во время цвѣтущаго состоянія и благополучія всемірной Римской Имперіи, въ златомъ вѣкѣ Римской Литературы: Крыловъ, свидѣтель славы, величія, благоденствія и просвѣщенія новой всемірной Имперіи Россіи. Но послѣ Августова вѣка благосостояніе отечества Федра рушилось, и златой вѣкъ литературы закатился. Крыловъ живетъ въ первые еще годы златой Русской Литературы, и въ первыя благія времена Россіи: (что никогда не пройдетъ въ Россіи, ибо начался цѣлый рядъ Августовъ).

Равнымъ образомъ они сходны и въ своихъ басняхъ. Крыловъ заключаетъ въ себѣ всѣ красоты Федра: его легкость, пріятность, основательность; но сверхъ того въ его ба-

сиихъ есть много красотъ и достоинствъ, которыхъ Федръ не имѣетъ. Федръ кратокъ, сжатъ, мало обращаетъ вниманія на внѣшнія украшенія; басни его заключены въ тѣсныхъ формахъ; и это составляетъ его высшее достоинство. Но его баснь предлагаетъ мысль, и, кратко ее излагая, заставляетъ только понять, чувствовать же представляетъ читателю. Въ баснихъ Крылова также нѣтъ лишнихъ словъ и выраженій; но онъ болѣе свободенъ, обиленъ, дѣйствія его лицъ болѣе занимательны и забавны, разговоры болѣе оживлены и болѣе свойственны характерамъ: онъ такъ легко и пріятно раскрываетъ мысль, малѣйшія подробности такъ незамѣтно входятъ въ цѣлое, что, читая, невольно чувствуемъ, въ малѣйшихъ оттѣнкахъ, мысль или истину, представляемую въ баснѣ. Федрову басню можно уподобить вещи съ отдѣлкою прочною, какая нужна для употребленія, но басня Крылова есть такая вещь, въ отдѣлкѣ которой соединена прочность съ украшеніями. Крыловъ согласился съ людьми своего вѣка, которые во всемъ любятъ внѣшнія украшенія.

Чувствовать и понимать не одно и тоже. Дабы

понимать, нужно только разумѣть Автора по значенію словъ и выраженію; но чувствовать, значитъ мысленно поставить себя на мѣсто писателя, переселиться въ его обстоятельства и перелить его мысль или чувство въ свою душу. Только тотъ читаетъ надлежащимъ образомъ, кто чувствуетъ писателя, и кто въ состояніи чувствовать поэта, тотъ почти самъ поэтъ. А потому Крыловъ, котораго гораздо легче постигнуть чувствомъ, имѣетъ преимущество предъ Федромъ.

Но неужели авторъ не долженъ предоставить что либо читателю для разгадки? Въ отвѣтъ на это вспомнимъ, что истинная мудрость не скрывается за занавѣсомъ, и все, что пишемъ или говоримъ, должно быть сказано какъ можно ясніе и простѣе. Притомъ, оставимъ пылкимъ писателямъ право, предлагать мысли, не излагая ихъ; ибо они въ порывахъ восторга и воображенія, когда множество ощущеній отягчаютъ ихъ пламенную душу, когда они сгараютъ въ чувствахъ, когда желаютъ въ одну минуту заставить всѣхъ почувствовать свои душевныя страданія, когда желаютъ все вдругъ вылить на бумагу, выражаютъ свои мысли и

чувствованія однѣ за другими, и такимъ образомъ не имѣютъ времени всякую изъ нихъ порознь излагать и развивать. Но въ баснѣ совершенно иное.

Не всѣ Крылова басни оригинальны; нѣкоторыя заимствованы у другихъ баснописцевъ; но онъ не рабски ихъ перевелъ, а одинъ только скелетъ ихъ искусно облекъ въ одежду совершенно въ Русскомъ духѣ. Неужели онъ не долженъ былъ передать хорошее чужее роднымъ языкомъ?

Для иныхъ басней заимствовалъ онъ только мысль; но съ такимъ искуствомъ развилъ ее, такъ мастерски переодѣлъ въ новую одежду, что эти басни удобно могутъ быть причислены къ оригинальнымъ. Но какой либо недоброжелатель скажетъ: да все таки не свое. Такому возражателю можно вспомнить, что кто-то сказалъ: *ничто не ново подъ луною.* Это ежели не во всѣхъ отношеніяхъ справедливо, то по крайней мѣрѣ не въ отношеніи истинъ, чувствованій и мыслей. Ибо все, что теперь говоримъ, было когда нибудь сказано, а нынѣшніе писатели только умѣютъ большею частію ими

пользоваться, какъ пчелы пользуются цвѣтами при составленіи меда. При томъ однѣ и тѣ-же мысли могутъ сами собою родиться у разныхъ писателей.

Оригинальныя басни Крылова сверхъ возможныхъ достоинствъ имѣютъ и то совершенство, что онъ ихъ не писалъ на общія мысли, но на совершенно новыя. Онѣ такъ отличаются пріятною шутливостію, что могутъ иногда развеселить самаго угрюмаго человѣка.

Въ баснѣ: „*Оселъ и Соловей*“ осмѣиваетъ Крыловъ критиковъ— невѣждъ, которые, какъ скоро появится юный талантъ, налетаютъ на него стаею. Здѣсь нѣтъ у него ничего лишняго. Самый грубый языкъ Осла сходенъ съ его природою. И при томъ не такъ ли заговоритъ съ вами какой либо полу-умница, который почитаетъ себя въ правѣ ставить всѣхъ ниже себя, въ рѣчи котораго однакожъ пробивается невѣжество:

Послушай-ка дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень и
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,

Велико ли твое умѣнье?

Послѣ этого какъ прекрасно звучитъ изображеніе соловьинаго пѣнья:

Защолкалъ, засвисталъ,
На тысячу ладовъ тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада;
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

Какое восхитительное звукоподражаніе! Можно ли прекраснѣе описать пѣніе соловья? Читая это, кажется, слышишь *пѣвца Авроры*, который, сидя на вѣтви дерева, разливаетъ пѣніе свое по рощѣ. Какъ потомъ живописно изображаетъ авторъ дѣйствіе его на все окружающее! Невольно рисуется предъ глазами цѣлая картина весенняго дня, цѣлый пейзажъ: и ти-

шина въ рощѣ, и прилегшія стада, и пастухъ, лежащій на мягкой муравѣ въ тѣни деревъ; и все это утихло слушая сладкое пѣніе соловья. Есть ли что подобное у Федра?

И какой же судъ произноситъ Оселъ надъ Соловьемъ, которымъ все плѣнялось и даже пастухъ осла, а онъ—

Уставясь въ землю лбомъ,
—Изрядно.— говоритъ:— сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно,
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ,
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Не такъ ли бываетъ, когда подобнаго спросятъ о мнѣніи касательно какого либо новаго произведенія. Пусть имъ восхищается весь свѣтъ, но онъ, нахмуривъ брови и приявъ видъ знатока, скажетъ: изрядно, но жаль что не соблюдены *protasis* и *periphrasis*.

Прости читатель, что я съ начала до конца, только и дѣлалъ то, что расхваливалъ Крыло-

ва — я не хотѣлъ, чтобы эта басня касалась меня, и боялся, чтобы и мнѣ не сказали:

Избави, Богъ, и насъ отъ эдакихъ судей.

И. Довнаръ Мин. Гим.

СИНОНИМЫ.

звукъ, тонъ, голосъ.

Звукъ есть потрясеніе тѣла, воспринимаемое органомъ слуха; тонъ опредѣляетъ быстроту, или медленность этихъ сотрясеній; голосъ то же, что звукъ, но понятіе ограниченнѣе звука, потому что есть принадлежность живаго существа.

Звукъ свойственъ всякому тѣлу; тонъ означаетъ высокость, или низкость звука; звукъ что-то неопредѣленное, неговорящее душѣ; голосъ заключаетъ въ себѣ какую нибудь мысль, понятную сердцу и которая найдетъ въ немъ отголосокъ. По этому говорится о глухонѣмомъ: онъ не имѣетъ голоса, а произноситъ дикіе, непонятные звуки. Нельзя сказать: голосъ этихъ фортепьянъ хорошъ: а должно— тонъ хорошъ.

Если голосъ и выражается въ звукѣ, не заключающемъ опредѣленной мысли; тогда онъ выражаетъ какое нибудь душевное движеніе,

понятное существу, издающему звукъ. Камень издаетъ звукъ нечистый; серебро, стекло, звукъ чистый; соловей имѣетъ пріятный голосъ; у этой дѣвицы ангельскій голосъ. Возмите тонъ *а*, говорятъ музыканты, настроивая свои инструменты. *Гласъ*; въ этомъ случаѣ, синонимируетъ съ *глаголомъ* и приличенъ высшимъ предметамъ и. пр. глаголъ временъ, глаголъ Предвѣчнаго. Тонъ въ переносномъ значеніи, показываетъ степень быта политическаго, какую занимаетъ кто либо въ отношеніи къ другимъ. Этотъ человѣкъ высшаго тона, то есть принадлежитъ къ высшему кругу и проч.

Согласію въ буквальномъ смыслѣ противополагается разногласіе, нестройность, потомъ перенесено и въ фигуральный смыслъ; разномысліе, вражда, споръ, ссоры и проч. Согласіе есть причина твердаго, незыблемаго состоянія Государства или общества и обратно. Монотоніе — значитъ одинъ тонъ, безпрерывно повторяющійся, отъ Μόνος одинъ и употребляется во всѣхъ случаяхъ: *и пр.* при чтеніи, при разговорѣ, и проч, когда что либо наводитъ скуку; равно и въ расположеніи вещей, гдѣ нѣтъ

разнообразія *и пр.* слишкомъ искуственные сады, монотонны и пр.

Нѣкоторые производятъ слово *бездна* такъ: если бросить въ пустой чанъ какое нибудь твердое тѣло, то оно произведетъ звукъ: *тонъ* или *донъ;* если же что либо слишкомъ глубоко, то не слышно этого звука, т. е. безъ-*тон*-а или *дон*-а оттуда *бездна*, но это производство болѣе остроумно, нежели правдоподобно — Согласіе звуковъ называется гармонія, евфонія— противное: дизгармонія; противные звуки для уха называются какофонія. Эти названія приличны и предметамъ, подверженнымъ чувству зрѣнія: и пр. разумъ отмѣчаетъ въ мірѣ всѣ несообразности, и видитъ его въ совершеннѣйшей гармоніи, видитъ вѣчное единство въ разнообразіи и безконечное разнообразіе въ единствѣ.

Звукъ и голосъ суть первѣйшіе и важнѣйшіе проводники мысли и одежда ея; понятіе безъ оболочки звука умерло бы въ душѣ, не обнаружившись и не перейдя въ сознаніе, другаго лица.

Звукъ вливаетъ какую то душу въ мертвую природу и вѣщаетъ смертнымъ глаголъ Всемогущаго. Гнѣвъ неба мы понимаемъ въ раскатахъ грома; радость живущаго въ пѣсняхъ пер-

натыхъ. Есть звуки понятные душѣ — много говорящіе — но великіе поэты только разумѣютъ таинственные отзывы натуры.

Слово живо, оно дышетъ, но и звуки, не облеченные въ слово, производятъ въ душѣ различныя перемѣны. Кто не впадаетъ въ грустную задумчивость при шелестѣ листьевъ, падающихъ съ деревъ? кого не погрузитъ въ сладкую дремоту однообразный шумъ дождя, плескъ волнъ, озера, стремленіе источника?

Вдохновенный поэтъ отѣлотворяетъ въ живой образъ и звукъ свѣтящіе міры и заставляетъ ихъ стройно воспѣвать хвалебную пѣснь Міродержителю.

Случается, прилетаютъ звуки нездѣшняго міра, какъ будто бы душа слышитъ голосъ тѣхъ блаженныхъ временъ, когда она была чиста и свѣтла, какъ юное утро мірозданія; но такіе звуки слышатъ только избранные.

Н. Юндзиллъ Вил. Двор. Инст.

СОЖАЛѢНІЕ, СОСТРАДАНІЕ.

То внутреннее, врожденное свойство души нашей, по которому мы принимаемъ участіе въ бѣдствіи другаго, есть *сожалѣніе* и *состраданіе*. Одно или оба эти свойства соединены съ природой человѣка и заронены въ глубину души; онѣ хотя иногда сливаются въ одно безразличное, но ежели вникнуть хорошо, то конечно найдемъ разительную черту, раздѣляющую эти два свойства нашего сердца.

Первое, свойство всѣхъ людей вообще въ большей части или меньшей мѣрѣ, а второе только нѣкоторыхъ. Первое можно замѣтить въ природѣ неразумной— второе исключительно принадлежитъ разумнымъ существамъ. Одно можетъ относиться къ вещамъ, т. е. къ предметамъ бездушнымъ, другое же всегда къ лицамъ, къ существу, живущему, разумному — иногда даже безсловесному. Тѣло умершаго, никогда въ насъ не можетъ родить состраданія, потому что оно безъ

души, слѣдовательно не чувствуетъ никакихъ болѣзней ни страданій. Какъ жаль, что умеръ N. N. мы говоримъ, хорошій человѣкъ, хлѣбосолъ, дѣловой человѣкъ, малый съ головой; но когда взглянемъ на отчаяніе жены рыдающей, на сироть безпомощныхъ — унасъ сердце обливается кровію — мы страдаемъ, вмѣстѣ сострадаемъ.

Корень слова *сожалѣніе* есть жаль, жалѣть, сожалѣть; а *состраданіе* страданіе вмѣстѣ, съ кѣмъ страдать: также точно, какъ лице страждущее. Противоположное, *состраданію* есть *безчувственность, сожалѣнію — безжалостность*: Легкое принятіе участія въ несчастіи кого либо составляетъ сожалѣніе. Оно бываетъ или искреннее, или притворное. Показывать знаки сожалѣнія только при нѣкоторыхъ случаяхъ, въ нужныхъ обстоятельствахъ, а не имѣть его въ сердцѣ, значитъ притворно, лицемѣрно сожалѣть. Человѣкъ сострадательный долженъ необходимо сосредоточивать въ себѣ сожалѣніе въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по различнымъ соотношеніямъ лица сожалѣющаго и сожалѣемаго. Слѣдовательно сожалѣніе нѣкото-

рымъ образомъ предшествуетъ состраданію, и послѣднее никакъ не можетъ обойтись безъ перваго, на пр. ежели нѣкоторые, или большая часть людей, видятъ мученія заклятаго врага своего, почему не сострадаютъ ему? потому, что у нихъ нѣтъ къ нему сожалѣнія; но великодушный человѣкъ забываетъ все въ несчастіи врага и сожалѣетъ о немъ и сострадаетъ къ нему. Сожалѣніе впрочемъ не всегда соединено съ состраданіемъ: посторонній человѣкъ сожалѣетъ о смерти отца и несчастныхъ сиротахъ, но не имѣетъ состраданія, т. е. внутренней болѣзни, которую чувствуетъ любящій сынъ и т. д. Разбойникъ сожалѣетъ о томъ, что убилъ бѣдняка безъ всякой для себя пользы: между тѣмъ, какъ состраданіе не приступно его душѣ. *Сожалѣніе* можетъ таиться въ душѣ: *состраданіе же* должно обнаруживаться или словомъ, или дѣломъ, тайно, или явно. Сожалѣніе такъ относится къ состраданію, какъ мысль къ выраженію, какъ умозрительное къ дѣятельному. Состраданіе должно непремѣнно относиться къ постороннимъ: ежели сожалѣніе относится къ намъ самимъ, тогда оно чисто однозначительно съ раскаяніемъ, обвиненіемъ себя или въ о-

прометчивости, или въ ошибкѣ, или когда предавшись порыву какой нибудь страсти, сдѣлали вредъ или себѣ или другимъ. Говорится: ахъ, какъ я сожалѣю, что упустилъ такой удобный случай ѣхать съ N. за границу! — ахъ, какъ я опростоволосился! ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ? кричатъ всѣ, не закаленные еще въ проступкахъ и порокахъ.

Чѣмъ душа чувствительнѣе, тѣмъ степень сострадания болѣе соотвѣтствуетъ страданіямъ лица терпящаго, напр. говорится: смотря на его страданія, я самъ такъже страдаю, т. е. мнѣ такъже точно больно, то же чувствую, что и онъ. Такъ же говорится: у кого не возбудится сожалѣніе, смотря на его страданія? здѣсь уже предполагается большая разница между душою страдающею и сожалѣющею, потому, что послѣднял принимаетъ легкое только участіе въ страданіяхъ первой, а не имѣетъ совершеннаго съ нею сочувствія. Мы сожалѣемъ, смотря на ученика, который безразсудно пренебрегаетъ своимъ талантомъ, и губитъ невозвратное время, но сострадаемъ къ тому, который будучи обиженъ природою, безъ всякихъ дарованій, однакожъ трудится сколько позволяютъ силы его, сидитъ

неотступно день и ночь, стремится болѣе и болѣе къ совершенству, напрягаетъ всѣ умственныя и душевныя силы, однимъ словомъ, какъ говорится, бьется бѣдняга, какъ рыба объ ледъ, а ни въ чемъ не успѣваетъ. — Нѣкоторые изъ нашихъ писателей, хотя и съ хорошими дарованіями, но рѣдко появляются на горизонтѣ Институтской литературы. О такихъ людяхъ сожалѣемъ; но тѣ, которые пишутъ изъ одного тщеславія, что бы называли *ихъ* литераторами, или желая показаться умными въ глазахъ другихъ, но не имѣя дорованія писать, а можетъ быть, и здраваго смысла, для этого прибѣгаютъ къ чужой помощи и дѣлаютъ нѣкоторымъ образомъ прекрасную литературу меркантильнымъ товаромъ, о такихъ людяхъ скажемъ, что они достойны очень, очень большаго сострадания, потому, что обманываютъ и себя и другихъ.

Сожалѣніе и сострадание должны итти объ руку; онѣ слабый проблескъ, слабый, но лучезарный въ этой печальной юдоли, проблескъ неизрѣченнаго милосердія, одѣвшаго благодатнымъ крыломъ своимъ весь родъ человѣческій съ его предками и потомками до страшнаго

суда. Счастливъ тотъ, кто сжалѣетъ, еще счастливѣе, кто сострадаетъ, счастливѣйшій и благополучный, кто поддерживаетъ тотъ чистый пламень истиннаго Христіанства: помысломъ, словомъ и дѣломъ. — *Милосердіе* Искупителя есть верховная отрада для человѣчества; состраданіе въ человѣкѣ кратчайшая лѣствица заслужить милосердіе его.

Н. Юндзиллъ, Вилен. Двор. Инст.

ИТАЛІЯ И РОССІЯ.

Брониславъ. Ну, что твоя Италія, ты и теперь все таки страстный ея поклонникъ?

Мірославъ. Почемуже не такъ?

Брониславъ. Ничего... я очень радъ, что ты любишь эту классическую землю, но только желалъ бы тебѣ оставить въ сердцѣ своемъ небольшой уголокъ и для собственнаго отечества, которое то-же стоитъ самой пламенной любви.

Мірославъ. Кто же сказалъ тебѣ, что я не люблю его?

Брониславъ. Я не говорю этого, но только для меня непонятны безпрерывныя твои восхищенія тою страною, какъ будто бы выше ея, для тебя ничего не было въ мірѣ. Признаюсь, ты даже возбуждаешь во мнѣ любопытство спросить о причинѣ твоихъ восторговъ.

Мірославъ. О! причинъ тому очень много, и высказать ихъ всѣ, почти невозможно.

Брониславъ. Можетъ быть тебя слишкомъ сильно обольщаетъ южный климатъ и чудесная природа Италіи?...

Мірославъ: Въ этомъ нельзя и сомнѣваться; Россія не то, что Италія. Здѣсь, такъ сказать, вѣчный холодъ, тамъ вѣчная весна, вѣчное лѣто. Та страна, гдѣ природа всегда улыбается, гдѣ дерева вѣчно зеленѣютъ,—

Гдѣ видятся полуденныя розы,
Душистые, лимонные лѣса,
Зеленый миртъ и виноградны лозы,
И синія, какъ яхонтъ, небеса..... (а)

та, говорю, страна никакъ не можетъ сравняться съ Россіею.

Брониславъ. Ты ошибаешься Мірославъ, я и нехотѣлъ сравнивать нашего климата съ климатомъ Италіи, но только не могу при семъ не замѣтить тебѣ, что ты напрасно жалуешься на вѣчную у насъ зиму, какъ будто бы отечество твое состояло изъ одной какой нибудь Колы, или Новой Земли. Не забывай, что Россія не есть какое нибудь княжество Лихтен-

---

(а) Козловъ.

питейнъ; а вспомни лучше, что она далеко простираясь на сѣверъ, въ то-же самое время пользуется и самымъ счастливымъ климатомъ юга; что „въ то время, — (какъ говоритъ Батюш-„ковъ)—когда житель влажныхъ береговъ Бѣ-„лаго моря ходитъ за куницею на быстрыхъ „лыжахъ своихъ, счастливый обитатель устьевъ „Волги собираетъ пшеницу, и благодатное про-„со.“ — И вообще, на обширныхъ равнинахъ южной половины Россіи тоже, какъ и на цвѣтущихъ долинахъ Ломбардіи, Тосканы и Неаполя, природа богата, и щедро награждаетъ труды земледѣльца. Вспомни объ Одессѣ и Тавридѣ, которая очаровываетъ глаза путешественника разнообразіемъ своихъ прелестей; тамъ въ одномъ мѣстѣ поражаютъ взоры твои крутыя скалы, изгибающіяся надъ бездонными пропастями; въ другомъ, высокія горы, нахмуренныя чернымъ лѣсомъ, и чтобъ „отважиться „на описаніе величественной прелести сего лѣ-„са, коего вѣковыя деревья могутъ дать по-„нятіе о мѣстахъ, гдѣ цвѣла и завяла юность „Павла и Виргиніи,—надобно имѣть перо Бер-„нардиново“ какъ говоритъ Муравьевъ Ап.

Мірославъ. Не спорю, согласенъ, что и въ

Россіи, особенно въ полуденной половинѣ ея, можно наслаждаться природою,— но все не такъ, какъ въ Италіи.— Къ тому же и не одинъ только климатъ Италіи увлекаетъ меня къ ней. Она еще большую возбуждаетъ къ себѣ любовь, — какъ страна ознаменованная великими событіями; какъ свидѣтельница и виновница судьбы нѣсколькихъ народовъ; какъ отечество Сципіоновъ, Помпеевъ, Юліевъ-Цезарей и всѣхъ великихъ полководцевъ древняго Рима; и какъ земля великихъ поэтовъ, каковы были: Горацій, Виргилій, Овидій.... Тассо, Данте, Петрарка, Аріосто и прочіе; какъ поприще великихъ геніевъ музыки и всѣхъ вообще изящныхъ искуствъ,—

..... où chanta Virgile, où peignit Raphaël!
Terre dans tous les temps consacrée à la gloire,
Grande par les beaux-arts, Reine par la victoire; (*)

или вообще, какъ страна всего великаго и прекраснаго, неужели она не стоитъ всей страсти любви?

(*) Saint-Victor Le voyage du Poëte.

Брониславъ. Не спорно, что стоитъ; но восхищаясь чужимъ не надо забывать и своего. И особенно мнѣ кажется излишнимъ твое восхищеніе при воспоминаніи Сципіоновъ, Цезарей и другихъ. Въ этомъ отношеніи Исторія Россіи представитъ тебѣ болѣе примѣровъ. На это скажу тебѣ словами Карамзина: „Слава, говорить онъ, была колыбелію народа Русскаго, „а побѣда вѣстницею бытія его. — Герои наши „въ десятомъ вѣкѣ играли и забавлялись у„жасомъ тогдашней новой столицы міра; имъ „надлежало только явиться подъ стѣнами Кон„стантинополя, чтобы взять дань съ Царей „Греческихъ.“

Подвиги Святослава, Александра Невскаго, Дмитрія Донскаго, Іоанна Грознаго, полководцевъ Петра Великаго, Екатерины II, Александра Благословеннаго, Миниховъ Потемкиныхъ, Румянцовыхъ, Суворовыхъ, Кутузовыхъ, и всѣхъ прочихъ мужей Россійской Беллоны, возбудили удивленіе всей Европы. Россія съ малыми силами успѣла освободиться отъ Татаръ, отъ которыхъ западная Европа начала приходить въ ужасъ. Она смирила гордость Турокъ, отъ которыхъ трепетала Вѣна,

вся Австріи и самый Римъ. И наконецъ даже два самые удивительные въ лѣтописяхъ міра геніи войны, должны были пасть подъ тяжелыми ударами Русскаго оружія; я говорю о Карлѣ XII и Наполеонѣ.

И такъ (какъ тебѣ извѣстно) Турки, Шведы и наконецъ французы испытали всю тяжесть нашего оружія; 1812 годъ доказалъ, что Русскіе умѣютъ бить самыхъ искуснѣйшихъ въ военномъ искуствѣ непріятелей, умѣютъ отражать самыя сильныя нападенія. Громъ Русскаго оружія раздался на берегахъ Рейна и Сены и знамена Сѣвера явились на стѣнахъ гордой столицы Запада. „ Русскій, спаситель земли своей, пожалъ лавры на снѣгахъ ея (говорить авторъ писемъ Русскаго офицера) и развернулъ знамена свои на чуждыхъ предѣлахъ. Изумленная Европа, слезами и горестію покрытая, взирая на небо, невольно восклицаетъ: великъ Богъ земли Русскія, великъ Государь и народъ ея!“ Великъ Кутузовъ полководецъ мудрый! говоритъ Исторія и вмѣстѣ съ именемъ его, пишетъ на златыхъ скрыжаляхъ своихъ 1812 годъ.“

Неужели эти подвиги въ глазахъ твоихъ ме-

ніе подвиговъ Сципіоновъ и Цезарей??.....

Далѣе ты говоришь о великихъ писателяхъ древняго и новаго Рима. Тебя очаровываетъ земля, на которой возникли великіе геніи поэзіи. Но и та страна, въ которой ты родился, которая питаетъ тебя своимъ воздухомъ, которую называешь ты своимъ отечествомъ, и та, говорю, страна можетъ представить тебѣ не малое число поэтовъ. Имена: Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Крылова, Грибоѣдова, не менѣе приносятъ чести Россіи, какъ и великіе поэты древняго и новаго Рима Италіи.

Мірославъ. Однакожъ признайся, что число этихъ мужей слишкомъ ограничено у насъ, слишкомъ.....

Бронславъ. Что же тутъ удивительнаго; Россія не вѣками щитаетъ свою образованность. Она едва только выходитъ изъ своего младенчества. Помни, что еще только одно столѣтіе, какъ Россія, поставленная рукою мудраго Петра на путь просвѣщенія, начала великое поприще своего образованія еще въ древнемъ мірѣ. Помни, что до Ломоносова, не было у насъ почти никакихъ писателей и уди-

вляйся быстрымъ ея успѣхамъ, содѣланнымъ въ непродолжительное время; успѣхамъ, предвѣщающимъ будущую ея славу, которою она помрачитъ славу своихъ прежнихъ наставниковъ. „ Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ „ стихахъ и прозѣ, и можемъ въ нѣкоторыхъ „ частяхъ уже равняться съ иностранцами “ говоритъ безсмертный Карамзинъ. А что бы сказалъ онъ нынѣ, увидѣвъ, съ какимъ жаромъ соотечественники его посвящаютъ себя наукамъ; и какъ мудро жаръ этотъ умѣетъ еще болѣе возбуждать Великій Государь нашъ. При семъ случаѣ я не могу не припомнить тебѣ словъ создателя славы Русской, Петра. Основывая Петербургъ, на который смотрѣлъ онъ, какъ на морскія ворота, отворенныя въ его Государство для входа всѣхъ наукъ, искуствъ и художествъ, и представлял въ умѣ своемъ, какъ онѣ постепенно переходили изъ Греціи, съ востока Европы, на западъ ея, Онъ произнесъ великое слово: „ Науки идутъ кругомъ въ свѣ- „ тѣ; посему я надѣюсь, что они поселятся и „ у насъ, утвердятъ здѣсь свое владычество, и „ послѣ опять возвратятся въ Грецію. Будетъ „ время, кажется мнѣ, а можетъ быть и сами

„ доживемъ до него, когда Русскіе, успѣхами
„ своими въ наукахъ, постоянствомъ въ тру-
„ дахъ, и блескомъ укрѣпившейся славы, пом-
„ рачатъ самый просвѣщенный народъ.“

Ты говоришь еще, что тебя увлекаютъ въ Италіи великіе геніи въ изящныхъ искуствахъ; но и въ этомъ отношеніи наше отечество можетъ тебѣ представить нѣсколько геніевъ; не распространяясь объ нихъ много, укажу тебѣ на двухъ твоихъ современниковъ, творецъ таковы: *Послѣдняго дня Помпеи* и *Мѣднаго змія*, которыхъ имена уже теперь Европа предала безсмертію, увѣнчавъ торжественно великія ихъ произведенія. А музыкальное произведеніе Глинки? это блистательное, лучезарное свѣтило утра, обѣщающее Россіи прекрасный полдень. Самый Петербургъ не есть ли великое твореніе наше, созданное безсмертными нашими Государями? На непроходимыхъ болотахъ, средь мрачныхъ лѣсовъ, въ странѣ, казалось, оставленной Богомъ и людьми, гдѣ только дымились хижины рыбаковъ, возникаетъ великолѣпный городъ, какъ бы магическою силою какого нибудь генія воздвигнутый. И тамъ, гдѣ видны были прежде одни вѣковыя деревья, возвы-

шаются нынѣ великолѣпные храмы и пышные памятники, огромностію, вкусомъ и велікостію идей изображаемыхъ ими, едва ли непревосходящіе всѣ извѣстные въ Европѣ монументы. Храмъ Св: Исаакія не будетъ ли для грядущихъ вѣковъ свидѣтелемъ утонченности вкуса, изобрѣтательности генія и высочайшей степени знанія архитектуры?.. Или посмотри на Москву, это исполинское сердце огромной Имперіи, эту недавнюю жертву всеобщаго блага и спасенія Европы, посмотри, какъ она изъ кучъ пепла и развалинъ, возстаетъ въ новомъ величіи, украшается великолѣпными зданіями и вновь кипитъ жизнію и неутомимою дѣятельностію.

Такъ, Мирославъ, Россія можетъ представить тебѣ все, что восхищаетъ тебя въ Италіи; пусть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она не столь обильна великими геніями, но не забывай, что она только начинаетъ еще великое свое поприще. Скажу тебѣ лучше словами Карамзина: „ Согла-„ симся, что нѣкоторые народы вообще шасъ „ просвѣщеніе, ибо обстоятельства были для „ нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ „ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа

„ Русскаго; станемъ смѣло на ряду съ други-
„ ми, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ
„ его съ благородною гордостію.

Подъ хладной сѣверной звѣздою,
Рожденные на бѣлый свѣтъ,
Зимою строгою, сѣдою
Взлелѣяны отъ юныхъ лѣтъ,
Мы презримъ роскошь иностранну;
И даже болѣе себя,
Свое отечество любя,
Зря въ немъ страну обѣтованну,
Млеко точащую и медъ;
На всѣ природы южной нѣги
Не промѣняемъ наши снѣги
И нашъ отечественный ледъ,

С. Ляховичъ Вилен. Гим.

СМЕРТЬ ЦЕЗАРЯ.

Когда мы слышимъ о смерти какого нибудь человѣка, мало намъ извѣстнаго, или случайно сталкиваемся дорогою съ погребальною процессіею, рѣдко останавливаемъ вниманіе свое на этихъ путешественникахъ въ страну для насъ невѣдомую. Но смерть человѣка необыкновеннаго, какъ будто бы пробуждаетъ насъ отъ какого-то усыпленія и невольно заставляетъ призадуматься. Такое по крайней мѣрѣ дѣйствіе испыталъ я на себѣ вспомнивъ о смерти Цезаря. Глубоко занятъ былъ я судьбою этого владыки могущественнаго Рима, какъ вдругъ пришелъ ко мнѣ одинъ мой знакомый и невольно прервалъ нить моихъ размышленій.

Знакомый. Что ты выглядываешь, пріятель, такимъ философомъ, не замышляешь ли о желѣзной дорогѣ на луну? это было бы очень кстати

Я. Да, я въ самомъ дѣлѣ думалъ о дорогѣ, только не на луну, а въ тотъ міръ, куда от-

правляются безпрерывно цѣлыми тысячами, а назадъ еще ни одинъ не вернулся.

Зн. Что это за мысль пришла тебѣ въ голову думать о томъ, чего ты не разгадаешь со всею мудреною Германіею выбрось ее изъ головы, — придетъ время когда и безъ всякой думы узнаешь какъ проѣхать туда.

Я. Я не о себѣ думаю, меня занимаетъ теперь смерть Цезаря.

Зн. Не испугался ли ты, можетъ быть, что онъ заблудился на пути своемъ?

Я. Ты шутишь, но я только что прочиталъ его Исторію и, признаюсь, совѣмъ не желалъ бы ему такой участи, какая постигла его.

Зн. Его постигла участь обыкновенныхъ честолюбцевъ; онъ не жалѣлъ своихъ соперниковъ, не пощадили и его головы; онъ разбилъ золотой кумиръ своихъ согражданъ, а они въ свою очередь самаго его сокрушили.

Я. Нѣтъ! онъ не разбивалъ у нихъ ничего! онъ былъ таковъ же, какъ и соперникъ его Помпей, или каковы были предшественники его Марій и Силла; ему только дала судьба болѣе силъ цѣлою головою подняться выше своихъ современниковъ.

Зн: Отъ того-то эта голова и не уцѣлѣла на немъ.

Я: Можетъ быть ты считаешь замѣчаніе свое острымъ; но я нимало не нахожу его справедливымъ. Цезарь достоенъ былъ лучшей участи, или покрайней мѣрѣ, я назвалъ бы смерть его достойною, когда судьба измѣняла ему; когда онъ долженъ былъ сражаться за собственную жизнь, какъ это было при Мундѣ. Но пасть отъ рукъ заговорщиковъ, безумныхъ юношей, которые не умѣли еще цѣнить общественнаго блага; которые ухватились за безумную мечту и, какъ воду, лили кровь человѣческую; которые не замѣчали, что Римъ, разросшись цѣлою вселенною, созрѣлъ для власти единодержавной; пасть, говорю, отъ рукъ такихъ людей, больно человѣку — исполину въ своемъ мірѣ.

Зн: Ну такъ напиши элегію; сочини ему надгробное слово, вознеси его до небесъ!

Я. Кто прославилъ самъ себя, мы съ тобой не придадимъ тому болѣе ни одной черты! точно также, какъ напрасно захотѣлъ бы кто и лишать его достойнаго вѣнца.

Зн: Странный же ты человѣкъ! Стало быть тебѣ хотѣлось, чтобы мечи, которые другимъ

рубятъ головы, сокрушались о Цезаря, какъ слабые соломинки?

Я: Нѣтъ, я желалъ бы одного, чтобы Цезарь палъ въ битвѣ, а не въ Сенатѣ; чтобы онъ подумалъ на этотъ разъ о сновидѣніи Кальпурніи; чтобы онъ хотя изъ суевѣрія повѣрилъ Авгурамъ; или покрайней мѣрѣ прочелъ бы поданное дорогой письмо, и уничтожилъ бы тогда весь заговоръ, какъ слабую сѣть паутины. Однимъ словомъ, я желалъ бы ему даже предвѣдѣнія на этотъ случай, чтобы онъ однимъ мановеніемъ посрамилъ это гнусное коварство, недостойное благороднаго имени человѣка. Пусть бы они увидѣли, что глупыя мечты ихъ ничтожнѣе воздушныхъ замковъ.

Зн: Однимъ словомъ, ты желалъ бы также пустой мечты. Смерть Цезаря лучше образумила ихъ, чѣмъ вся твоя противъ нихъ, не жаркая впрочемъ, филиппика. А что великій воинъ палъ не на бранномъ полѣ, о томъ нечего жалѣть; смерть его и подъ ударами убійцъ равно благородна. На полѣ битвы онъ встрѣтилъ бы ее съ мужествомъ; здѣсь бросаетъ на нее взоръ презрѣнія. По моему мнѣнію и это завидная смерть. Ежели судьба для кого такъ

жестокосердa, то лучшимъ нельзя отплатить ей, какъ презрѣть ее, и съ драгоцѣннымъ даромъ ея — жизнію; завернуться въ тогу и бросить себя безмолвно на землю.

Я. Позволь тебѣ замѣтить, ты, кажется, пришелъ ко мнѣ изъ запоздалаго вѣка; мы благоговѣемъ предъ судьбою, а не барахтаемся съ нею. Это смѣшнѣе даже, нежели какъ Моська лаяла на Слона.

Зн: Не забудь, что мы говорили о Цезарѣ; онъ не много иначе понималъ судьбу, нежели какъ мы съ тобою, и потому смѣло могъ вступить въ бой съ нею. И эти поединки совсѣмъ не рѣдкость у древнихъ; а между прочимъ, чтобы не мѣшать тебѣ углубиться въ размышленія о Цезарѣ, позволь проститься съ тобою, и пожалѣть, что я помѣшалъ твоимъ думамъ.

Посѣтитель мой въ самомъ дѣлѣ помѣшалъ моимъ думамъ; я могъ написать послѣ него только разговоръ нашъ. А эта непостижимость судьбы, которая такъ немилосердо влекла Цезаря на смерть, какъ на казнь, и еще теперь осталась въ душѣ моей незразрѣшимою загадкою. Правда, не посѣтитель виноватъ въ томъ;

но мнѣ хотѣлось остановиться на этомъ событіи въ Исторіи, и какъ съ холма взглянуть мыслію своею на цѣпь произшествій, которыми судьба пишетъ Исторію рода человѣческаго.

К. Бутковскій Вилен. Гим.

О СМЕРТИ ПУШКИНА.

Надъ кѣмъ при уныломъ тамъ лика стенаньи,
Синклитъ совершаетъ обрядъ гробовой?
При томномъ тимпановъ и флейтъ воздыханьи,
Чей прахъ предается утробѣ земной?

Лобановъ.

Любезнѣйшій другъ!

Съ слезами на глазахъ, съ глубокою горестію въ сердцѣ я долженъ извѣстить тебя, ежели ты еще не знаешь, о томъ, что облекло всю Россію въ трауръ, что вытиснуло слезу изъ глазъ Державнаго, что подобно электрической искрѣ, потрясло сердце всѣхъ Россіянъ, и раздалось какъ громовое эхо, по всему протяженію обширной Имперіи, отъ Балтійскаго до Чернаго и Ледовитаго морей.

Чтожъ это такое? ты будешь спрашивать и быстро пробѣгать эти строки, чтобы скорѣе узнать горькое несчастіе, оплакиваемое Россіею?... Не спѣши другъ мой! И такъ уже

слишкомъ рано это извѣстіе доходитъ до насъ, къ чему разрушать сладкое очарованіе, къ чему спѣшить погрузить сердце въ печаль и оросить слезами глаза?

Такъ, горькое несчастіе постигло насъ, умеръ тотъ

.... Чей стихъ былъ данъ намъ въ сладость
Кѣмъ гордился Русской край,
Умеръ великій поэтъ Россіи — умеръ Пушкинъ!!...

Умеръ Пушкинъ!... Нѣтъ поэта!
Лучезарная звѣзда
Закатилась навсегда
Для рыдающаго свѣта!
Блескъ лучей ея исчезъ,
И несытая могила
Безвозвратно поглотила
Это лучшее свѣтило
Нашихъ пасмурныхъ небесъ.... (*)

Онъ умеръ, но труды его безсмертны. Мраморные или чугунные памятники, воздвигнутые въ честь его, падутъ нѣкогда и исчезнутъ съ лица земли, но поэтическія созданія его переживутъ всѣ перевороты въ мірѣ.

(*) Рахманный.

Однакожъ рано скончался онъ и для себя, и для свѣта, и для Русской Литературы. Россія ожидала еще многаго отъ него; она видѣла въ немъ исполина, но еще исполина въ первомъ возрастѣ силъ, она ожидала его возмужалости. Но неумолимая судьба, не внимая плачу Россіи, пресѣкла всѣ ожиданія и надежды, и смерть острою косою своей скосила одинъ изъ первыхъ цвѣтовъ и украшеній Русскаго Парнасса.

Но утѣшься священная тѣнь великаго пѣвца, утѣшься! Россія никогда непомрачавшая себя неблагодарностію, и теперь не помрачится ею, она умѣетъ награждать и малѣйшіе труды. Драгоцѣнное сердцу твоему, оставленное тобою на землѣ, призрѣно Державнымъ Покровителемъ: ты самъ еще былъ тому свидѣтелемъ, на смертномъ твоемъ ложѣ. „Твои дѣти будутъ вмѣстѣ и моими“, изрекъ тебѣ Великій Отецъ Россіи.

Онъ сказалъ — и сдѣлалъ. Такъ, другъ мой, дѣти великаго поэта приняты подъ сѣнь покровительства Великаго Государя и осыпаны милостями.

Но я занимаю тебя, любезнѣйшій другъ, лишними обстоятельствами. Пораженный страш-

ною вѣстію, ты не можешь и не въ состояніи дочитать письма моего. Такъ, смѣшай свои слезы со слезами всей Россіи и принеси дань праху поэта, — плачь о томъ, о которомъ справедливо можно было сказать съ Жуковскимъ:

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою,
Но въ мірѣ семъ минутный гость онъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ;
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою.
И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
Засыпалъ желаннымъ сномъ могилы;
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый
Бѣдный пѣвецъ!

С. Аяховичъ Вил. Гим.

О МѢДНОМЪ ЗМІИ И ПОСЛѢДНЕМЪ ДНѢ ПОМПЕИ.

Beaux arts! eh! dans quel lieu n'avez-vous droit de plaire?

Delille. Georgiques Françaises.

Любезный другъ!

Ты нѣсколько разъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ повторяешь: „пиши ко мнѣ, пиши“, но что писать? — не знаю. Образъ жизни моей всегда одинъ и тотъ же, въ немъ нѣтъ никакихъ большихъ перемѣнъ. И посему я хочу обратить твое вниманіе на явленія болѣе примѣчательныя, — на великихъ художниковъ нашихъ. Искуства разцвѣли теперь и на снѣгахъ Россіи. Долго свѣтъ ихъ сіялъ надъ благословенными странами юга, и яркими лучами озарялъ Грецію и Италію; долго какъ бы полный зависти не пропускалъ онъ лучей своихъ къ странамъ отдаленнаго сѣвера.... Но настало желанное время и ясной свѣтъ озарилъ его туманный горизонтъ. На снѣгахъ его произрасли сѣмена искуствъ и принесли изумительные плоды. Два

питомца Сѣвера, соперники Рафаэля, удивили Европу произведеніями своихъ геніевъ. Вездѣ первые лавры осѣнили главу особенно одного изъ нихъ, и со славою его новая слава имени Русскаго раздалась на берегахъ Тибра и Сены.

Тебѣ давно уже извѣстно, что подъ хладнымъ небомъ Россіи родились два великіе генія искуства съ пламеннымъ воображеніемъ. И кто же не знаетъ именъ Брюллова и Бруни!... Первый блистательно опровергъ ложность страннаго между нѣкоторыми мнѣнія, что на сѣверѣ не могутъ процвѣтать изящныя искуства; другой подкрѣпилъ своего соотечественника и докончилъ дѣло, начатое съ такою славою. Оба они умѣли избрать предметы, имѣющіе много интереса для всѣхъ. Брюлловъ смѣлою кистію представилъ намъ явленіе изъ-за 18 вѣковъ и освѣжилъ произшествіе, покрытое тмою забвенія.

Въ то время, когда надъ Римомъ властвовалъ другъ человѣчества, благодѣтель подданнихъ — Титъ; когда единственною цѣлію всѣхъ его стараній, было благоденствіе и счастіе его подданныхъ, судьбѣ угодно было ознаменовать его царствованіе великимъ несчастіемъ — страш-

ный громъ раздался въ нѣдрахъ Везувія, и потоки лавы съ градомъ раскаленныхъ камней излились на плодоносныя долины. Вздохнулъ Вулканъ

. . . . . и вздохъ его глубокой
Потрясъ кору земли и небо помрачилъ,
И камни, прахъ и дымъ разметаны широко,
И лавы бурный токъ окрестность обкатилъ. (*)

Насталъ послѣдній день двухъ городовъ Помпеи и Геркуланума. Все въ смятеніи и ужасѣ бѣжитъ и уноситъ съ собою, что имѣетъ драгоцѣннѣйшаго. Сію-то минуту схватилъ живописецъ. Брюлловъ изобразилъ то мгновеніе, когда можно было съ Лясепедомъ сказать бѣгущимъ жителямъ Помпеи: „Куда бѣжите вы, „несчастные? Въ какой странѣ ищете храни„лища, какимъ образомъ вы можете избѣжать „угрожающей вамъ смерти? Новыя пропасти раз„верзаются подъ вашими стопами, новые ви„хри пламени, камней, пепла и дыма летятъ „на васъ изъ вершины горъ, а волнующееся „море багровѣетъ отъ блеска громовъ, высту-

(*) Бенедиктовъ.

„паетъ изъ береговъ и стремится поглотить „васъ.“

Послѣдній день Помпеи Брюллова восхитилъ Италіянцевъ, какъ любителей всего геніяльнаго. Имя его гремѣло въ Италіи. Изъ устъ Италіянскихъ поэтовъ полились оды въ честь его. Всѣ восхищались картиною. Пораженный ея идеею Валтеръ-Скоттъ воскликнулъ: „Это цѣлая эпопея!“

Наконецъ — Послѣдній день Помпеи, явился въ Парижѣ — шумитъ столица наукъ; волнуется Академія; зависть силится излить ядъ на творческое созданіе. Но тщетно! Академія не могла показать себя предъ Европою, непризнательною къ генію, и съ горькою досадою, должна была присудить первую медаль не Французскому или Италіянскому, а Русскому художнику, и гдѣ? въ Парижѣ, въ центрѣ изящныхъ художествъ!.....

Еще Италія не успѣла забыть Брюллова, какъ другой Русскій художнихъ привлекаетъ на себя ея вниманіе: Бруни заимствовалъ сюжетъ картины изъ Св. писанія. Онъ изобразилъ казнь Израильтянъ въ пустынѣ, когда Всевышній, за

ропотъ непокорнаго народа, наказываетъ его дождемъ змѣинымъ. Но, по молитвѣ Моисея, Богъ умилосердился надъ народомъ; повелѣлъ сдѣлать ему мѣднаго змія, на котораго кто обращалъ взоры съ полною вѣрою, оставался невредимымъ. Сію — то минуту изобразилъ Бруни. Италіянскіе любители искуствъ узнали художника, по первому абрису картины. И, когда раздался слухъ о скоромъ выѣздѣ Бруни изъ Италіи, они, съ горестію на лицахъ, приходили взглянуть хотя на недокончeнную еще картину его.

Вотъ тебѣ письмо не съ новостями, но съ нѣсколькими замѣчаніями о предметахъ, занимательныхъ для всякаго любителя художествъ. Но кто скажетъ, что Россія не изумитъ Европу произведеніями геніевъ и въ другихъ родахъ? Она уже начинаетъ въ полчаса ѣздить по 25 верстъ; Петербургъ замышляетъ летать въ Москву мепѣе, нежели въ 21 часа, и чрезъ двое сутокъ отъ Балтійскаго моря шагнуть къ Черному, и съ высотъ Чатырдага послать поклонъ Кавказу и объевропливающемуся Стамбулу.

С. Ляховичъ Вилен. Гим.

РЫБАКЪ И ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Любезный другъ!

Ты не можешь вообразить съ какимъ бы удовольствіемъ провелъ я съ тобою нѣсколько минутъ и передалъ бы тебѣ свѣжія впечатлѣнія души моей. Я увѣренъ, ты раздѣлилъ бы со мною вполнѣ дѣтскія мои думы. Но тебя нѣтъ со мною, и мнѣ остается говорить съ тобой на бумагѣ. Я сей часъ только возвратился съ Литературнаго своего вечера. Много было тамъ занимательнаго для ума и воображенія, но на меня особенное впечатлѣніе произвела сказка Пушкина: *о рыбакѣ и золотой рыбкѣ*. Вотъ въ короткихъ словахъ ея содержаніе. Одинъ старикъ со старухой жилъ не далеко отъ моря и всю жизнь свою занимался рыбною ловлею. Послѣ 33 лѣтняго промысла, случилось ему поймать золотую рыбку, которая говорила человѣческимъ голосомъ. Попавшись къ старику въ сѣти, она давала за себя дорогой выкупъ, какого бы онъ только пожелалъ; но старикъ не

смѣлъ взять съ нее выкупа и отпустилъ ее даромъ на волю. Не такъ робка была его старуха, когда узнала отъ него о такой чудной добычѣ. Здѣсь надобно сказать тебѣ, что все ихъ имѣніе состояло изъ бѣдной хижины и расколовшагося корыта. Сначала старуха захотѣла взять съ золотой рыбки избу; но едва явилась у ней изба; какъ для нее унизительно стало быть крестьянкою и она захотѣла сдѣлаться дворянкой столбовою.

Скоро и дворянство ей наскучило и она возмечтала уже о престолѣ; рыбка исполняетъ ея желаніе. Старуху окружаетъ блистательный дворъ, а старикъ, который при всякомъ ея желаніи былъ посредникомъ между нею и рыбкою, терпитъ отъ нее только жестокую брань, а иногда и наказаніе. Но вотъ старуха и виновницу своего величія, золотую рыбку думаетъ сдѣлать своею рабою, желая быть не простою Царицею, но владычицею морскою. Въ мечтахъ своихъ она была уже повелительницею моря и суши. Мужъ ея въ послѣдній разъ пошелъ къ морю просить рыбку; чрезъ нѣсколько минутъ она сама готовилась не просить уже рыбку, а давать ей грозные приказы. Когда съ прежними

порученіями жены своей приходилъ старикъ къ морю, и вызывалъ золотую рыбку, она выходила къ нему и различнымъ образомъ возвѣщала свое прибытіе. Такъ, когда онъ просилъ хижину, море тихо лишь колебалось; при просьбѣ о дворянствѣ, оно помутилось; когда старуха захотѣла Царства, сильно сдѣлалось неспокойно: а при послѣднемъ желаніи, появленію рыбки предшествовали ужасныя волны; рыбка только лишь показалась старику, выслушала его просьбу и скрылась опять въ море, не давъ ему никакого отвѣта. Долго онъ стоялъ на берегу моря въ надеждѣ что нибудь услышать, но не выждалъ ничего и воротился домой. Что же онъ тамъ видитъ предъ собою? Бѣдную свою хижину; на порогѣ ея сидитъ старуха, а передъ нею разбитое корыто.

Какъ живо эта игра воображенія представляетъ усиленіе страстей человѣческихъ. Не такъ ли всѣ мы, не успѣвъ удовлетворить одному желанію, замышляемъ тысячи другихъ и не рѣдко дѣлаемся несчастными ихъ жертвами. Напрасно представляетъ намъ, Исторія ужасные примѣры таковыхъ замысловъ; новыя поколѣнія смотрятъ на судьбу изчезнувшихъ племенъ,

какъ на спасительныя завѣщанія предковъ своихъ, и продолжаютъ дѣйствовать не какъ велятъ опыты вѣковъ, а какъ желаютъ страсти. Для Цезаря напрасны были всѣ предшествовавшіе ему жертвы властолюбія, и онъ палъ въ минуту самыхъ ослѣпительныхъ замысловъ. Карлъ XII также былъ на верху счастія и побѣдъ; одинъ осторожный шагъ и паденія его подъ Полтавою не сохранила бы для насъ Исторія. Но самой разительный примѣръ, въ этомъ отношеніи, представляетъ послѣдній властелинъ Европы. Послѣ Императорскаго вѣнца на своей головѣ, послѣ Королевскихъ престоловъ подъ членами своей фамиліи, послѣ диктаторскаго распоряженія цѣлою половиною Европы, чего бы казалось можно желать болѣе? Но нить дней его еще не пересѣклась, а съ нею не умерли и его желанія, и чѣмъ же онѣ увѣнчались? — Небольшимъ лоскутомъ земли, удѣленной океаномъ среди ужасныхъ волнъ своихъ. Напрасно жертвы Бородина, пламень Москвы, громы Лейпцига напоминаютъ ему суетность замысловъ, говорятъ голосомъ судьбы, полагающей предѣлъ стремленіямъ че-

ловѣческимъ: нужны были новые громы, поражающіе безразсудную дерзость смертныхъ, они грянули подъ Ватерлоо и пѣть великана Европы.

И. Каминскій Вилен. Губ. Гимн.

О ИЗБРАНІИ РОДА СЛУЖБЫ.

Любезный другъ!

И такъ я кончилъ курсъ наукъ въ Гимназіи, минулъ первый періодъ моей жизни!... настало время, къ которому такъ давно стремились всѣ юношескія мечты мои, всѣ желанія и надежды; настало время, котораго ожидалъ я нѣкогда съ такимъ нетерпѣніемъ, на которое смотрѣлъ, какъ бы на верхъ земнаго блаженства; настало время это, и что же узналъ я? что увидѣлъ?..... Я узналъ во всемъ моемъ прошедшемъ одно только приготовленіе, ко вступленію на неизвѣстное, незнакомое еще поприще этой бурной жизни. Я увидѣлъ себя подобнымъ человѣку, который, идя безпрестанно по прямой, одной дорогѣ, вдругъ увидѣлъ себя на распутіи! я сильно почувствовалъ это, и звучный стихъ Жуковскаго, невольно предсталъ моей памяти.

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ!

День по прежнему въ туманѣ
Брегъ невидимъ и далекъ!.....

13го числа нынѣшняго мѣсяца получилъ я отвѣтъ твой на письмо мое, въ которомъ, между прочимъ, извѣщалъ тебя о намѣреніи, хотя еще и не рѣшительномъ, вступить въ гражданскую службу. Ты крайне, другъ мой, удивляешься моему выбору и съ жаромъ человѣка, довольнаго своимъ состояніемъ, превозносишь воинную службу. Я не намѣренъ опровергать доказательствъ твоихъ, въ пользу этого почтеннаго Государственнаго сословія; не стану спорить съ тобою и потому еще, что самъ чувствую его превосходство. И безспорно, не многіе изъ людей, въ юношескомъ возрастѣ, не испытали въ себѣ стремленія къ воинскимъ подвигамъ и любви къ славѣ; безъ сомнѣнія веселость, разнообразіе и блескъ военной жизни, во многомъ превосходятъ скучную, однообразную, сидячую жизнь гражданской службы. Все это правда, во всемъ этомъ я увѣренъ; но есть однакожь причины, удерживающія меня отъ этого блистательнаго сословія, и вотъ первая изъ таковыхъ причинъ— это горестный примѣръ несчастныхъ слѣдствій военной службы, примѣръ лица очень близ-

каго моему сердцу. Вотъ этотъ горестной случай! Отецъ мой въ молодыхъ лѣтахъ опредѣлился въ военную службу; это случилось 1803 года, слѣдовательно въ ту незабвенную эпоху, когда готовились великія событія, достопамятнаго Наполеонова вѣка; когда на Русскомъ небосклонѣ собирались грозныя тучи; когда издали уже слышны были перекаты грома, и отдаленныя молніи извѣщали приближеніе грозы; и когда, по словамъ одного писателя, долженъ былъ рѣшиться вопросъ: *быть* или *небыть* Россіи? „Среди таковыхъ-то обстоятельствъ, отецъ мой опредѣлился въ военную службу и съ честію прослужилъ въ ней около 15 лѣтъ, въ самыя бурныя времена; онъ участвовалъ въ четырехъ знаменитыхъ компаніяхъ Русской арміи: Аустерлицкой, Прусской, Московской и Парижской, былъ почти во всѣхъ незабвенныхъ того времени сраженіяхъ, и наконецъ послѣ возстановленія всеобщаго спокойствія, съ нѣсколькими знаками отличія, но за то съ весьма разстроеннымъ здоровьемъ перемѣнилъ родъ службы. Но какъ трудно исправить зданіе, основаніе котораго разрушено, такъ и здоровья, разстроеннаго въ молодыхъ лѣтахъ, возстановить уже

было невозможно; а потому не удивительно, что силы отца моего болѣе и болѣе ослабѣвали, зрѣніе его потухало, и наконецъ тотъ, кокораго пощадили поля Прейсишь — Эйлау, Бородина и Дрездена, остался на старости лѣтъ своихъ совсѣмъ изувѣченнымъ, лишеннымъ почти совершенно зрѣнія, силы въ ногахъ, употребленія правой руки, удручаемый внутренними болѣзнями, и какъ бы въ заключеніе всѣхъ этихъ несчастій безъ достаточнаго содержанія!.... Да, любезный другъ мой! смерть на полѣ брани меня не ужасаетъ, человѣкъ рано или поздно, все таки долженъ умереть, этой общей участи никто избѣжать не можетъ! Но такая страдальческая жизнь, скажи мнѣ, можетъ ли возбудить пріятную надежду?..... могу ли я усердно желать, итти по слѣдамъ родителя моего и принять эту службу, коей злополучныя слѣдствія столь ярко напечатлѣны въ моемъ сердцѣ? Развѣ не имѣю я безпрестанно предъ глазами того, кто въ то время, когда бы долженъ отдохнуть послѣ столь продолжительныхъ трудовъ, насладиться наконецъ плодами почти тридцатилѣтней безпорочной службы; когда тотъ, говорю, кто лишился невозвратно всѣхъ почти

прілтностей этой жизни, въ награду всего этого получаетъ разстроенное здоровье, недостаточное содержаніе, и жизнь для перенесенія всѣхъ этихъ бѣдствій!.... На кого же теперь жаловаться, кого обвинять? ты самъ рѣши!.... Въ томъ только теперь и дѣло: можетъ ли отецъ мой послѣ этого желать единственному сыну поприща военной службы? Могу ли я самъ наконецъ желать его?..... Но я угадываю твой отвѣтъ: „конечно“ скажешь ты „это большое несчастіе, но вѣдь и во всякомъ состояніи можно быть и счастливымъ, и злополучнымъ; и неужели на пр. потому, что многіе на морѣ погибаютъ, другіе не станутъ уже въ него пускаться“?... На первой взглядъ, возраженіе это кажется справедливо; но ежели тоже для примѣра представимъ себѣ, что на морѣ этомъ погибло лице драгоцѣнное нашему сердцу, лице составляющее какъ бы половину души нашей, въ такомъ случаѣ и отвращеніе къ морю, какъ причинѣ всѣхъ несчастій и слезъ нашихъ, совсѣмъ не должно казаться страннымъ; по крайнѣй мѣрѣ мнѣ такъ кажется. При томъ, еслибъ имѣлъ я возможность избрать не полевую военную службу; то можетъ быть рушились бы всѣ

эти затрудненія; но препятствіемъ тому недостаточное состояніе; оно же составляетъ одну изъ преградъ и на пути къ высокому, благородному сословію ученому; духовнаго состоянія вижу я все великое, священное назначеніе, но оно не согласно съ моимъ характеромъ. И такъ остается гражданская служба; она правда, имѣетъ многія неудобства, но нельзя сказать однакожъ, чтобъ не имѣла и выгодъ своихъ; потому, что всякое состояніе имѣетъ свои выгоды и невыгоды, все имѣетъ свою хорошую и худую сторону. Въ этой службѣ скорѣе, чѣмъ въ прочихъ, мнѣ доступныхъ, открывается возможность приличнаго содержанія; слѣдовательно, и является мнѣ надежда освободить родителей, отъ тягостнаго, и лишняго для нихъ бремени издержекъ, необходимыхъ при моемъ содержаніи; является надежда, хотя нѣсколько облегчить незавидную участь ихъ, и наконецъ современемъ, хотя въ сотой части возблагодарить ихъ за всѣ труды, за всѣ старанія и заботы принимаемые ими въ моемъ воспитаніи. Быть можетъ это только тщетныя надежды, пустыя мечты; но онѣ — то всего болѣе и побуждаютъ меня вступить въ гражданскую службу. Вотъ тебѣ,

другъ мой, планы мои! вотъ надежды и желанія! Впрочемъ окончательное мое намѣреніе увидишь еще въ слѣдующемъ письмѣ; потому, что я еще колеблюсь, я не рѣшился, а потому кстати или не кстати, могу еще сказать о себѣ то, что сказалъ Жуковскій о своемъ Вадимѣ:

Вотъ на распутіи Вадимъ!
Весь міръ непзмѣримый
Ему открытъ; предъ нимъ, за нимъ,
Поля необозримы.....

А слѣдовательно и то еще случиться можетъ, что я буду твоимъ сослуживцемъ; но наконецъ гдѣ бы ни былъ я и въ какомъ бы не находился состояніи, всегда будь увѣренъ, любезный мой, что я пребуду вѣчно твоимъ вѣрнымъ другомъ, вѣчно до гробовой доски.

Л. де Пертесъ. Вил. Гим.

СМЕРТЬ ДРУГА.

Извѣстіе о смерти друга поразило меня, какъ гласъ трубы, возвѣщающей страшный судъ. Казалось, я забылъ свое имя, не зналъ ни мѣста, ни времени.—Душа хотѣла разорвать свои бренныя оковы и соединиться съ милою ей душою, которая отошла за предѣлы этого міра — въ вѣчность.

Окружающіе утѣшали меня; но ихъ утѣшенія казались такъ холодны, что походили на насмѣшку. Я былъ увѣренъ, что никто изъ нихъ не пойметъ моихъ страданій, и не почувствуетъ того, что произходило въ душѣ моей.

Безъ цѣли я вышелъ изъ дому; одна мысль занимала меня, и эта мысль была смерть друга. Казалось, я видѣлъ его послѣдній взоръ, его усиліе, хотя еще на минуту задержать душу въ разрушающемся тѣлѣ; я простиралъ къ нему свои объятія, и хотѣлъ къ пламенному сердцу прижать его хладѣющую грудь. Чувства вос-

торжествовали надъ умомъ. Я ропталъ. О Боже! Ты правосуденъ, зачѣмъ Ты отнялъ у меня друга? зачѣмъ похитилъ лучшаго изъ людей, красу своего творенія, красу человѣчества, тогда какъ тысячи, милліоны недостойныхъ наслаждаются жизнію, и даже не благодарятъ Тебя! Полный такихъ мучительныхъ мыслей, я наконецъ очнулся. Прохладный вѣтерокъ освѣжилъ меня; мало помалу началъ я различать окружающіе меня предметы. День клонился къ вечеру; багровые лучи солнца догорали на золотыхъ куполахъ отдаленныхъ церквей; усладительное журчаніе ручейка, говоръ листьевъ, плѣнительная пѣснь соловья, казалось, согласились пролить отраду въ мою душу. Какъ восхитительна была природа, и какъ глубоки были мои страданія!

Вдругъ я услышалъ разговоръ двухъ странниковъ, сидѣвшихъ подъ величественнымъ дубомъ. Одинъ изъ нихъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и утѣшалъ другаго, котораго ланиты оропались слезами. „Зачѣмъ печалиться и проливать слезы, что твой братъ такъ безвременно оставилъ насъ!“ Какъ почтенный человѣкъ! ты говоришь чтобы я не плакалъ о

томъ, съ жизнію котораго изчезло и мое счастіе? Я любилъ его всею силою моей души; онъ былъ моимъ руководителемъ въ этомъ печальномъ мірѣ; и я, схоронивъ все завѣтное и драгоцѣнное для меня во мракѣ его могилы, могу быть спокоенъ!....

Нѣтъ! это выше моихъ силъ „Старикъ отвѣчалъ:“ Мой сынъ! я не говорю, чтобы ты не чувствовалъ этой драгоцѣнной потери, но зачѣмъ роптать и отчаяваться? Правда, онъ былъ лучшимъ украшеніемъ вашего дома, онъ былъ вашею гордостію, вашею надеждой; но одному Творцу извѣстно, почему нѣтъ его болѣе; можетъ быть онъ былъ бы несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Сынъ мой! будь увѣренъ, что все совершается по волѣ Божіей, и все устроено къ вашему счастію. Покорись промыслу и не ропщи; ропотъ есть грѣхъ!“

Эти слова старца глубоко проникли въ мою душу; и я, за смерть друга, въ сильномъ волненіи чувствъ, роптал на Промыслъ. Нѣтъ! тайны всеблагаго Провидѣнія непостижимы! Я послалъ къ небу вздохъ молитвы за друга и

возвратился домой. Горесть минула; но память о другѣ и дочынѣ осталась въ душѣ моей; при мысли объ немъ сердце мое и теперь сжимается, и слезы готовы брызнуть изъ глазъ.

Б. Трусовъ. Бѣл. Гим.

О СОСТРАДАНІИ КЪ БѢДНЫМЪ.

Милый другъ!

Ты просишь меня писать къ тебѣ чаще; но о чемъ писать? О классныхъ моихъ занятіяхъ?— Это сухо, при томъ же онѣ тебѣ извѣстны; въ обществѣ я бываю очень рѣдко, и потому совсѣмъ не нахожу ничего для тебя занимательнаго. Для меня гораздо лучше было бы лично проводить съ тобою время, а не на бумагѣ. Тогда, можетъ быть, у меня много предметовъ нашлось бы для тебя; ежели угодно и теперь есть въ запасѣ небольшое философическое размышленіе объ участи бѣдныхъ людей.

На дняхъ случилось мнѣ подслушать одно слово, отъ котораго, признаюсь тебѣ, все сердце мое облилось кровію. Это слово было: *презрѣнная тварь!* Этимъ именемъ, извѣстный тебѣ по огромному богатству своему NN. назвалъ бѣднаго разнощика, который хотѣлъ выторговать у него нѣсколько копѣекъ. Боже! подумалъ я, за что

съ такимъ презрѣніемъ смотритъ человѣкъ на подобнаго себѣ! Чѣмъ виноватъ этотъ бѣдякъ, что судьба поставила его на такой незначительной ступени въ обществѣ. Правда, онъ грубъ, необразованъ, успѣхи ума человѣческаго для него недоступны; онъ не знаетъ, что родъ человѣческій постепенно возвышается въ своемъ усовершенствованіи, и что всѣ прошедшіе вѣки составляютъ богатое наслѣдство для настоящаго и будущихъ поколѣній: но онъ ли виноватъ въ этомъ невѣдѣніи? Природа безъ соизволенія наградила его дарами своими также, какъ и другихъ чадъ своихъ; но родившись въ низкомъ слою общества, какъ могъ онъ возвысить дары природы? Надъ нимъ съ самаго рожденія, какъ черныя тучи носились тяжелыя нужды; онъ сдѣлался рабомъ ихъ на всю жизнь. Правда, всѣ люди, болѣе или менѣе платятъ дань нуждамъ; но не всѣ эти ростовщицы одинаковы; есть нужды, которыя ведутъ къ изобрѣтеніямъ, къ открытіямъ, къ развитію новыхъ идей; но нужда разночщика самая тяжкая. Она не развиваетъ умственныхъ силъ раба своего, а подавляетъ ихъ: и ежели онъ въ 40 лѣтъ своей жизни болѣе узнаетъ, нежели въ 20, то это

знаніе есть плодъ самой ограниченной опытности. А гдѣ же эти силы ума, которыя Копернику объясняли систему міра, а Ньютону силу тяготѣнія? Онѣ спятъ въ немъ подобно сѣменамъ глубоко зарытымъ въ землю, гдѣ теплотворный лучъ солнца никогда не согрѣетъ и не оживотворитъ ихъ. Нѣтъ! бѣдный разнощикъ не презрѣнная тварь; онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ богатые и образованные люди, но какъбы самою судьбою осужденный на совершенное отлученіе отъ всякаго просвѣщенія. И потому пожалѣть объ немъ можно, если только достойны сожалѣнія всѣ необразованные; а презирать его было бы безчеловѣчно.

Не говори, сдѣлай дружбу, что у меня умъ за разумъ зашелъ; я всегда былъ, какъ ты знаешь, защитникомъ трудящагося для насъ класса, никогда не перестану защищать его. А ежели буду имѣть возможность, то заведу для такихъ людей школы, и буду учить не глубокомысленнымъ нашимъ наукамъ, а предметамъ необходимымъ для ихъ жизни. Прости за умничанье вѣрнаго друга твоего.

А. Горецкій Вилен. Гим.

Ермакъ.

Люди, заслужившіе безсмертіе въ потомствѣ и прославившіе имя свое въ Исторіи народовъ, не рѣдко бывали незначительнаго происхожденія. Примѣромъ тому можетъ служить между прочими Ермакъ, бывшій прежде козацкимъ Атаманомъ. Козаки въ то время хотя и принадлежали къ Россіи, но составляли войско, которое готово было служить за деньги всякому владѣтелю; въ свободное же время, не имѣя богатыхъ средствъ для пропитанія, нерѣдко занимались они разбоями и грабежами.

Ермакъ, предводитель шайки таковыхъ разбойниковъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Иваномъ Кольцомъ, долго незная своего предназначенія, грабилъ по Волгѣ своихъ соотечественниковъ. Іоаннъ IV, раздраженный ихъ поступками, отдалъ повелѣніе поймать ихъ и казнить, какъ разбойниковъ и какъ возмутителей общаго спокойствія. Уже страшная туча, казалось, висѣла надъ его главою; но Ермака ожидала другая участь. Ему предоставлено было поги-

быть не какъ злодѣю съ безчестіемъ на эшафотѣ, а какъ великому человѣку, покорителю обширной страны, пріобрѣвшему безсмертную славу. Путь къ достиженію этой цѣли указали ему Строгоновы. На берегахъ Волги и на границахъ Россіи, имѣя свои владѣнія, они часто терпѣли набѣги гордыхъ Татаръ Сибирскихъ. Строгоновы совѣтовали Ермаку, для оправданія своего предъ Царемъ, вооружиться противу Татаръ. Онъ принялъ это предложеніе, какъ преступникъ искренно раскаявшійся въ своихъ поступкахъ, и возпамѣрился кровію омыть прежнія преступленія. Для сего, собравъ нѣсколько сотъ другихъ козаковъ, онъ отправился противу обширнѣйшей страны, въ которой не только долженъ былъ сражаться съ жителями, но даже съ самою природою; въ этой холодной странѣ согрѣвало его одно раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ, и желаніе извинить себя въ глазахъ Царя. И вдругъ преступный атаманъ является для Россіи другимъ Кортецомъ, и на столичныхъ вратахъ Искера водружаетъ свое побѣдоносное знамя.

Однакожъ, при всѣхъ такихъ дѣяніяхъ, онъ сомнѣвался, довольно ли сдѣлалъ для своего

оправданія, и, между страхомъ и надеждою, послалъ товарища своего Кольцо, для извѣщенія о томъ Іоанна. Іоаннъ, зная всю важность этой услуги, не только забылъ обо всѣхъ его преступленіяхъ, но даже со всею щедростію Царя наградилъ его, и сдѣлалъ Княземъ всѣхъ завоеванныхъ имъ земель. Къ несчастію, не то готовила ему туманная будущность. Спустя нѣсколько времени, онъ вознамѣрился наказать бѣжавшаго Кучума и съ нѣсколькими воинами отправился въ путь; тщетно искалъ его цѣлый день, и послѣ дневнаго труда расположился почевать на берегу Иртыша, не примѣтивъ между прочимъ, что на другой сторонѣ рѣки находился Кучумъ. Лишь только воины Ермака уснули, Кучумъ напалъ на нихъ, и всѣхъ положилъ на мѣстѣ. Ермакъ, не видя спасенія, думалъ сохранить свою жизнь бѣгствомъ и бросился въ рѣку, но тяжесть его оружія погрузила его въ волнахъ Иртыша. Такъ погибъ величайшій герой! но имя его величественно свѣтится на страницахъ Исторіи, и какъ яркая звѣзда, блеститъ предъ взорами поэтовъ.

И. Слѣпцъ Вилен. Гимн.

СРАЖЕНІЕ НА РАВНИНѢ ТИБЕРІАДСКОЙ.

Сколь великимъ бѣдствіямъ подвергались восточные Христіане; сколь часто ихъ малыя владѣнія были угрожаемы разрушеніемъ, пока не настало время исторженія изъ ихъ рукъ единственнаго ихъ счастія, Града Святаго, послѣ рѣшительнаго пораженія, которое принимаюсь описывать!

На Востокѣ, сбирается грозная туча, готовая разразиться надъ злополучными остатками поселившихся тамъ западныхъ Христіанъ. Уже страшный повелитель Востока, Саладинъ, опустошаетъ прекрасныя равнины Палестины; уже воинство его угрожаетъ имъ исторженіемъ Святаго Града и истребленіемъ Христіанства; уже оно готовится ниспровергнуть знамя Христа и водрузить на мѣстѣ его знамя Магомета.

Печальное войско Христіанъ идетъ на срѣтеніе сему грозному завоевателю, и сходится вечеромъ съ безчисленными полчищами его на

равнинѣ Тиберіадской. Начинается битва. Первые ряды Христіанъ не могутъ выдержать стремительнаго напора Мусульманъ, уже они отступаютъ; уже Мусульмане готовы ихъ поразить на голову, какъ спасительная ночь раздѣляетъ сражающихся. Враги отступаютъ въ свои шатры. Въ станѣ Христіанскомъ царствуетъ глубокое безмолвіе. Рыцари и воины, опершись на мечи свои въ глубокой думѣ, какъ бы предчувствуютъ несчастія, которыя ихъ постигнутъ. И Саладинъ бодрствуетъ. — Онъ посылаетъ сильные отряды стрѣлометовъ, чтобы занять окрестные холмы; темнота и тишина ночи споспѣшествуютъ ему въ его замыслахъ. Онъ жаждетъ крови Христіанъ, для омытія стыда, нанесеннаго ему въ пораженіи при Птоломаидѣ. Уже наступаетъ день. Спокойная равнина оглашается воинскими криками и шумомъ оружія. — Крестоносцы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ восхода солнца; но величественное солнце, освѣщавшее равнину Птоломаидскую, уже не восходитъ надъ горизонтомъ печальныхъ Тиберіадскихъ полей!

Съ разсвѣтомъ Христіане увидѣли, что они окружены непріятелями; имъ представляются Мусульмане на окрестныхъ холмахъ, какъ вол-

ки, жаждущіе ихъ крови. Предчувствія раждаютъ въ нихъ самыя ужасныя мысли. — Вопли отчаянія раздаются въ ихъ войскѣ. — Уже бой начинается. Черныя кольчуги Крестоносцевъ, казалось, затмѣвали солнце. Мусульмане осыпаютъ ихъ тучами стрѣлъ; не смотря на то, Христіанскіе витязи сражаются упорно; они покрыты тяжелыми латами и длинными кольчугами, сражаются мечемъ и копьемъ, страшнѣйшимъ оружіемъ для Мусульманъ. Непріятели перемѣшиваются; сѣча дѣлается повсемѣстною. Копья и дротики встрѣчаются, сшибаются на лету, и съ ужаснымъ трескомъ упадаютъ. Раздаются вопли и стоны умирающихъ, трескъ латъ и щитовъ, свистъ стрѣлъ и удары мечей. Равнина едва вмѣщаетъ сражающихся; она покрывается обломками оружій, грудами тѣлъ, и орошается кровью вѣрныхъ и невѣрныхъ. Христіанскіе витязи сражаются съ отчаяніемъ, ибо они ратуютъ за вѣру и за послѣднее свое убѣжище; Мусульманъ и свирѣпыхъ Мамелюковъ воодушевляетъ надежда добычи. Одинадцать тысячъ мечей Христіанскихъ сверкаетъ среди облаковъ пыли; рать Мусульманъ превышаетъ въ шесть разъ воинство Христіанское. Гвидо

Король Іерусалимскій, Раймондъ Графъ Трипольскій, Рыцари Св. Іоанна и Храма, и многіе другіе бароны и витязи, стѣснившись вокругъ животворящаго Креста, оказываютъ чудеса храбрости, и представляютъ Мусульманамъ непреодолимую преграду. — Мусульмане принуждены покупать каждый шагъ собственною кровью; ихъ легкая одежда не можетъ противостоять сильнымъ ударамъ мечей рыцарей Запада. Саладинъ вездѣ присутствуетъ. Своимъ примѣромъ воодушевляетъ воиновъ; исполняетъ вездѣ должность отличнаго полководца и храбраго воина. Свирѣпые Мамелюки, ужасные Курды и опаленные зноями солнца Эѳіопы, вооруженные луками, кинжалами, мечами и тяжелыми палицами, слѣдуютъ примѣру своего вождя. Вдругъ, по повелѣнію его, Мусульмане зажигаютъ сухія листья и травы, пламя проникаетъ подъ стопы воиновъ Христіанскихъ и ихъ коней; вѣтръ возноситъ дымъ и покрываетъ имъ войско Крестоносцевъ. Ряды Христіанскіе стѣсняются, какъ одно происшествіе довершаетъ ихъ гибель. Патріархъ Іерусалимскій, несшій древо животворящаго креста, вдругъ упадаетъ пронзенный стрѣлами; Епископъ Антіохійскій

заступаетъ его мѣсто; но (о горе Христіанамъ!) сей несчастный старецъ, удрученный лѣтами и трудомъ, попадаетъ въ руки Мусульманъ. Христіане видя, что древо животворящаго креста у нихъ исторгнуто, повергаются въ отчаяніе. Иные бросаютъ оружіе и бѣгутъ на смерть; иные, объятые ужасомъ, устремляются въ бѣгство. Царь Іерусалимскій, Графъ Трипольскій, великій Магистръ рыцарей храма и большая часть рыцарей и бароновъ, послѣ отчаянныхъ усилій, сдаются. Число плѣнныхъ столь было велико, что въ Мусульманскомъ станѣ можно было вымѣнять Латинскаго рыцаря за самую маловажную вещь.

На грудахъ мертвыхъ Саладинъ торжествуетъ свою побѣду. Вскорѣ великій магистръ Тампліеровъ упадаетъ подъ ударами безжалостнаго побѣдителя. Такая же участь постигла всѣхъ знаменитѣйшихъ плѣнныхъ; всякому знаменитѣйшему мусульманину позволено было убить одного изъ рыцарей Христіанскихъ; но Христіане съ равнодушіемъ и мужествомъ взираютъ на сіи безчеловѣчные поступки и съ рвеніемъ стремятся получить мученическую пальму изъ рукъ своего побѣдителя.

Несчастные остатки Христіанъ, избѣгшихъ убійства и плѣна, собрались въ Птоломандѣ, гдѣ въ недоумѣніи выжидали лучшихъ и благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Саладинъ направляетъ путь свой къ Іерусалиму, и сей градъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, палъ подъ тяжкою десницею гнѣва Божія и грозною силою невѣрныхъ.

Бѣдствія, претерпѣнныя Христіанами въ семъ сраженіи и въ послѣдствіи, не могутъ быть описаны никакимъ перомъ.

Ю Рехневскій Минск. Гимн.

МАГОМЕТЪ.

Не одна Европа можетъ гордиться великими людьми и не одинъ девятнадцатый вѣкъ присвоивать себѣ право на рожденіе ихъ. Въ такъ называемые средніе вѣки, въ эту тысячелѣтнюю ночь нравственнаго міра (изъ которой впрочемъ возсіяла заря нынѣшней образованности), являлись они, преобразовывали порядокъ вещей, удивляли міръ своими подвигами и налагали печать свою на грядущія поколѣнія. Къ числу этихъ немногихъ избранныхъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и Магометъ, сначала гонимый судьбою сирота, потомъ прикащикъ Кадидши, наконецъ богачъ и важное лице во всемірной Исторіи, какъ преобразователь религіи и жизни Аравійскихъ народовъ. Не легко покрайнѣй мѣрѣ найти человѣка, котораго бы вліяніе на міръ оказалось въ большемъ объемѣ. Ни Киръ, ни Александръ, ни Кесарь, не оставили по себѣ такихъ значительныхъ слѣдовъ, какъ Магометъ. И теперь, когда по смерти

его протекло уже болѣе 1200 лѣтъ, часть Европы, большая половина Азіи и Африки покланяются ему, какъ величайшему пророку, низпосланному небомъ для счастія людей. Причинъ этому надобно искать въ образѣ дѣйствій Магомета. Древніе завоеватели искали славы въ покореніи Царствъ и народовъ силою физическою; этотъ, напротивъ, въ покореніи умовъ, силою созданной имъ религіи, которая, безъ сомнѣнія, тѣснѣе всего связываетъ людей между собою, давая имъ одинаковый образъ воззрѣнія на предметы.

Магометъ явился въ такое время, когда религія Аравитянъ не имѣла въ себѣ ничего связнаго, систематическаго, такъ какъ и самый народъ, дѣлившійся на племена, ненавидѣвшія себя за произхожденіе. Имѣя обширный умъ, и понимая природу своихъ соотечественниковъ, Магометъ умѣлъ воспользоваться временемъ, обстоятельствами и открыть для себя поприще блистательное. Онъ рѣшился соединить Аравитянъ узами нравственными; дать имъ такое вѣроисповѣданіе, которое бы понятно было для всякаго, и вмѣстѣ согласовалось съ наклонностями и пылкими страстями ихъ. И въ самомъ

дѣлѣ, созданный имъ Исламизмъ простъ въ своихъ началахъ: онъ повелѣваетъ только вѣрить въ Единаго Бога и его пророка Магомета, отправлять пятикратную молитву на день, соблюдать строжайшій постъ во время бамадана и творить милостыню во всякое время; за то обѣщаетъ утѣхи въ этой и награду въ будущей жизни; льститъ чувственности, дозволяя полигамію; а потому не мудрено, что въ скоромъ времени нашелъ послѣдователей между раздѣльными племенами Бедуинскими, соединилъ ихъ въ одно цѣлое и направилъ къ одной цѣли— распространенію своего владычества за предѣлы Аравіи. Воспламененные обѣщаніями утѣхъ рая, за дѣло религіи, Аравитяне пронесли свои побѣдоносныя знамена по Азіи, Африкѣ, устремились въ Европу къ утесамъ Гибралтара, утвердили одною побѣдою Хересскою свое владычество въ Испаніи и пробрались за Пиренеи; но Всевышній, Сущій въ силѣ и правдѣ, положилъ предѣлъ ихъ владычеству. Сраженіе Турское, увѣнчавъ славою оружіе Карла Мартелла, спасло Европу отъ Исламизма.

У. Ижицкникъ. Бѣл. Гим.

ВВЕДЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ БЪ РОССІИ.

Жизнь народа состоитъ изъ фактовъ, которые, какъ кольца соединялсь одно съ другимъ, составляютъ непрерывную цѣпь, оканчивающуюся вмѣстѣ съ его паденіемъ. Эти факты двухъ родовъ: одни ничтожные, такъ сказать, вседневные, а другіе важные, торжественные, выходящіе изъ сферы обыкновенности. Конечно послѣдніе явленія рѣдки, но все таки каждый народъ долженъ имѣть ихъ. Они перлы, украшающіе Исторію народа, гордость, величіе, торжество его. Нація не ознаменовавшая себя никакимъ важнымъ фактомъ есть малодушное дитя. Наше отечество, хотя до сихъ поръ было еще въ дѣтствѣ, но не смотря на то и въ колыбели своей уже сдѣлало много великаго. Чтобы подтвердить справедливость моего мнѣнія, я привожу слова нашего ученаго Историка Устрялова. „ едва ли есть народъ, который могъ бы съ такими утѣшительными мыслями огля-

нуться назадъ, какъ мы, Русскіе. Предки наши, застигаемые неоднократно безпримѣрными бѣдствіями, какихъ не вынесъ бы ни одинъ народъ, спасали себя не случаемъ, не чужеземною помощію, а собственными силами, вѣрою въ Провидѣніе, усердіемъ къ престолу, любовію къ отечеству. Мы умѣли выпутаться съ честію и славою изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, и страницы нашей Исторіи ознаменованы болѣе дѣлами доблести, нежели порока.“ И въ самомъ дѣлѣ въ Русской Исторіи встрѣчаемъ мы столько важныхъ фактовъ, что трудно отдать которому нибудь преимущество. Представьте себѣ рядъ событій, каковы: введеніе Христіанской вѣры, времена Удѣловъ, борьба съ Татарами, царствованіе Іоанна III и Іоанна IV, эпоха самозванцевъ, и вы согласитесь, что эти явленія необыкновенныя. Не имѣя силъ опредѣлить важность каждаго изъ этихъ фактовъ и показать превосходство котораго нибудь изъ нихъ передъ другими, я рѣшаюсь разсказать введеніе въ Россію Христіанской вѣры.

Евсевій утверждаетъ, что Св. Апостолу Андрею досталось проповѣдывать Евангеліе въ

Скиѳіи; слѣдовательно народамъ жившимъ между Дпѣпромъ и Днѣстромъ и далѣе къ Сѣверу. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ Несторъ: „*А Днѣпръ втечетъ въ Понтьское море жерломъ, еже море словетъ Руское по немуже о-училъ Святыи Оньдрѣю братъ Петровъ, якоже рѣша. Оньдрѣю оучащѣ въ Сикопись и пришедшю в Корсунь, оувидѣ, яко искорсуня близь о-устье Днѣпрьское, въсхотѣ поити в Рилъ, и проиде вустье Днѣпрское; оттоле поиде по Днѣпру горѣ..... И приде ѣ Слоевѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая.* Слѣдовательно Св. Андрей былъ въ нынѣшней Россіи и даже въ Новгородѣ, гдѣ, ежели вѣрить Нестору, видѣлъ уже Славянъ. Успѣлъ ли онъ обратить кого либо изъ жителей, тогда населявшихъ все пространство отъ Чернаго моря до Балтійскаго, на путь истины, неизвѣстно. Первые слѣды Христіанства, въ Русской землѣ, достовѣрно видны въ Кіевѣ, при первыхъ Князьяхъ его Аскольдѣ и Дирѣ. Въ тоже время въ средней Европѣ совершилось важное событіе. Моравія приняла отъ Грековъ Св. Писаніе. Счастливый успѣхъ въ этой землѣ внушилъ Грекамъ мысль ввѣсти Христіанство и въ Россіи. Она очень

хорошо знали, сколько смягчаетъ Св. Вѣра жестокіе нравы, а это имъ нужно было потому, что они боялись Руссовъ, которыхъ видѣли уже подъ стѣнами Константинополя, и который спасло отъ разоренія не столько оружіе, сколько буря, разбившая утлыя ладьи варваровъ. Патріархъ Константинопольскій страшился также, чтобы Папа не предупредилъ его, и не поставилъ Русь подъ свою хоругвь; и потому Греческіе миссіонеры, вскорѣ послѣ перваго похода Руссовъ на Константинополь, не замѣдлили явиться въ Кіевъ, и отчасти успѣли въ своемъ предпріятіи. Аскольдъ, Диръ и еще нѣсколько Руссовъ приняли Христіанскую вѣру. Но Грекамъ на первый разъ довольно было и этого: „Крещеніе нѣсколькихъ Руссовъ, говоритъ Н. А. Полевой, было поводомъ грамоты Патріарха Царяградскаго, которою торжественно возвѣщено было всѣмъ Епископамъ объ обращеніи Руссовъ, какъ дѣлѣ великомъ и знаменитомъ, и Патріархъ не замѣдлилъ вписать Русь въ число Епископствъ своей паствы.“ Фотій Патріархъ Константинопольскій пишетъ: „Народъ столь часто многими превозносимый, какъ за жестокость, такъ и за жадность къ

человѣческой крови, я говорю Руссы, которые побѣдивъ окружные, сосѣдніе народы, возгордились, имѣя о себѣ весьма высокія мысли, подъяли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое, языческое суевѣріе, на чистую неблазную Христіанскую вѣру, и ведутъ себя яко послушные сыны и друзья, несмотря на то, что не задолго предъ симъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе." Вотъ какъ пишетъ Патріархъ Константинопольскій, заключая о поведеніи и обращеніи нѣсколькихъ лицъ и о цѣломъ народѣ. Но Христіанская вѣра немогла быстро распространяться въ Кіевѣ, хотя она и не была гонима. Впрочемъ не можемъ сказать и того, чтобы она ослабѣвала, тѣмъ болѣе, что спустя 70 лѣтъ послѣ явленія ея въ нашемъ отечествѣ уже мы видимъ и церковь во имя Пророка Иліи. Но успѣхи эти не были важны; гораздо болѣе Христіанство получило развитія при Ольгѣ. Принявши бразды правленія, Ольга рѣшилась привесть въ исполненіе давно таившуюся въ душѣ ея мысль: принять Христіанство; и вотъ по этому поводу начинаются переговоры съ Императора-

(*) См. Несторъ Языкова Т. II стр. 42

ми Нѣмецкимъ и Византійскимъ; съ той и другой стороны посылаются миссіонеры; но Западные не успѣли въ своихъ предпріятіяхъ. Трирскій монахъ Адалбертъ, посланный Императоромъ Оттономъ, не умѣлъ дѣйствовать, и за то едва спасся отъ разъяренной черни. При томъ же онъ и опоздалъ. Ольга была тогда уже въ Константинополѣ. (Онъ прибылъ въ Россію въ 960 году.)

Не знаемъ, что заставило Ольгу ѣхать въ Константинополь. Г. Полевой разрѣшаетъ этотъ вопросъ двояко: онъ говоритъ, что или Ольга этимъ хотѣла придать болѣе важности своему обращенію и дѣйствовать чрезъ то на умы подданныхъ, полагая, что тогда сильнѣе проникнетъ въ сердца язычниковъ; или это было дѣломъ Грековъ, которые хотѣли путешествіемъ Ольги придать болѣе блеску и значенія своему вліянію на Русь, хотѣли видѣть мать Русскаго Князя въ своей столицѣ и въ этомъ обращеніи искать какихъ нибудь для себя пособій. Какъ бы то ни было, однако Ольга прибыла въ Византію. Императоръ Константинъ Порфирородный былъ воспріемникомъ, а Θеофилактъ, въ монашествѣ Поліевктъ Патріархъ Цареград-

скій, совершилъ таинство крещенія, въ которомъ она наречена Еленою. Возвратившись въ отечество, Великая Княгиня нашла многихъ послѣдователей между своими подданными. Но ей хотѣлось не этого. Она думала о всеобщемъ крещеніи Руси, и можетъ быть, потому то она такъ долго откладывала свое крещеніе. Ольга хотѣла, что бы Святославъ первый послѣдовалъ ея примѣру. Но желанія ея не исполнились. Святославъ былъ уже въ лѣтахъ, слѣдовательно все зависѣло отъ него; а онъ былъ живой образецъ Скандинавскаго витязя; онъ не заботился о вѣрѣ, ему нужна была не вѣра, а дружина; и хотя Святославъ не препятствовалъ креститься престарѣлой матери, не возбранялъ и другимъ дѣлать тоже, но не смотря на то, онъ на всѣ увѣщанія матери говорилъ: не предамъ себя на посмѣяніе дружижины моей. „*Се же ктому гнѣвашеся на ма-*„*терь.*“ Даже самые внуки Ольги, Ярополкъ и Олегъ, воспитанные бабкою своею Христіанкою, умерли язычниками; но какъ бы ни велика была неготовность въ сынѣ и внукахъ Ольги принять Христіанскую вѣру, однако собственный примѣръ ея могъ сильно дѣйствовать на

Россіянъ. Если не при жизни ея, то по крайней мѣрѣ, не долго спустя послѣ смерти, можно было увидѣть перемѣну религіи, какъ это дѣйствительно и сбылось. Послѣ смерти Ярополка и Олега на Кіевскій престолъ вступилъ Владиміръ. Первые восемь лѣтъ своего княженія провелъ онъ въ безпрерывныхъ войнахъ. Слава оружія его гремѣла далеко. И вотъ въ этито времена являются ко двору Болгары, Нѣмцы, Евреи, а наконецъ Греки съ предложеніемъ принять ихъ религію. Что заставило Болгаръ и Евреевъ предлагать ему свою вѣру, на вѣрное неизвѣстно. Впрочемъ вѣроятно, что они хотѣли видѣть своимъ единовѣрцемъ такого Князя, каковъ былъ Владиміръ, а легко можетъ быть и то, что Болгары хотѣли отклонить этимъ отъ себя побѣдоносное оружіе Руссовъ. Другими причинами руководились Патріархъ и Папа. Чтобы лучше понять, что заставило ихъ домогаться крещенія Руси, бросимъ бѣглый взглядъ на Европу этого времени въ религіозномъ отношеніи.

Въ IX. столѣтіи, при Патріархѣ Фотіи и Папѣ Николаѣ, произошло раздѣленіе Церкви на Восточную и Западную. Съ этихъ-то поръ Па-

тріархъ Константинопольскій и Папа Римскій одинъ передъ другимъ старались собрать большее и большее число послѣдователей своего ученія. Но и слѣдній, сильный помощію Императоровъ Нѣмецкихъ, вездѣ имѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ Патріархомъ. Вся Германія, Франція, Англія, Данія, Скандинавія, Италія признали власть Папы. Остались одни только Славяне. Патріархъ спѣшилъ обратить ихъ къ себѣ; но Моравія, Венгрія и Богемія успѣли уже перейти къ его противнику; оставалась свободною одна только Русь. На нее-то устремились бдительные взоры Патріарха и Папы. Послѣдній, тѣмъ болѣе хотѣлъ крещенія Руси, что тогда вся Европа, исключая Греціи, и еще нѣсколькихъ небольшихъ Славянскихъ племенъ, признавала его власть. Патріархъ, видя, что у него все отнято, тѣмъ сильнѣе хотѣлъ видѣть Русь въ Греческомъ законѣ, какъ послѣдній необращенный народъ (хотя оставались еще Хозары, Волгары и другіе народы, но они были или Магометане, или Жиды), и какъ опору погибавшей Греціи. Вотъ почему Патріархъ и Папа такъ усердно дѣйствовали въ обращеніи Руси въ Христіанство. Но обратимся

къ Владиміру. Выслушавъ пословъ, Великій Князь рѣшился перемѣнить вѣру. Что заставило его это сдѣлать, отвѣчать на это трудно. Можно только предполагать, что здѣсь скрывались какіе нибудь тайные виды Владиміра, но не наше дѣло разсуждать о сокровенныхъ помыслахъ Князя, предъ нами фактъ. Владиміра теперь занималъ вопросъ, какую принять вѣру. Видя въ Магометанизмѣ много обольстительнаго, Князь готовъ былъ сдѣлаться чтителемъ Алъ-корана, но строгое запрещеніе вина было для него слишкомъ обременительно, и потому онъ отказалъ Болгарамъ замѣтивъ: *Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти.* Законъ народа Іудейскаго не нравился ему, какъ народа разсѣлинаго. Осталось выбирать между Патріархомъ и Папою. „Ему отвѣчали пословицей, что“ *никто своего хулить не станетъ*“, поэтому совѣтовали ему послать людей добрыхъ, смышленыхъ, которые бы могли испытывать вѣру въ источникахъ. Владиміръ согласился, выбралъ десять мужей, и послалъ ихъ сперва въ Болгарію; оттуда они отправились въ Германію, наконецъ и въ Грецію. Царствовавшіе тогда въ Византіи, Василій и Константинъ,

обрадовались, узнавъ причину прибытія пословъ Русскихъ. Самъ Патріархъ съ многочисленнымъ духовенствомъ служилъ для нихъ обѣдню. Величіе обрядовъ, гармоническое пѣніе, торжественная тишина, великолѣпіе Византійскаго храма, до того поразили Руссовъ, что во время Богослуженія они сами не знали, гдѣ они были на небѣ, или на землѣ. Послѣ, когда они воротились, Владиміръ потребовалъ отчета въ изслѣдованіи. Послы отвѣчали, что въ Болгаріи нашли они людей, покланяющихся въ капищахъ темныхъ, душныхъ, смрадныхъ и наконецъ присоединили: *нѣсть добро законъ ихъ.* Въ храмахъ Нѣмецкихъ видѣли они много обрядовъ, но эти обряды не сопровождались такимъ величіемъ, какое нашли въ храмахъ Греческихъ. Восторгъ свой о храмахъ Греческихъ они выражали слѣдующими словами: „*Нѣсть бо на земли такого сида, ни красоты такоя, и не дооумѣетъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко сонъдѣ Богъ съ человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ аще оукуситъ сладка, послѣди горести не приимаетъ, тако и мы не имамы еде быти.*“ Болре

выслушавъ такой отзывъ пословъ, прибавили, что ежели бы Греческій законъ не былъ лучше другихъ, то бабка Великаго Князя, мудрѣйшая изъ людей, не приняла бы его. Въ слѣдствіе этого рѣшено было принять Законъ Греческій. И такъ одно желаніе Владиміра сбылось; оставалось теперь выполнить другое, породниться съ Византіею. Послы въ тотъ же годъ отправились въ Константинополь просить руки Принцессы Анны. Предложеніе Владиміра поставило Византійскій дворъ въ затруднительное положеніе. Выдать сестру за дикаря, варвара, Греческіе Цари считали невозможнымъ, а съ другой стороны боялись отказать такому сильному Государю, каковъ Владиміръ. Выборъ былъ труденъ. Однакожъ, не смотря на желаніе Императоровъ и Патріарха видѣть Русь единовѣрною, не смотря на всѣ выгоды и невыгоды отъ этого брака, они оставили это предложеніе безъ вниманія. Чувствительно оскорбленный этимъ честолюбивый Владиміръ рѣшился пріобрѣсти оружіемъ то, чего не могъ получить переговорами; и дѣйствительно, въ слѣдующемъ году Владиміръ двинулся съ многочисленнымъ войскомъ на югъ, и осадилъ Херсонъ. (Предки наши

называли его *Корсунь*, Италіянцы *Сорсона*, а Татары *Чарчина* или *Сары Кирманъ* см. Ист. Руск. Народа т. I. стр. 269). Херсонъ, не смотря на свою слабость и на угрозы Владиміра, который обѣщалъ три года стоять подъ нею, упорствовала, не сдавалась. Но Владиміръ не имѣлъ причины долго стоять подъ такимъ ничтожнымъ городомъ. Счастіе, которое ему такъ усердно служило вездѣ, помогло и на этотъ разъ. Измѣна одного Херсонскаго жителя Іерея Анастаса доставила ему обладаніе Корсунью. Владиміръ изъ Корсуни вторично отправилъ пословъ въ Константинополь, съ требованіемъ настоятельнымъ отъ Императоровъ руки ихъ сестры. Правители Византіи должны были согласиться на желаніе Владиміра. Съ трудомъ уговорили они Царевну Анну пожертвовать своимъ счастіемъ для блага своей отчизны. Горько плакала она, прощаясь съ своими братьями, съ могилою родителей, съ великолѣпною родиною, которыхъ болѣе никогда уже не надѣялась видѣть. По прибытіи Царевны въ Корсунь, совершилось и великое Таинство крещенія. Несторъ пишетъ, что у Владиміра передъ крещеніемъ разболѣлись глаза дотого, что онъ почти

совершенно ослѣпъ. Царевна совѣтовала ему скорѣе креститься; Владиміръ согласился, и во время погруженія прозрѣлъ. Войско, пораженное этимъ чудомъ, послѣдовало примѣру Князя, а вмѣстѣ съ нимъ крестились и двѣнадцать сыновей его. Непосредственно за крещеніемъ совершилось и другое таинство, бракъ Владиміра съ Анною. Русскій Князь, въ знакъ своей благодарности Богу, выстроилъ въ Херсонѣ церковь; потомъ взявши супругу, Іерея Анастаса и другихъ Греческихъ миссіонеровъ и священниковъ, воротился въ Кіевъ. Прибывъ въ столицу онъ тотчасъ разослалъ бирючей съ повелѣніемъ, что бы народъ въ назначенный день собирался для крещенія, а самъ между тѣмъ ревностно занялся истребленіемъ идоловъ и капищъ. Народъ сильно былъ огорченъ такими поступками Князя съ богами, но не смѣлъ противиться ему, и только издали провожая Перуна, брошеннаго въ Днѣпръ, кричалъ: *выдыбай боже! выдыбай боже!* Но вотъ наступилъ и назначенный день, и всѣ безпрекословно явились на берегъ Почайны. Самъ Владиміръ былъ при крещеніи Кіевлянъ, и радовался великому началу религіознаго просвѣщенія Россіи. Вскорѣ

послѣ этого приняли вѣру Спасителя и другіе важные города. Такимъ образомъ, тихо, безмятежно водворилась Св. Вѣра въ Россіи. Но здѣсь естественно встрѣчается вопросъ, почему она такъ быстро и при томъ такъ мирно распространилась въ нашемъ отечествѣ, между тѣмъ какъ въ прочихъ Государствахъ она принимаема была послѣ жестокихъ потрясеній, упорныхъ войнъ? Главная причина столь быстраго распространенія Христіанства заключается въ характерѣ Русскаго народа. Каждый народъ имѣетъ свою отличительную черту. Отличительная черта Русскаго народа состоитъ въ безпредѣльной преданности своимъ Монархамъ, въ совершенномъ повиновеніи ихъ волѣ. Такъ случилось и при Владимірѣ. Онъ захотѣлъ принять Христіанскую вѣру, и хотѣлъ видѣть подданныхъ Христіанами; — и они Христіане. Въ другихъ Государствахъ для этого нужно было бы много ума; но Руси довольно было одного Княжескаго слова. Вотъ главная причина, почему Христіанская вѣра водворилась въ нашемъ отечествѣ мирно и быстро. Совѣтъ бояръ, путешествіе пословъ, были только одними формами. Владиміръ не хотѣлъ вдругъ огор-

чить народа, онъ дѣлалъ все не круто. Впрочемъ, судя безотносительно, народъ Русскій съ своею скудною Миѳологіею, не могъ слишкомъ огорчаться измѣненіемъ религіи. Кіевляне, слыша часто отъ своихъ согражданъ, Христіанъ, имя Спасителя, видя ихъ добродѣтельную жизнь, издавна уже готовы были оставить свои нелѣпыя понятія о божествѣ. Но эта готовность перешла въ полное желаніе, при ясномъ представленіи тѣхъ высокихъ истинъ Евангелія, о которыхъ они услышали отъ Греческихъ учителей.

Оканчивая нашъ разсказъ, мы могли бы сказать нѣсколько словъ о важности вліянія Христіанской религіи на судьбу Государства, но какъ это относится болѣе къ заключеніямъ умственнымъ, то мы и не принимаемся за нихъ, потому, что намѣрены были разсказать одинъ только фактъ.

П. Поповъ. Гродн. Гимн.

КОПѢЙКА.

ГРОДНЕНСКАЯ БЫЛЬ.

ГЛАВА I.

Пусть трупъ его земля не приметъ въ нѣдра,
И прахъ его въ гробу не сыщетъ мира!.....
Пусть отъ живыхъ проклятьемъ отженясь,
Онъ за живо добычей ада станетъ!

Въ сѣверной части Гродненской губерніи чернѣетъ непроходимый дремучій лѣсъ, столѣтніе дубы и гордыя ели, широко распахнувъ свои вѣтви, далеко бросаютъ мрачную тѣнь на молодыя дерева, какъ на свое потомство, которыя подобно пылкимъ юношамъ гордо воздымаются и спорятъ о первенствѣ величія съ своими прародителями; они своимъ тѣснымъ союзомъ дружбы, составляютъ мрачную непроходимую чащу.

Лѣсъ этотъ съ давняго времени почитается вертепомъ разбойниковъ, и скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ эти черныя души. Еще и теперь

гремитъ молва объ одномъ разбойникѣ по имени Копѣйка, или Копѣечниковъ. Простолюдины разсказываютъ объ немъ много невѣроятныхъ происшествій, и старая нянюшка пугаетъ его именемъ неугомоннаго ребенка. Еще и теперь гремятъ проклятія на его голову. Грозное имя его приводило въ трепетъ всѣхъ; богачъ долго не могъ сомкнуть усталыхъ вѣждей своихъ, наслышавшись вечеромъ о его проказахъ, и сонъ его былъ тревожимъ ужасными предчувствіями.

Одинъ старичокъ серьозно увѣрялъ меня, будто этотъ Копѣйка могъ обращаться невидимкой, ходить чрезъ запертую дверь; будто видѣлъ его гуляющаго по городу; но лишь только полиція хотѣла поймать его, то онъ тотчасъ Богъ вѣсть куда дѣвался.

Среди лѣса, на небольшой полянѣ, красуется маленькая деревенька. Въ концѣ ея стоитъ полуразвалившійся постоялый дворъ, называемый *Выгода*. Четыре закоптѣлыя стѣны и такой же потолокъ, на которомъ виситъ мѣдный подсвѣчникъ (обыкновенная принадлежность всякой жидовской каюты,) съ двумя маленькими свѣчками, скамьи и простой длин-

ный столъ, составляютъ внутреннія украшенія его. За этимъ то столомъ сидѣло нѣсколько земледѣльцевъ. Крестьяне, послѣ дневныхъ заботъ, при чаркѣ, часто предаются разговорамъ, въ которыхъ иногда пробиваются остроты, какихъ вы не услышите и въ городскихъ гостиныхъ. Между прочимъ заговорили о разбойникѣ Копѣйкѣ.

„Говори, что хочешь“, сказалъ широкоплечій дѣтина, осушивъ однимъ глоткомъ чарку горѣлки, „однакожъ я хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться, чтобъ онъ перещупалъ ребра нашему экономy.“

— Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами — отвѣчалъ другой; ты, Ѳедька, любишь много болтать, смотри, чтобъ когда нибудь не попался въ ручки краснаго батюшки, или не погулялъ за соболями.“

Не успѣлъ еще кончить онъ этихъ словъ, какъ вдругъ раздался конскій топотъ, и колоссальный мущина, съ огромнѣйшими усами и бакенбардами, вошелъ въ душную избу. — Огненные глаза его остановились на огромной флягѣ, которую держала въ рукахъ шинкарка.

— Давай сюда сказалъ онъ. — Осушивъ порядочную чарку, онъ сѣлъ въ углу, облокотился, и лице его подернулось мглою задумчивости. Солнце уже закатывалось за горизонтъ; небо покрывалось тучами, и окрестности деревеньки еще болѣе сдѣлались мрачными. Между тѣмъ разговоръ между крестьянами продолжался.

„А незнаешь ли ты Ѳедька, кто былъ прежде этотъ Копейка?“ спросилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Говорятъ, что не изъ простыхъ.

„Да видно, что не изъ нашихъ; гдѣ нашему брату быть такимъ смышленымъ. А слыхалъ ли ты, что онъ недавно сдѣлалъ?“

— А что такое? —

„А вотъ что: два мѣсяца тому назадъ, какъ поймали его, повели въ тюрьму, заперли желѣзными дверями, дюжиною замковъ, поставили стражу; но правовѣрному ли сладить съ чертомъ? на другой день пришли, смотрятъ: и чтоже? въ углу сидитъ чертъ съ рогами на лбу, съ птичьимъ носомъ, съ лошадиными ногами, и этотъ чертъ, давай плясать бычка, а потомъ какъ начнетъ гонять солдатъ, то насилу бѣдняки ноги унесли, а самъ хохоча выбѣжалъ и пропалъ.“

Глаза незнакомца заблистали, и улыбка злобной радости показалась на посинѣвшихъ устахъ.

Въ это время пара усталыхъ коней остановилась передъ крыльцомъ; мущина въ лисьей шубѣ вошелъ въ избу. Онъ сѣлъ за столъ, велѣлъ подать пива и вынувъ изъ мѣшка съѣстное, началъ ужинать.

„Далеко ли отсюда до мѣстечка Яшишки„„ спросилъ онъ.—

— Двадцать пять верстъ.—

— Двадцать пять! повторилъ, качая головою Жидъ. —

Между тѣмъ незнакомецъ взглянулъ въ окно, и когда увидѣлъ набитую товарами повозку, почти незамѣтная улыбка блеснула на его лицѣ; онъ, посмотрѣвъ на Еврея, спросилъ:

„На ярманку спѣшишь?“ —

— Да. —

„ И я туда же, такъ поѣдемъ вмѣстѣ.“

— Хорошо, вотъ лошади уже отдохнули, поѣдемъ дальше, чтобъ намъ скорѣе проѣхать этотъ лѣсъ.

Вскорѣ незнакомецъ и Еврей вышли изъ комнаты и пустились въ путь.

Солнце уже скрылось за темныя лѣса; звѣзды заблистали на голубомъ пространствѣ неба; мѣсяцъ, на лонѣ облаковъ, медленно и величественно плылъ по небу. Мрачная зелень деревъ посребрилась сквозившими лучами ночныхъ свѣтилъ. Путешественники наши долго ѣхали, въ молчаніи, по дорогѣ среди лѣса. Бывали ль вы въ туманную ночь въ непроходимомъ дремучемъ лѣсу? Какой ужасъ объемлетъ васъ! Я знаю людей, которымъ всякая сосенка представляется *доброхотимъ*, всякій кустикъ семьей Русалокъ, готовыхъ защекотать его. Вообразите же теперь, какой ужасъ объялъ Еврея, когда представились заботливому его воображенію всѣ разсказы о проказахъ Копейки. Луна, выкатившись изъ пелснъ своихъ, освѣтила блѣдное, помертвѣвшее лице Еврея. Глаза его съ быстротою молніи пожирали окрестность, губы судорожно трепетали, онъ сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти. Молчаливый спутникъ его, повидимому не замѣчалъ страха, овладѣвшаго Жидомъ.

„ Ну что, сказалъ онъ, оборотясь къ нему, ежели бы я на примѣръ принялъ на себя образъ Копейки?“

— Копейки? воскликнулъ Жидъ, упаси Боже!

„ А что ты везешь въ повозкѣ?“ спросилъ первый.

Еврей затрепеталъ, какъ осиновый листъ, онъ началъ примѣчать свою ошибку и угадывать въ своемъ спутникѣ рушителя его благоденствія.

„ Не отвѣчаешь, сказалъ онъ, такъ я самъ посмотрю!“

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ-за пазухи небольшой охотничій рогъ, затрубилъ, свиснулъ, и въ туже минуту человѣкъ двадцать разбойниковъ окружили ихъ. Еврей вытянулся въ повозкѣ и гробовымъ голосомъ спросилъ:

— Живъ ли я?„

— Возмите его, ребята, да пощупайте хорошенько, сказалъ Копейка; это былъ онъ.

Еврей опять хотѣлъ что-то сказать, но одинъ изъ разбойниковъ толчкомъ въ шею, заставивъ его молчать, бросилъ на землю и началъ шарить въ его карманахъ; другіе между тѣмъ вынимали изъ повозки товары и клали въ мѣшокъ.

„ Ребята, веревокъ! закричалъ Копейка.

Охъ! помилуй, не буду, оставь мнѣ жизнь,

я заплачу вамъ, только простите меня! завопилъ Еврей, бросившись къ ногамъ Копейки.

Но Копейка не слушалъ этого; онъ велѣлъ привязать одинъ конецъ веревки къ ногамъ Еврея, а другой къ вершинѣ нагнутаго дерева и пустить его. Долго онъ въ воздухѣ кричалъ, махалъ руками, желая схватить за веревку, но все было тщетно. Копейка со своими товарищами, посмѣявшись нѣсколько минутъ надъ Евреемъ, удалился въ лѣсъ.

Неизвѣстно, какимъ образомъ этотъ Еврей возвратился изъ своего воздушнаго путешествія на землю, веревка ли, на которой онъ висѣлъ не удержала тяжести своей, или какой нибудь изъ проѣзжихъ, сжалившись надъ нимъ, освободилъ его; извѣстно только то, что когда онъ возвратился домой, то, разсказывая всѣмъ свое приключеніе, еще болѣе увеличилъ ужасъ имени Копейки.

ГЛАВА II.

Вотъ полдень тихій. Надъ главою
Лазурью чистой сводъ блеститъ;
Не колыхнетъ рѣка волною,
Зефиръ въ листахъ не замутитъ.
Стоитъ недвижно лѣсъ угрюмый;
Его туманныя древа,
Молчатъ объяты грустной думой.

И. О.

Свѣтало. Чистое небо, выходящее изъ-за горъ солнце во всемъ его великолѣпіи, эхо, раздающееся въ окрестностяхъ, и будто напоминающее усталому путнику, что онъ не одинъ среди пустыннаго лѣса, ревъ стадъ на ближней небольшой поллнѣ, шумъ быстро текущаго ручья: все это составляло чудесную картину природы, и просвѣтило взоры сѣдовласаго старца, который тянулся въ одноколкѣ по извивистой дорогѣ. На лицѣ его изображалось добродушіе, въ глазахъ проницательность; казалось, онъ прошелъ всѣ бурныя стихіи земной жизни, испыталъ людей, узналъ всѣ козни, которыми ло-

вять они другъ друга. Вечеръ жизни его уже догаралъ, и онъ спокойно ожидалъ кончины.

Но вотъ, картина природы перемѣнилась. Кругомъ обгорѣлые лѣса, печальныя сосны, гордые дубы, плодовитые кустики, стебли дикой полыни, все это погрузило его въ думы, какія?... я незнаю. Самъ великій Байронъ тщетно старался разгадать, какія мечты наиболѣе занимаютъ стариковъ? (*) Конь его, будто бы чуя расположеніе духа своего господина, шелъ медленно.

Старикъ перешелъ въ состояніе безчувствительности, онъ опустилъ голову и погрузился въ сладостныя грезы.

Въ самый полдень, когда солнце жгло работающихъ въ полѣ крестьянъ, а веселыя, слитыя въ одинъ голосъ пѣсни деревенскихъ молодушекъ, въ которыхъ онѣ забывали свои труды

(*) Смот. XIII. томъ, ч. 2. Библіот. для чт. 1835 года статья подъ заглавіемъ: *Бесѣда со Лордомъ Байрономъ.*

„*Мнѣ очень любопытно знать, говоритъ Лордъ Байронъ, какъ чувствуетъ старый человѣкъ, и потому каждаго старика, который мнѣ попадается, я непремѣнно разспрашиваю объ его ощущеніяхъ.*“

и утомленіе, раздавались по горамъ и лѣсу; и когда взоры ихъ часто уже обращались къ часовнѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали, скоро ли призывный колоколъ возвѣститъ имъ убогій обѣдъ и кратковременный отдыхъ: въ это, говорю, время послышался лошадиный топотъ. Это былъ нашъ почтенный старичекъ. Онъ уже не дремалъ, чувства его, казалось, ожили, какъ у пламеннаго двадцатилѣтняго юноши. Его взоры въ какомъ то восторгѣ бросались на всѣ предметы. Конь его съ быстротою молніи перескакивалъ съ кочки на кочку, метался, ржалъ, и все таки летѣлъ какъ стрѣла; по временамъ слышался пронзительный вопль, гробовой, подземельный; и въ самомъ дѣлѣ онъ выходилъ изъ-подъ одноколки.

Пѣсни утихли, серпы и косы остановились..... крестьяне съ глупой улыбкой смотрѣли и не узнавали своего помѣщика. Такъ удивила ихъ внезапная перемѣна въ старикѣ; но вотъ они примѣтили чьи-то ноги изъ подъ одноколки.... въ минуту останавливаютъ коня — и освобождаютъ человѣка, котораго полы запутались въ колеса, а рукава придавлены обѣими руками старика.

Крестьяне вздрогнули, увидя его.

„Копейка! Копейка!“ раздалось въ толпѣ.

Въ то время, когда старикъ былъ въ состояніи безчувственности, Копейка нечаянно выскочилъ изъ лѣсу, и уже готовъ былъ пронзить его ножемъ, какъ вдругъ конь, будто почуя опасность, бросился въ сторону, сталъ дыбомъ и потомъ какъ стрѣла помчался по корнистой дорогѣ, убійца упалъ; полы его запутались въ колеса, онъ хотѣлъ освободиться, но колесо схватило его руку и размозжило ее; голова его, вися подъ одноколкою, безпрестанно ударялась о камни и на каждомъ шагу оставляла кровавые слѣды; между тѣмъ конь, долго нося по пиямъ, наконецъ примчался къ работающимъ крестьянамъ.

Такимъ образомъ свершился надъ нимъ судъ Божій! Пути Провидѣнія неисповѣдимы!

Носится молва между народомъ, что тотъ старикъ, послѣ такого случая, впалъ въ какую то меланхолію; ночью, при свѣтѣ луны, бродилъ по окрестнымъ полямъ, по лѣсу и тому мѣсту, гдѣ погибъ Копейка. Тамъ слышенъ былъ его дряхлый голосъ, призывающій кого — то по имени; слезы катились у него изъ

глазъ, когда онъ возвращался домой. Наконецъ старецъ слегъ въ постель и чрезъ нѣсколько недѣль скончался. И что было причиной этой печали, повергшей его въ гробъ?..

По смерти его одинъ старый камердинеръ разсказывалъ своему другу за тайну, что тотъ старикъ былъ отецъ Копейки; что еще въ молодости своей, онъ былъ причиною многихъ огорченій и слезъ своего отца, который видя своего сына, обезславившаго имя его предковъ многими злодѣяніями, проклялъ его и не признавалъ своимъ сыномъ. Тогда преступный юноша будучи принужденъ, послѣ многихъ преступленій, собрать шайку и производить разбои, поклялся погубить отца; однажды напалъ на его имѣніе, сжегъ, и даже хотѣлъ убить самого, но Богъ не допустилъ сыну пролить кровь отца; онъ съ остаткомъ имѣнія бѣжалъ въ другую страну, скрываясь отъ преступнаго сына, купилъ маленькое имѣніе, думая кончить свою жизнь въ спокойствіи; но злобный сынъ не переставалъ преслѣдовать его; онъ прибылъ туда же, и теперь, когда старикъ погруженный въ мысляхъ,

ѣхалъ чрезъ лѣсъ, онъ выскочилъ на него съ ножемъ, но небо въ другой разъ спасло старика отъ рукъ мстительнаго сына и послало казнь на преступника!

К. Пашковскій Виленс. Дворян. Институт.

П р у т ъ.

историческое происшествіе.

Сомнительна была побѣда, но несомнителенъ трудъ и кровь.

Шиллеръ Ист. трид: войны.

Ночь. Кругомъ все спитъ; только далекій вой собакъ примчится съ дуновеніемъ вѣтерка и слабѣя замираетъ, только протяжный окликъ часовыхъ будитъ спящую природу и полуночное эхо бора.

Какъ ужасно полуночное безмолвіе! Шильонская тюрьма едва ли мрачнѣе тъмт отъ часъ!

Свѣтлое южное небо было усѣяно милліонами звѣздъ. Воздухъ разливалъ прохладу, нѣжилъ, упоевалъ чувства какимъ то волшебнымъ бальзамомъ..... лишь порою завывалъ вѣтръ и тогда безмолвный лѣсъ вздрагивалъ и деревья враждовали, ударялись другъ о друга.

На берегу Прута разсыпаны бѣлыя палатки, какъ стада большихъ гусей; то былъ станъ Рус-

скаго войска. За рѣкою видѣлся другой станъ, но гораздо многочисленнѣйшій; онъ казалось, на зловрагу, напередъ грозилъ ему побѣдою!

Въ одной палаткѣ, которая стояла поодаль отъ другихъ, нагорѣвшія свѣчи проливали блѣдный, дрожащій свѣтъ, который то вспыхивалъ, и озарялъ ее, то снова мерцалъ едва свѣтя. За небольшимъ столикомъ сидѣлъ колоссальный мущина, съ видомъ человѣка, осужденнаго бороться съ многочисленностію золъ' заграждающихъ ему путь къ избранной цѣли и сокращающихъ бытіе его. Иногда онъ вскаквалъ, скорыми шагами измѣрялъ тѣсную палатку, рвалъ платье на груди, потомъ опять садился и оставался неподвижнымъ какъ мшистый камень, прикрывавшій гробницу его предковъ. Черные глаза его, то быстро сверкали изъ подъ густыхъ рѣсницъ, то останавливались неподвижно вперенными на одинъ предметъ; губы судорожно трепетали, лице было мрачно, тоска и гнѣвъ разливались по немъ; казалось, уже отчаяніе готово было втѣсниться въ эту твердую, геройскую душу.

Въ другой палаткѣ, не много подальше, сидѣла молодая женщина; она была неподражае-

мый и вѣрный портретъ, ближайшее изображеніе смерти; или казалось, она была срединою между жизнію и смертію. Всѣ проводники, докладчики души ея были скованы, заклеймены тяжелою печатью грусти; она была въ забытьи.

Вдругъ чело ея прояснилось, по лицу скользнула улыбка самодовольствія, улыбка радости, глаза засверкали и она какъ легкая, быстрая серна, бросилась вонъ и подбѣжала къ палаткѣ, въ которой оставили мы высокаго мущину въ отчаянномъ положеніи. Она остановилась, и перевела дыханіе и уже хотѣла отдернуть коверъ, служивши дверью палатки, какъ часовой, заградивши ей путь, поразилъ неожиданными словами.

„ Нельзя, не велѣно никого впускать. “

— Развѣ ты не знаешь, кто я, спросила молодая женщина.

„ Да, хотя бы вы были и сама Царица, я и тогда не пущу. “

Между тѣмъ нѣсколько дѣвицъ собралось около ней,

— Позовите ко мнѣ Репне, сказала она; черезъ нѣсколько минутъ, высокій, блѣдный мущина въ генеральскомъ мундирѣ, стоялъ передъ

нею въ почтительномъ отдаленіи. Она его отвела въ сторону, поговорила шопотомъ, потомъ Генералъ велѣлъ отойти часовому и незнакомка впорхнула въ палатку.

Долгое время она оставалась незамѣченною; потомъ подошла къ столику, за которымъ сидѣлъ мущина и писалъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги. Она стала у него за плечами и могла прочесть.

„ Я долженъ или умереть, или отдаться въ плѣнъ. Въ первомъ случаѣ изберите Государемъ достойнаго управлять вами, а во второмъ не исполняйте никакихъ моихъ приказаній, хотя бы они были писаны собственною моею рукою.“

„ За чѣмъ такъ поздо и въ такое ужасное время?“ Воскликнулъ съ сердцемъ мущина, увидѣвъ вошедшую женщину. Но она ласками своими разогнала мрачныя думы и минута вспыльчивости прошла.

При входѣ палатки стоялъ мущина средняго роста, закутавшись въ широкій плащъ, опершись на ружье, которое взялъ онъ у часоваго. Онъ дружески разговаривалъ съ знакомцемъ нашимъ Ренис, потомъ послѣдній удалился и

онъ остался одинъ. Глаза его блуждали во мракѣ и не находили предмета, на которомъ могли бы остановиться. Всеобщая тишина лишь изрѣдка была прерываема мгновеннымъ говоромъ бодрствующаго стана, или протяжнымъ „*слушай.*“ Безпрестанно увеличивающійся шумъ въ вражескомъ станѣ и грозное *Аллахъ*, тревожило молодаго человѣка и все Русское воинство. Онъ трепеталъ не за жизнь свою, но за честь Государя и отечества. Прекрасное, выразительное лице его, на коемъ разливалась доброта, подернулось мглою задумчивости и страха.

Но вотъ зардѣлся край неба и глаза воиновъ устремились на пожаръ зари. Она возвѣщала рѣшительную минуту. Смерть или побѣда ожидали ихъ; но побѣда была невозможна! не смотря на то, всѣ воины готовы были умереть, и братски обнимаясь, твердили другъ другу: „умремъ за Царя Бѣлаго за Русь православную! положимъ свои головы въ примѣръ сынамъ нашимъ.“

Кому не извѣстно то ужасное время, когда судьба великаго нашего преобразователя и судьба цѣлой Россіи, зависѣли отъ одного слова Турецкаго Визиря и грознаго Понятовскаго.

Турки ожидали только подвоза Артиллеріи, и тогда 200,000 ихъ армія должна была начать сраженіе съ горстью Русскихъ; вотъ почему она напередъ торжествовала побѣду.

Молодая незнакомка болѣе часа оставалась въ походномъ кабинетѣ мущины.

„Испытаемъ!“ сказалъ онъ выходя.

„А, Меньшиковъ! въ пору, пойдемъ!“ прибавилъ онъ къ стоящему незнакомцу при входѣ палатки.

— Я ожидалъ Ея Величества — отвѣчалъ тотъ.

Они пошли по берегу Прута. Горькія думы осѣняли чело Великаго Государя, могучаго преобразователя Россіи. Онъ смотрѣлъ на темный вражескій станъ, какъ на тучу, въ которой спитъ погибельный перунъ.

Неужели, думалъ онъ, многолѣтніе труды погибнутъ въ одно мгновеніе? Неужели это великое зданіе, которое я воздвигнулъ, должно распасться? Нѣтъ! ты могучъ Богъ Русскій! ты допустилъ мнѣ совершить помыслы — Я добра хочу Русской землѣ!

Между ними завязался жаркій разговоръ; потомъ высокій мущина вынулъ свертокъ бу-

магъ и порядочный ящичекъ, отдалъ ихъ Меньшикову, и прибавилъ: „пошли братъ, да молись Богу— одинъ Онъ только можетъ насъ спасти!“

Кровавое небо, казалось, предвѣщало землѣ великія бѣдствія! пылающій небосклонъ, опирался вдали на сонныя воды Прута и зажигалъ ихъ; темныя волны рѣки медленно катились впередъ, и наконецъ, въ отдаленіи казались волнами огня, горящими въ черныхъ берегахъ своихъ. Розовый лучъ денницы багровилъ броню, и кротко игралъ на грозныхъ орудіяхъ смерти. Русскіе бодрствовали въ станѣ, и хотя побѣда была совершенно невозможна, но на ихъ лицахъ не замѣтно было на малѣйшей черты унынія.

Турки, подкрѣпленные сильною артилеріею, напередъ были увѣрены въ побѣдѣ; грозныя восклицанія ихъ раздавались и раздирали тишину пробуждающейся природы; голосъ Русскаго удальца пѣвшаго, можетъ быть, послѣдній разъ въ жизни, звучно гремѣлъ, и протяжно повторялся въ дубравѣ, казалось, отвѣчалъ на дерзкія угрозы противныхъ. Наконецъ задребезжалъ барабанъ и полки двинулись съ обѣихъ сторонъ. Солнце начало восходить, но тѣнь еще

покрывала воиновъ; только славное знамя Руси, поднятое на высокомъ дрѣвкѣ, встрѣчало первые лучи раждающагося дня и, казалось, благословляло собранныхъ подъ сѣнь его богатырей; только кончики штыковъ Русскихъ освѣщенные солнцемъ, сверкали какъ звѣзды, оставившія ночное небо, чтобъ скрыться на землѣ отъ царя всѣхъ свѣтилъ. Луна Магомета, задернутая утреннимъ туманомъ, таилась во мракѣ долины и съ завистью смотрѣла на свѣтлое знамя Русскаго воинства, на которомъ слава основала вѣчный престолъ свой. Сраженіе началось. Русскіе клялись не переживать другъ друга, не смотря на то, никто не надѣялся на побѣду! Кигайя, опасаясь, чтобы Паша не заключилъ мира, сильно потѣснилъ Русскихъ, но они твердо шли впередъ, и уже вступили по колѣна въ рѣку, какъ вдругъ.... получено согласіе на миръ. Паша предупредилъ Кагайю. „Ахъ! чёртъ же возми! закричали воины, а стоило бы наплевать Турку въ глаза.“

И воины и Государь радовались успѣшному окончанію брани и молились со слезами Богу. Наконецъ когда Петръ сидѣлъ въ раздумьи за столикомъ и не рѣшался подписать условія ми-

ра, вбѣжалъ въ палатку какой-то человѣкъ и палъ предъ нимъ на колѣна.

— Государь, отдайте имъ меня! моя голова спасетъ тысячи другихъ въ вашемъ станѣ.

„Братъ, Антіохъ! я не выдамъ тебя, хотя бы то стоило моей головы. Русскіе умѣютъ цѣнить услуги и не измѣнятъ слову ни за какія блага.“ отвѣчалъ Государь. Это былъ Кантемиръ. Выдачи его требовали мирныя условія, но Петръ не согласился. Слава тебѣ Великій Государь, творецъ нашего величія, образецъ геніевъ! Ты создалъ себѣ памятникъ, простирающійся отъ дикой Камчатки до волнъ Балтійскихъ, отъ льдовъ сѣвера до виноградниковъ Грузіи и Тавриды! Ты создалъ себѣ памятникъ, который будетъ жить, пока живетъ Исторія, пока будутъ жить люди!

А. Киркоръ, Вил. Двор. Инст.

СМЕРТЬ ПОЭТА.

I. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Я смерть ужъ вижу предъ собою;
Мншуты сочтены и близокъ мой конецъ;
Отчаянье гнететъ мнѣ сердце какъ свинецъ.
Есть тайна на душѣ: кому ее открою?

„ Графиня, сыграйте что нибудь “ сказалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ молодой графинѣ Гвичіолли. Она послушалась, и своды комнаты огласились мотивами Вебера. Незнакомецъ впалъ въ глубокую меланхолію. Лице его было блѣдно; вся наружность благородная и гордая, казалось, давала ему первенство во всякомъ обществѣ. Онъ прошелъ раза три по комнатѣ, немножко прихрамывая, потомъ сѣлъ на софѣ и устремилъ огненные глаза на незнакомку.

Въ этомъ обществѣ находились еще двое мущинъ. Одинъ изъ нихъ былъ графъ Гамба, а другой Докторъ Бруно.

Комната была убрана въ Англійскомъ вкусѣ: на полу разостланъ богатый коверъ; при

одной стѣнѣ стоялъ флигель, при другой мягкая софа. На ней то сидѣлъ нашъ незнакомецъ.

Это было 13 Іюля 1823 года въ загородномъ домѣ графини Гвичіолли не далеко отъ Генуэзской гавани на берегу Средиземнаго моря.

Небо меркло; воздухъ нѣжилъ чувства; море было спокойно. Графиня, желая воспользоваться вечернею прохладою, сдѣлала предложеніе прогуляться. Всѣ охотно согласились. Они стали любоваться картиною моря, и говоромъ своимъ, казалось, боялись нарушить безмолвіе дремлющей природы.

„ Гдѣ будемъ мы чрезъ годъ “ (*) сказалъ незнакомецъ, обратясь къ графу Гамба. И лице его покрылось смертною блѣдностью, всѣ члены затрепетали; мрачныя предчувствія тревожили душу, глаза сверкали.

Можетъ ли человѣкъ любящій думать, найти болѣе удовольствія, какъ стоя на берегу моря размышлять, что кроется въ глубинѣ его? или смотрѣть на корабли съ распущенными парусами, мелькающими вдали по поверхности мо-

---

(*) Смот: Энцикдопедическій Лексиконъ т. IV. стр. 129.

ря, слышать шумящіе валы, ударяющіеся о прибрежныя скалы, или тихой ихъ плескъ. Я не испыталъ и не въ силахъ выразить того непонятнаго чувства, которое должно родиться въ немъ въ эту пору.

Море! сколько пищи ты даешь для думъ поэта! твои волны — его мысли! какъ ты безконечно, безбрежно, такъ безгранична его фантазія! какъ ты не знаешь предѣловъ своей необузданной воли, своимъ неисчерпаемымъ прихотямъ, такъ и его воля не знаетъ конца, а силы законовъ съ трудностію только могутъ обуздать ее. Нѣтъ человѣка въ мірѣ выше поэта! Въ немъ то теплится искра божества, даръ неба, посланный для удивленія смертныхъ! И сколько препятствій стремятся погасить его, съ которыми онъ долженъ бороться въ жизни! отъ того-то всѣ великіе поэты недолговѣчны.

Устремивъ глаза свои на море, онъ долго оставался неподвижнымъ. Никто не отвѣчалъ ему. Слова его сдѣлали на всѣхъ большое впечатлѣніе.

„ Да, друзья мои, я увѣренъ, что скоро буду или вотъ здѣсь, (сказалъ онъ, указывая на море) или въ могилѣ! “

Что за предчувствія, что за странныя мысли? сказала Графиня, возможно ли думать о смерти въ тридцать семь лѣтъ?

„ Да, отвѣчалъ незнакомецъ, *я еще молодъ годами, но чувствую себя старикомъ. Мои лѣта можно назвать цвѣтущими, а мои мысли поблекли и пожелтѣли. Въ осьмнадцать лѣтъ чувства начинаютъ притупляться; въ двадцать пять лѣтъ лезвее всѣхъ ощущеній рѣшительно сточено, а въ 30 не изъ чего и жить.*“

Между тѣмъ возвратились въ комнаты. Пріѣхалъ еще одинъ путешественникъ родомъ Англичанинъ, и онъ казалось, немножко разогналъ мрачныя думы поэта; но слѣды ихъ еще оставались на челѣ, покрывшемся морщинами и въ туманномъ взорѣ.

„ Вы вѣрно поѣдете въ Англію? спросилъ незнакомецъ только что прибывшаго путешественника.“

Да, въ веселую Англію, какъ говорится отвѣчалъ тотъ.

„ *Я не знаю такого края, возразилъ онъ; что касается до Англіи, гдѣ я родился, то люди веселятся тамъ самымъ печальнымъ образомъ, какой только можно представить.*“

Подали ужинъ; всѣ ѣли съ аппетитомъ.

„*Я люблю хорошій ужинъ*, сказалъ поэтъ, *и на многія изъ счастливѣйшихъ моихъ мыслей напалъ я не съ перомъ въ рукѣ, но съ ножикомъ, съ вилкою.*“

А отъ чего же, сказалъ докторъ, въ Пизѣ, когда вы съ Лей-Гонтомъ намѣревались издавать „Либераль“ (журналъ), помните ли четверо сутокъ вы ничего не ѣли ни пили?

„Да, это правда, *но я дѣлалъ это для опыта; мнѣ хотѣлось узнать, что чувствуетъ человѣкъ, умирая съ голоду.*“

Всѣ засмѣялись.

„Скажите чѣмъ же кончилось ваше испытаніе? спросила Графиня.

„*У меня зазвенѣло въ ушахъ, и начало жечь въ горлѣ; этимъ, да еще обморокомъ, ограничились всѣ мои открытія.*“ *)

Ужинъ приближался къ концу; принесли бокалы и въ заключеніе

Вина кометы брызнулъ токъ!

Всѣ разошлись по своимъ компатамъ, собираясь въ слѣдующее утро отплыть на бригѣ въ Кефалонію.

---

*) Слова поэта.

II. ПРИВИДѢНІЕ.

Чья тѣнь средь бури завыванья,
Блуждаетъ въ сихъ мѣстахъ?....

Шекспиръ.

Теперь, читатель, прелети со мною Пиринеи, Атлантическія волны и явись въ туманной Англіи.

Тамъ въ пространномъ кабинетѣ, въ одно пасмурное утро, сидѣло человѣкъ пять, имена которыхъ гремятъ во всей Европѣ. Это были: хозяинъ—Вальтеръ-Скоттъ и гости собравшіеся къ нему завракать: *Dugald-Herart*, Несторъ-философъ живущихъ. Онъ сидѣлъ облокотясь на руку волтеровскаго кресла. Ростъ его былъ средній, сложеніе крѣпкое, видъ величественный, черты лица выразительныя.

На противъ его сидѣлъ блѣдный, смуглый молодой человѣкъ, низкаго роста, съ черными сверкающими глазами.

Это былъ *Jeffrey*. Онъ былъ душею общества; говорилъ безъ умолку. Дальше сидѣлъ художникъ *Villiams*, и поэтъ *Hogg*. Всѣ они

сидѣли за большимъ столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, стоялъ кофе и чай, хлѣбъ, масло, пирожное, сливки, молоко, бивштексъ, ветчина, колбасы, варенья, фрукты, мороженое, это было разставлено въ лирическомъ безпорядкѣ, и глаза великихъ бѣгали съ предмета на предметъ, не зная чѣмъ прежде удовлетворить голодъ. *Jeffrey* говорилъ много, но пѣлъ еще больше, наконецъ на него возложили важную (въ Англіи) обязанность приготовлять чай.

Разговоръ безпрестанно дѣлался живѣе, и завтракъ еще не кончился, какъ вдругъ двери съ шумомъ отворились, и въ комнатѣ явился, — кто бы вы думали? Лордъ Байронъ. Удивленіе изобразилось на всѣхъ лицахъ. *Jeffrey*, который ѣлъ въ ту минуту яйцо въ смятку, уронилъ его. Наконецъ Вальтеръ-Скоттъ, опомнившійся отъ удивленія, по долгу хозяина, всталъ изъ-за стола и прихрамывая пошелъ на встрѣчу великому поэту. (Замѣтимъ мимоходомъ. Какая разительная картина! два хромые великана XIX вѣка идутъ на встрѣчу другъ друга).

„Ахъ Лордъ Джоржъ, сказалъ Вальтеръ-Скоттъ, простирая къ нему объятія; между

тѣмъ, какъ мы думали, что вы наслаждаетесь свѣтлымъ небомъ Греціи, или созидаете планы примиренія Маврокордато съ Колокотрони, вы вдругъ явились въ нашемъ обществѣ.

Но каково было его изумленіе, когда поэтъ, вмѣсто привѣта, въ туже минуту вышелъ изъ комнаты въ другую. Вальтеръ-Скоттъ за нимъ, и такъ прошли они цѣлый рядъ комнатъ, какъ вдругъ въ послѣдней вмѣсто поэта, глазамъ его представилась какая то тѣнь, покрытая бѣлой простынею, блѣдная и пожелтѣвшая, какъ трупъ послѣ нѣсколькихъ дней, вынутый изъ гроба, она приблизилась къ дверямъ, отворила ихъ костяной рукой и изчезла.

Никто бы не повѣрилъ разсказу Вальтеръ-Скотта объ этомъ страномъ происшествіи, ежели бы не были свидѣтелями друзья его, которые слѣдовали за нимъ изъ комнаты въ комнату.

Долго они оставались неподвижными, молча, и только изрѣдка посматривали другъ на друга.

Наконецъ *Jeffrey*, который во всякомъ случаѣ умѣлъ сохранить присутствіе духа, первый прервалъ молчаніе.

„Ежели бы это было послѣ завтрака, когда голова моя былабъ отягощена мадерою или портвейномъ, то легко можно бы объяснить причину этого явленія, но теперь я рѣшительно ничего не понимаю!“ Долго разсуждали объ этомъ приключеніи, и никто не умѣлъ объяснить его; но газеты полученныя чрезъ двѣ недѣли, открыли все и Англія прослезилась о смерти того, кого гнала при жизни.

III. ПОХОРОНЫ.

Онъ жегъ, и самъ сгорѣлъ въ огнѣ воображенья —
Эллада древняя, священный Геликонъ,
Гордитесь прахомъ симъ, у васъ сокрыть Байронъ!
Въ побѣдномъ зарѣ погасло вдохновенье,
При звукѣ бранныхъ трубъ палъ гордый исполинъ,
И вопли пронеслись отъ Греческихъ дружинъ!

Цѣлыя волны народа переходили съ улицы въ улицу въ крѣпости Миссолунги. Нигдѣ не видно лица веселаго. Все мрачно; кажется, самыя стѣны города погружены въ печаль, лавки, судилища — закрыты, мѣста народныхъ увеселеній — пусты.

Скажите, отъ чего жители Миссолунги не празднуютъ торжества пасхи 1824 года? отъ чего вся крѣпость облеклась въ глубокій трауръ?... Скончался великій!...

Народъ стекался въ храмъ Св. Николая; тамъ, на срединѣ, стояла пышная катафалка, и на ней тѣло великаго Байрона! церковь была

освѣщена тысячами плошекъ. Катафалка убрана со всевозможною роскошью. Недостатка не было ни во вкусѣ, ни въ богатствѣ.

Въ головахъ стоялъ неразлучный другъ его полковникъ Станго (*). Далѣе знакомецъ нашъ графъ Гамба; слезы струились изъ глазъ, глубокая горесть изображалась на лицѣ. Тотъ только можетъ вообразить ужасное состояніе души ихъ, кто самъ потерялъ единственнаго друга, повѣреннаго своего сердца, безъ котораго и жизнь для него не въ радость.

„Тяжело не только говорить *прости! мертвецу*“, сказалъ нашъ Марлинскій; (**) но прощаться даже съ памятью умершаго, но предавать его тлѣнію земли, на которой онъ цвѣлъ, забвенію міра, которому онъ былъ красою!“

Но имя Байрона не будетъ въ забвеніи; оно пролетитъ въ позднѣйшее потомство и будетъ гремѣть, какъ имена Гомера и другихъ великихъ поэтовъ.

Стангонъ и Гамба вышли изъ церкви и по-

(*) Приверженецъ Маврокордато, мужественный защитникъ его!

(**) Кавказскіе очерки. Смот. Библ. для чт. томъ 12, (1835).

брели вдоль улицы, нигдѣ не встрѣчая лица радостнаго.

Графъ вынулъ изъ кармана небольшую тетрадку, и перевернувъ нѣсколько листковъ, почти съ ужасомъ воскликнулъ:

„Сегодня годъ, какъ покойный спрашивалъ меня у берега Генуэзской гавани — *гдѣ будемъ мы чрезъ годъ?!* Не даромъ онъ былъ такъ печаленъ весь тотъ день.“

Холодный трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Стангона. Они возвратились къ вѣчному ложу друга, и того же вечера сердце его было предано тлѣнію земли, а тѣло Стангонъ отвезъ въ Англію и его положили рядомъ съ матерью, въ мѣстечкѣ Гокнель.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1821 года, ему пришла страшная охота, ничего не ѣсть, кромѣ картофели, боясь потуччнѣть, 15 Января случился первый апоплексическій ударъ. Болѣзнь медленно низводила его въ могилу и 19 Апрѣля вечеромъ онъ скончался.

Скажите же, что значитъ вопросъ его за годъ передъ смертію, что значила тѣнь, явившаяся въ день его смерти въ кабинетѣ Вальтеръ-Скотта? о сколько чудеснаго въ чудесномъ! Валь-

теръ-Скоттъ и Байронъ были величайшими геніями, и это въ одно время, въ одной націи! оба хромые, оба страннаго характера.

Геній Байрона, какъ вездѣсущій духъ, почти всегда возносился въ безпредѣльную высь!

Многія мѣста изъ его сочиненій, представляютъ что то сверхъ-естественное, непостижимое! (*).

(*) То была тьма безъ темноты,
То была бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ!
То были образы безъ лицъ,
То страстный міръ какой то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ — и проч.

А. Киркорѣ, Вил. Двор. Инст.

ПРЕБЫВАНІЕ НАПОЛЕОНА ВЪ ВИЛЬНѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

Сколько уже писали и печатали объ этомъ 1812 годѣ и объ Наполеонѣ, но все таки еще пишутъ и печатаютъ. О, съ какимъ торжествомъ вступаетъ во врата вѣчности этотъ 1812 годъ, залитый кровью и отягченный несчастіями! онъ несетъ вѣкамъ минувшимъ вѣсть о сокрушеніи того, который хотѣлъ быть властелиномъ всей Европы.

Въ началѣ Маія мѣсяца 1812 года Императоръ Александръ стоялъ съ гвардіею въ древней столицѣ Князей Литовскихъ. Наполеонъ не открывалъ еще тогда своихъ великанскихъ намѣреній, хотя, можетъ быть, и толковалъ объ нихъ въ своемъ кабинетѣ. Государь Александръ, хотя и проникалъ планы честолюбиваго Императора Французовъ, однакожъ по виду былъ въ дружбѣ съ нимъ.

Проживая въ Вильнѣ Императоръ Александръ занимался ученіемъ своей гвардіи. Наполеонъ посылалъ къ нему въ Вильно Генерала Нарбона. Государь часто съ нимъ ѣздилъ за *Зеленый-мостъ* осматривать стройныя ряды своей гвардіи. Но въ скоромъ времени дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Генералъ Нарбонъ уѣхалъ къ своему Императору. Государь Александръ оставивъ Вильну, двинулся съ войскомъ къ Витебску, и въ тоже время раздался призывъ къ оружію, и вѣсть о вторженіи враговъ въ отечество разнеслась по всей Россіи. Вездѣ раздавался громъ оружія; вездѣ вольные сыны Россіи спѣшили съ оружіемъ въ рукахъ, по призыву своего отца Монарха, для защиты родины. Вездѣ гремѣли слова Государя: *Не положу оружія, пока хотя одинъ вооруженный врагъ останется въ предѣлахъ моего Государства;* и эти слова предрекали уже гибель Наполеону и его полчищамъ, пришедшимъ утучнить своею кровью поля Россіи. Наполеонъ, какъ грозная туча, явился въ предѣлахъ Россіи, таща за собою войска половины Европы. И между тѣмъ, какъ его Маршалы шли впередъ, преслѣдуя отступавшія Русскія войска,

онъ съ Французскою, Италіянскою, и Голландскою гвардіею и съ Польскими войсками подъ начальствомъ Красинскаго, остановился на нѣсколько времени въ Вильнѣ, расположивъ свои войска въ городѣ и въ окрестностяхъ его. Наполеонъ такъ же, какъ Императоръ Александръ, водилъ свою гвардію на ученіе за *зеленый-мостъ*. При немъ обыкновенно находились Коленкуръ, Дюрокъ, и нѣсколько Маршаловъ и Генераловъ. На маневры Наполеоновской гвардіи стекалось множество народа. Въ самомъ дѣлѣ было на что взглянуть: наружность Марса соединялась съ добродушіемъ на лицахъ этихъ воиновъ; какимъ огнемъ сверкали ихъ очи изъ подъ надвинутыхъ на брови медвежьихъ шапокъ. Когда во время маневрovъ войска строили каре, то Французская гвардія становилась обыкновенно со стороны *Понарскихъ горъ* и *Кальваріи*, Голландская со стороны *Антоколя*. Наполеонъ объѣзжалъ ряды своихъ воиновъ, и всякой полкъ при приближеніи своего Государя привѣтствовалъ его громогласнымъ: *Vive l'Empereur*! Каждому солдату позволено было относиться со своею просьбой прямо къ Наполеону. Солдатъ имѣвшій просьбу, выступалъ на два шага

изъ фронта и Наполеонъ самъ вынималъ просьбу изъ складокъ кивера. По этому не удивительно, что солдаты обожали Наполеона. Бонапарте, проживая въ Вильнѣ, почти всякой день ѣздилъ верхомъ со своею свитою на прогулку. Любимый его гвардейскій полкъ, квартировавшій въ Университетѣ привѣтствовалъ его при этихъ прогулкахъ радостными восклицаніями. Наполеонъ задумчиво ѣздилъ по *Понарскимъ* горамъ. Часто, занятый мыслями, вертѣвшимися въ его головѣ, и опустивъ поводья своей лошади, взбирался онъ на гору *Бекешовую* и *Трехъ—крестовую*. Часто маршалы, его окружавшіе, потерявъ Наполеона изъ виду, скакали во всю прыть по горамъ, отыскивая его.

Наполеонъ во время своего пребыванія въ Вильнѣ былъ только однажды на блистательномъ балѣ, данномъ вельможею Польскимъ, Пацомъ. Наполеонъ пріѣхалъ къ нему въ домъ въ каретѣ, окруженной двадцатью гренадерами своей гвардіи; при немъ находились: Коленкуръ, Дюрокъ и Шамберлякъ. Въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца, Наполеонъ со всѣми войсками, неисключая и Польскихъ, оставилъ Вильну и пошелъ въ слѣдъ за своею арміею.

Перенесемся теперь въ Декабрь мѣсяцъ 1812 г. въ то время, когда завоеватель Европы, послѣ пагубной переправы черезъ Березину, мчится въ жидовскихъ саняхъ къ Вильнѣ, преследуемый Козаками. Наполеонъ назначилъ Комендантомъ Вильны генерала Шарбопа. Еще до прибытія Наполеона въ Вильну пришло нѣсколько тысячъ его гвардіи подъ начальствомъ Маршала Лефевра. Прибывъ въ Вильну, Наполеонъ не въѣхалъ въ городъ, опасаясь, какъ говорятъ, ярости своихъ войскъ; но, проѣхавъ *конской базаръ*, онъ отправился прямо на *Погулянку* и тамъ остановился. Въ Вильнѣ тогда былъ герц. Бассано. Наполеонъ послалъ за нимъ. Узнавъ, что Наполеонъ въ городѣ, Генералъ Шарбонъ и всѣ чиновники, бывшіе въ Вильнѣ, бросились на *Погулянку*. Наполеонъ сидѣлъ въ саняхъ въ своей треугольной шляпѣ, но сверхъ его сѣраго сюртука надѣта была соболья шуба. При немъ находилось нѣсколько Польскихъ улановъ. Переговоривъ съ Герцогомъ Бассано, Наполеонъ отправился далѣе. Прибывшія въ Вильно французскія войска были въ ужаснѣйшемъ положеніи. Онѣ остановились большею частію въ Университетѣ. Сострa-

дательные приносили имъ пищу. Ужасный видъ представлялся ихъ взорамъ; въ просторныхъ залахъ Университета лежали кучи мертвыхъ и живыхъ людей; одинъ уже умеръ, другой испускаетъ въ судорожныхъ движеніяхъ послѣднее дыханіе; третій еще живой, стараясь высвободиться изъ подъ мертвыхъ тѣлъ, которыми онъ придавленъ, кричитъ охриплымъ голосомъ: *Monsieur, хлѣба!* На бульварѣ передъ ратушею, поставивъ свои ружья въ козлы, грѣлись около пылающихъ костровъ Баварцы. Нѣкоторые изъ нихъ, всунувъ ногу или руку въ костеръ, умирали, судорожно сжимая въ своихъ объятіяхъ головню. Въ самой ратушѣ также были разложены огни и около нихъ грѣлись люди со всѣмъ нагіе, живое подобіе ада; эта картина достойна была руки *Микель-Анджелло*. Всѣ улицы были наполнены солдатами разныхъ націй, которые ругали Наполеона на всѣхъ Европейскихъ языкахъ самыми площадными словами. Французскіе, которыя могли еще итти, оставили Вильну, предавъ огню всѣ остальные фургоны.

Богъ наказалъ завоевателя Европы, пожертвовавшаго нѣсколькими милліонами людей сво-

ему честолюбію и гордый Корсиканецъ, которому мало было половины Европы, нашелъ свой конецъ на скалѣ, среди безбрежнаго океана!

А. Бронскій Вил. Двор. Инст.

БЫЛЬ.

Ужъ побѣдилъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой.

А. Пушкинъ

Грызя перо сидѣлъ я задумчиво, напрасно ожидая воодушевленія. Вдругъ, какъ молнія, блеснула счастливая мысль въ моей головѣ, я вспомнилъ одно происшествіе, которое мнѣ разсказывалъ братъ мой, гусарскій офицеръ.

Вечеръ былъ прохладный; ночная тѣнь легла уже на кровлю почтоваго двора мѣстечка Щучина. Вдругъ вдали раздался валдайскій колокольчикъ, онъ то звенѣлъ, то молчалъ, то заливался, то опять былъ чуть слышенъ. Чрезъ нѣсколько времени по пыльной дорогѣ показалась брычка запряженная тройкою ухорскихъ лошадей. Въ ней сидѣлъ офицеръ, лѣтъ тридцати, закутанный въ бурку и въ мѣховой шапкѣ. Онъ курилъ трубку, и по временамъ пре-

рывалъ молчаніе, разговаривая съ ямщикомъ, который насвистывалъ пѣсню. Иванъ, слуга офицера, соскучивъ слушать пѣсню ямщика, задремалъ отъ заунывныхъ ея переливовъ.

„ Какъ называется эта станція? “ спросилъ офицеръ у извощика.

— Щучинская, ваше благородіе, отвѣчалъ ямщикъ;

Эхъ вы милыя, примолвилъ онъ, приударивъ плетью лошадей и затянувъ опять свою пѣсню,

„ А какъ зовутъ здѣшняго смотрителя? “ перервалъ опять офицеръ.

Извощикъ вмѣсто отвѣта запѣлъ: *съ горки на горку, дастъ баринъ на водку.*

„ Чтожъ ты, негодяй, мнѣ не отвѣчаешь! “ сказалъ офицеръ, привставъ съ мѣста!

Да вы не изволили меня спрашивать ваше благородіе, отвѣчалъ ямщикъ сильно толкнувъ Ивана, который, зѣвая въ обоихъ значеніяхъ этого слова, пробормоталъ сквозь зубы: „ну что тебѣ? “

Между тѣмъ бричка подъѣхала къ почтовому двору, ямщикъ спрыгнулъ съ облучка; принялся выпрягать лошадей, которыя храпѣли.

Офицеръ не вылѣзалъ изъ брычки. Расплатившись съ смотрителемъ, онъ, не говоря ни слова, завернулся въ свою бурку. Лошадей переложили. Ямщикъ сильно махнулъ плетью и тронулъ лошадей; услышавъ, что достанетъ рубль на водку, онъ приосанился, гаркнулъ, свиснулъ, затянулъ пѣсню, пыль взвилась и былъ таковъ. Выѣхавъ за околицу онъ сталъ придерживать лошадей, но лишь только они вошли въ густой сосновый лѣсъ ямщикъ потянулся шагомъ.

„Поѣзжай скорѣе,“ сказалъ угрюмо офицеръ.

— Нельзя ваше благородіе, пробормоталъ ямщикъ, лошади устали, всѣ подъ пѣной.

Офицеръ не отвѣчалъ ни слова. Проѣхавъ десять верстъ ямщикъ сталъ.

„Чего ты остановился,“ спросилъ офицеръ, „ступай!“

— Постромка разорвалась, ваше благородіе, отвѣчалъ ямщикъ, слѣзая съ облучка.

Чрезъ нѣсколько времени онъ сѣлъ на свое мѣсто и бричка опять двинулась. Между тѣмъ лѣсъ становился все гуще и гуще, тамъ все было тихо. Проѣхавъ еще верстъ пять, ямщикъ своротилъ съ большой дороги на проселочную. Офицеръ догадался, что тутъ что то

кроется; онъ не стерпѣлъ, сильно схватилъ за воротъ ямщика и закричалъ: „послушай бездѣльникъ, ежели ты задумаешь что нибудь и завезешь меня въ какую нибудь трущобу, то клянусь Богомъ, разрублю тебѣ башку!“

Никакъ нѣтъ ваше благородіе, отвѣчалъ ямщикъ, здѣсь большіе пески, такъ этой дорогою всѣ добрые люди ихъ объѣзжаютъ.

„Ну смотри,“ проговорилъ офицеръ, выпуская ямщика, который жалобно пищалъ въ его рукахъ.

Долго они ѣхали въ молчаніи. Офицеръ вынулъ часы: стрѣлка подвигалась къ 12; онъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на ямщика, который протяжно напѣвалъ пѣсню. Вдругъ подпруга у подсѣделки пристяжной лопнула и ямщикъ остановилъ лошадей.

„Что это у тебя сегодня все рвется? закричалъ съ яростію офицеръ; Иванъ, пособи ему подвязать эту проклятую подпругу, намъ нужно скорѣе стать на мѣсто.

Извощикъ не отвѣчалъ ни слова, слѣзъ съ облучка, вмѣстѣ съ Иваномъ и закаркалъ воронomъ; ему отвѣчали въ лѣсу тѣмъ же. Офицеръ вздрогнулъ, рука его не вольно упала на

рукоятку сабли и онъ выпрыгнувъ изъ брычки, подбѣжалъ къ ямщику, который все еще каркалъ

„ Что это значитъ?

Ничего,— отвѣчалъ запинаясь ямщикъ, это такъ для забавы, я люблю воронов.

„ Такихъ же какъ ты самъ,“ сказалъ офицеръ, обнаживъ саблю.

Вдругъ въ близкомъ разстояніи раздалось карканье ворона; валежникъ затрещалъ и послышались шаги многихъ людей, къ нимъ приближающихся. Сабля блеснула въ воздухѣ и ямщикъ съ разрубленною головою, хрипя, повалился на землю. Иванъ, думая что это все дьявольское навожденіе, творилъ про себя молитву, прислонясь къ огромной соснѣ.

Въ это время часы пробили двѣнадцать! Офицеръ, не теряя времени, вскочилъ въ брычку, плашмя ударилъ саблею по лошадямъ и поскакалъ во всю прыть на станцію.

Куда же дѣвался Иванъ? очевидно онъ попался въ руки разбойниковъ. Это было такъ: когда офицеръ, услышавъ трескъ въ лѣсу, догадался, что это разбойники, разрубилъ голову ямщику, и вскочилъ въ брычку, Иванъ хотѣлъ

тоже сѣсть, но тронувшаяся брычка, толкнула его такъ сильно, что онъ почти безъ чувствъ, отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ; наконецъ очнувшись, онъ началъ кричать, но голосъ его не доходилъ до ушей офицера, гнавшаго изъ всей силы лошадей. Онъ глазами провожалъ брычку, которая въ скоромъ времени въ пыли исчезла изъ виду. Между тѣмъ толпа разбойниковъ съ крикомъ и проклятіями выбѣжала изъ лѣсу; видя удаляющуюся брычку, они дали по ней нѣсколько выстрѣловъ. Но офицеръ былъ уже такъ далеко, что выстрѣлы до него не долетали. Испуганныя лошади несли его вплоть до самой станціи. Между тѣмъ разбойники высѣкли огонь, и при свѣтѣ его увидѣли ямщика, распростертаго на землѣ съ разрубленною головою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣлъ Иванъ, притаясь за деревомъ и, дрожа, творилъ про себя молитву. Картина была ужасная. На дорогѣ трупъ съ разрубленною головою, кровь ручьями течетъ, онъ заливается ею. Близъ него огонь, бросающій слабый свѣтъ на окружные предметы. Звѣрскія лица разбойниковъ, ихъ разноцвѣтная одежда, крики, все это придавало видъ ужасный и дикій.

Исполинскія сосны и ели бросали свою тѣнь на окружные предметы и далеко ложились по дорогѣ; наконецъ луна изъ разодранныхъ облаковъ какъ бы съ отвращеніемъ взглянула на эту ужасную картину.

„ Давно бы тебѣ, зловѣщая птица, надо отправиться къ черту,“ сказалъ одинъ разбойникъ, съ презрѣніемъ толкнувъ ногою трупъ извощика.

Да нѣтъ ли еще кого нибудь здѣсь? сказалъ его товарищъ.

„ Правду говоритъ Выжига,“ сказалъ первый разбойникъ и схватилъ головню.

Выжига послѣдовалъ его примѣру и оба они пошли къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ бѣдной, полуживой Иванъ. Смертная блѣдность покрыла лице его, оно судорожно сжалось. Вся кровь застыла въ жилахъ его. Ноги тряслись; онъ хочетъ бѣжать, но силы ему измѣнили. Жизнь его совершенно была въ рукахъ разбойниковъ. Къ несчастію одинъ изъ нихъ его примѣтилъ.

„ А здорово голубчикъ,“ заревѣлъ онъ вытащивъ Ивана за воротъ. Онъ имъ не отвѣчалъ ни слова и вслухъ творилъ молитву.

„ Небось голубчикъ!“ адски примолвилъ

Выжига, „ отъ этихъ чертей не отдѣлаешься ни крестомъ, ни пестомъ.“

„ На осину его, на осину!“ подхватили многіе разбойники.

„ Да кстати“ примолвилъ Выжига, „для него у меня есть и веревка?

„ Давай ее сюда,“ закричалъ басомъ одинъ разбойникъ.

Выжига сдѣлалъ на одномъ концѣ веревки петлю, и не смотря на просьбы и моленія Ивана, наложилъ ее несчастному на шею и подвелъ къ осинѣ. Одинъ изъ разбойниковъ влѣзъ на дерево и потянулъ его вверхъ. Сначала несчастный стоналъ, потомъ захрапѣлъ и испустилъ послѣдній духъ. Поругавшись надъ останками несчастнаго, разбойники удалились въ лѣсъ.

На другой день мужики, шедшіе на работу сняли съ дерева несчастнаго слугу, и предали землѣ, а рядомъ съ нимъ и ямщика.

На пятнадцатой верстѣ отъ Щучинской станціи, видны и теперь кресты, поставленные на могилахъ несчастныхъ.

А. Бронскій, Вил. Двор. Инст.

ЕВРЕЙСКАЯ ПАСХА.

(Могилевское преданіе).

Не стая воронов слеталась
На груды тлѣющих костей,
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.

А. Пушкинъ.

Востокъ облеченъ былъ въ туманъ. Западъ рдѣлъ пурпуромъ, который обливалъ кровавымъ свѣтомъ кровлю постоялаго двора, стоявшаго одиноко въ страшной глуши на Могилевской дорогѣ. Происшествіе, мною описываемое, было не задолго до Еврейской пасхи. Этакъ, часу въ десятомъ вечера, молодой семинаристъ, возвращающійся въ Могилевъ послѣ масляницы, остановился у постоялаго двора. Онъ самъ управлялъ рыженькою лошадкою, отъ которой паръ валилъ клубами, а убѣленные иней на ноги и грива, доказывали, что она много ушла въ этотъ день. Семинаристъ вышелъ изъ саней и по глубокому снѣгу доплелся до избы. Войдя въ нее онъ увидѣлъ, что она биткомъ набита жидами вся-

каго возраста и пола, и ни одной христіанской души— это его встревожило. Семинаристъ спросилъ у хозяина, можетъ ли онъ отвести ему комнату для ночлега. Хозяинъ, мущина лѣтъ тридцати, въ черной запачканной ермолкѣ, съ предлинными пейсами, поглаживая свою рыжую бороду, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ, что у него есть очень спокойная комната, и тотъ часъ повелъ въ нее путника. Семинаристъ пошелъ за нимъ, и черезъ нѣсколько времени они очутились въ довольно чистой горенкѣ. Жидъ оставилъ его, пренизко поклонившись, и пожелавъ, съ лукавою улыбкою, доброй ночи; въ этой улыбкѣ докторъ Лафатеръ могъ бы прочесть всю злобу черной души. Но путникъ нашъ не обратилъ на это никакого вниманія, и поставилъ свою лошадку подъ навѣсъ, задалъ ей корму, потомъ возвратившись въ горницу раздѣлся и легъ спать. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ его, онъ слышалъ въ сосѣдней комнатѣ крики, восклицанія, хохотъ, и стопы. Наконецъ природа взяла свое, и онъ уснулъ..... Но сонъ его былъ безпокоенъ: ему грѣзились страшныя видѣнія. Вдругъ онъ былъ пробужденъ скрипомъ дверей! открывъ глаза, онъ увидѣлъ вы-

глядывающую изъ дверей голову со всклокоченною бородою, которая вѣроятно принадлежала одному изъ потомковъ Іуды, два сѣрые глаза свѣтились какъ у кошки.

Черезъ минуту, пробормотавъ сквозь зубы: *Нохъ ну фри* (Noch zu frie) она исчезла, на мѣсто ея появилась другая, потомъ третья, четвертая и такъ далѣе. Всѣ бормотали шопотомъ: *Эсъ истъ нохъ нихтъ цейтъ* (Es iſt noch nicht Zeit). Нашъ Семинаристъ, хотя учился на мѣдныя деньги, однакожъ это понялъ. Онъ притворился спящимъ и храпѣлъ какъ можно громче. Бѣдный Семинаристъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ на своей изломанной кровати. Еще было долго до разсвѣта; въ комнатѣ царствовалъ мракъ, глаза его слипались. Ему показалось, что по комнатѣ прыгаютъ какія то чудовища, горланившія во всю глотку. Ему видѣлась между ними бочка съ гвоздями, въ которую Евреи сажаютъ Христіанскія жертвы, для полученія крови на свою *Мацу* (тѣсто, которое жиды ѣдятъ во время пасхи), которую, какъ говорятъ простолюдины, пекутъ они съ Христіанскою кровью. Ему представилось, что всѣ взоры обратились на него, раздаются крики:

вотъ Христіанинъ, вотъ Христіанинъ! чудовища бросаются къ нему съ яростію, его тащатъ, сажаютъ въ роковую бочку, онъ вскрикиваетъ..... и ..... пробуждается! все тихо! мракъ царствуетъ по прежнему; фантастическій лучъ мѣсяца проникнувъ сквозь замерзшія стекла, освѣщаетъ часть стѣны. При одномъ воспоминаніи, что ему предстоитъ Регулова смерть' кровь заклокотала въ его жилахъ и ознобъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ. Онъ отчаявался въ своемъ спасеніи, и хотѣлъ предать себя на волю судьбы, какъ вдругъ счастливая мысль блеснула въ его головѣ: уйти потихоньку! не возможно! если жиды хотятъ его умертвить, то вѣрно уже сторожатъ его, какъ скупецъ золото. Но Семинаристъ не отчаявался въ спасеніи и наконецъ рѣшился на послѣднее средство: онъ надѣлъ чулки, нижнее платье, набросилъ на себя халатъ и показывая видъ, что хочетъ выттти, прокрался подъ навѣсъ какъ татъ ночный. Все тихо! только въ одномъ углу блеститъ красноватый свѣтъ отъ свѣчи. Это одинъ изъ Евреевъ починиваетъ изорванную збрую. Семинаристъ, чуть переводя дыханіе, подкрался къ лслямъ, влѣзъ на нихъ; вотъ цѣпляется онъ

за балку и это удалось; утвердившись на ней и не смѣя дохнуть, старается онъ вскарабкаться далѣе; потъ градомъ катится съ него, вотъ взбирается онъ все выше и выше, судорожно цѣпляясь за каждое выдавшееся бревно! кровь течетъ изъ рукъ его. Вдругъ онъ обрывается, еще мигъ!... и летитъ стремглавъ внизъ. Прощай Божій свѣтъ! къ счастію халатъ его зацѣпился за одно изъ выдавшихся бревенъ и онъ удержался. Жидъ, услышавъ шумъ, вздрогнулъ и пробормоталъ сквозь зубы: *герстъ ду* (Hörst du), взялъ свѣчу и пошелъ къ яслямъ. Семинаристъ, скорчась въ три погибели, лежитъ въ яслахъ. Жидъ медленно подходитъ. Ужасъ объемлетъ Семинариста; онъ считаетъ мгновенія. Сердце его сильно бьется. Жизнь виситъ на волоскѣ, жидъ прищуривъ глаза и помахивая свѣчею посмотрѣлъ на ясли и повторивъ еще разъ: *герстъ ду*, ушелъ на свое мѣсто. Семинаристъ снова начинаетъ карабкаться. Руки его истекаютъ кровью; стѣна, по которой онъ лѣзетъ, обагрена ею. Онъ подвигается все выше; наконецъ, сдѣлавъ еще одно, почти не человѣческое усиліе, достигаетъ вершины кровли, и чрезъ одно отверстіе въ соломѣ, вылѣзаетъ на

наружную ел сторону. Скатился кубаремъ съ крыши, увязъ по уши въ снѣжной постелѣ. Наконецъ, высвободившись изъ нее, онъ бѣжитъ безъ оглядки по Могилевской дорогѣ. Снѣгъ хруститъ подъ его ногами, онъ боится собственныхъ шаговъ.

Ему чудится, будто за нимъ кто-то гонится, онъ удвоиваетъ свои усилія; не бѣжитъ, а летитъ, задыхается.... падаетъ.... и опять бѣжитъ безъ оглядки.

Исполинскія сосны, убѣленныя инеемъ, какъ будто старики, украшенные сѣдинами, бросаютъ свою гигантскую тѣнь на дорогу. Яркій снѣгъ блеститъ милліонами звѣздочекъ, и луна плыветъ лѣниво въ туманныхъ небесахъ.... вдругъ слышится гулъ!... вотъ опять исполинскій конскій топотъ!. все ближе и ближе, громче и громче!... вотъ можно различить неистовые крики!... нѣтъ сомнѣнія; то жиды.

Бѣглецъ напрягаетъ свои послѣднія силы. Топотъ становится явственнѣе, погоня приближается!.. Въ изнеможеніи онъ падаетъ на снѣгъ... Вдругъ страшные вопли раздались въ недальнемъ разстояніи! мысль объ ужасной бочкѣ придаетъ ему сверхъ— естественныя силы: онъ вста-

етъ и видитъ предъ собой сугробъ; счастливая мысль! и онъ бѣжитъ къ сугробу и со всего размаха вскакиваетъ въ него такъ, что слѣдъ его теряется. Полумертвый сидитъ онъ въ снѣгу, ожидая всякую секунду смерти. Вдругъ яркій свѣтъ блеснулъ изъ за угрюмыхъ сосенъ и разостлался кровавымъ покрываломъ по снѣгу. Цѣлая ватага жидовъ въ изорванной одеждѣ со всклокоченными волосами, держа въ рукахъ пылающія головни, выскочила на дорогу, проклиная всѣхъ Христіанъ вмѣстѣ и каждаго въ особенности! Казалось, что сатана со своими демонами, явился передъ полумертвымъ семинаристомъ во всемъ своемъ адскомъ величіи. Подскакавъ къ сугробу, жиды остановились и видя, что слѣдъ теряется, разсыпались въ разныя стороны; долго мелькали по лѣсу головни, какъ блудящіе огоньки; долго раздавались ихъ неистовые крики; эхо, казалось съ ужасомъ повторяло ихъ. Стаи зловѣщихъ вороновъ, пробужденныя, конскимъ топотомъ, съ карканьемъ летали надъ головою Семинариста. Они казались ему предвѣстниками гибели. Вдругъ жиды, испустивъ жалобный вопль, потрясшій всю внутренность семинариста, помча-

лись со всѣхъ сторонъ на дорогу. Тогда не счастному страдальцу казалось, будто:

Топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!

Выбравшись на дорогу, жиды произнеся еще залпъ проклятій на Христіанъ, съ пронзительными жалобными воплями, съ пискомъ и визгомъ и съ завываніями пустились въ обратный путь въ корчму. Долго еще слышался конскій топотъ и отдаленный говоръ; наконецъ все затихло.

Между тѣмъ утренняя заря озолотила востокъ, и по словамъ одного нашего юнаго поэта:

Свѣтило дня, восторгъ очей
Встаетъ въ кровавой ризѣ безъ лучей.

При взглядѣ на него надежда ожила въ сжатомъ отъ страха сердцѣ семинариста. Онъ вылѣзъ изъ снѣга и началъ смотрѣть на дорогу, въ надеждѣ увидѣть кого нибудь изъ проѣзжихъ. Предъ нимъ открылась великолѣпная картина: золотая аврора залила своимъ свѣтомъ лѣса и горы. На западѣ, какъ ситцевая пелена, волновались туманы; они мало по малу начали исчезать; звѣзды тухли одна за другою и

черезъ нѣсколько времени зимнее утро явилось глазамъ семинариста во всемъ своемъ блескѣ. Но онъ съ радостію отдалъ бы всѣ небесныя свѣтила за то, чтобы ему быть теперь въ Могилевѣ, въ теплой комнатѣ. Руки и ноги его окостенѣли, и халатъ плохо его защищалъ отъ стужи. Въ это время послышался скрипъ саней, и черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ мужичка, который везъ сѣно. Семинаристъ въ избыткѣ радости выскочилъ изъ сугроба и сталъ просить крестьянина, чтобы онъ отвезъ его въ ближайшее селеніе. Мужичекъ зарылъ его въ сѣно, и къ полудню они прибыли, безъ всякаго приключенія, въ обширное село. Ѳедоръ (такъ звали мужичка) отвезъ семинариста прямо къ старостѣ, которому онъ разсказалъ свое приключеніе. На другой день онъ отправился въ Могилевъ и схватилъ со страха такую горячку, которая чуть не свела его въ гробъ.

А. Бронскій Вил. Двор. Инст.

В Е Ч Е Р Ъ

У АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ПОРУЧИКА.

Все было тихо, лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ.

А. Пушкинъ.

Былъ вечеръ. Черныя тучи толпились по небу. Густой осенній дождь стучалъ въ стекла, какъ будто запоздалый путникъ ища пріюта, чтобы укрыться отъ мрака ночи. На Ивановской башнѣ пробило 10, городъ спитъ. Изрѣдка только лай собаки нарушаетъ тишину, да протяжное слуша-ай часовыхъ.

Вдругъ по мостовой Неслинской улицы пронеслись дрожки.

„Стой! закричалъ Офицеръ сидѣвшій въ нихъ, когда ямщикъ поровнялся съ небольшимъ слабоосвѣщеннымъ двухъ-этажнымъ домомъ поручика Дульскаго.

— Прикажете обождать ваше благородіе? спросилъ ямщикъ. Вмѣсто отвѣта Офицеръ ми-

гомъ взбѣжалъ на лѣстницу и чрезъ минуту очутился въ комнатѣ Поручика.

„Ба — пріятель! закричали всѣ, бросившись Капитану на встрѣчу. Откуда ты почтеннѣйшій? какіе тебя вѣтры занесли въ наши стороны? да нуже отвѣчай, что ты смотришь такимъ Сентябремъ?

„Уфъ! дайте мнѣ перевести духъ, братцы! Признаюсь я промокъ до самаго мозга, такъ мнѣ право и не въ память откуда я.“

— Ну такъ мы просушимъ тебя какъ можно лучше; отвѣчалъ Поручикъ — Эй Бѣляновъ, самоваръ!

„Ну вотъ теперь здравствуй коли хочешь, сказалъ Капитанъ, обнимая своего друга и вѣжливо кланяясь всѣмъ присутствующимъ.

— А, матушкинъ сынокъ! ты, чай изъ Москвы? спросилъ Полковникъ подавая руку Измайловцу, а мы братъ тутъ и корни пустили. Ну что твои Ладины?

„Я разлюбилъ и поссорился съ ними на вѣкъ, отвѣчалъ разсѣянно Капитанъ и.....

— И надѣюсь прервалъ Полковникъ, что весь свой гнѣвъ ты растерялъ по кочкамъ и буграмъ, пока сюда доѣхалъ?

„О нѣтъ, я на этотъ счетъ твердъ какъ русской штыкъ.

— Да полно те вамъ! нашли о чемъ толковать; забытая любовь, это погасшій пламень, сказалъ Поручикъ.

„Такъ по твоему, твое самолюбіе есть самосожженіе? спросилъ Полковникъ, а я говорю, что забытая любовь — вексель — не такъ ли?

— Да будетъ по вашему, кто на старшаго рукой, тому рука полокоть долой — отвѣчалъ смѣясь Поручикъ.

„Садись ка, дорогой гость! продолжалъ онъ обращаясь къ Капитану, да отогрѣйся за самоваромъ, а послѣ ужъ пожалуй за свои проказы.

Капитанъ сѣлъ. Всѣ послѣдовали его примѣру. Комнату освѣщали двѣ сальныя свѣчи въ жестяныхъ подсвѣчникахъ. Длинныя изломанныя фантастическія тѣни отъ софъ, стульевъ, растягивались по полу и ложились на стѣнѣ боковой комнаты; густой табачный дымъ раскатывался волнами; словомъ уборъ всей комнаты былъ простъ, скученъ и однообразенъ, но за то веселость лицъ придавала всемужизнь. Разпросамъ, отвѣтамъ не было конца, всѣ кри-

чали, смѣялись, пили и курили трубки (это существенный, хотя очень пошлый признакъ всякой Офицерской бесѣды). Кучи гусарскихъ и армейскихъ правоученій, доморощенныхъ проказъ, шутокъ, остротъ, сыпались градомъ совсѣхъ сторонъ, но бесѣда скоро превратилась въ мертвое молчаніе, прерываемое изрѣдка кашлемъ чахоточнаго Университетскаго кандидата. Полковникъ задумался и считалъ свои безконечные усы, какъ бы желая пробудить давно усыпленныя мечты. Дульскій насвистывалъ какую-то закоптѣлую казарменную арію, выбивая пальцами по столу тревогу. Городничій похожій на Мильтонова бѣса, растянулся на софѣ, философически сложивъ руки на грудь и погрузивъ небритую бороду въ галстухъ, усердно спрягалъ глаголъ сапѣть. Закатьевъ, какъ лихой морякъ не забывалъ нагружать себя заповѣднымъ, вѣрнымъ по словамъ его, лекарствомъ отъ цынги. Альтонскій спалъ богатырскимъ сномъ.

—„Господа! прервалъ Полковникъ всеобщую тишину, мы вѣрно играемъ въ молчанку.

Всѣ приподнялись. „Тьфу пропасть произ-

несъ Измайловецъ, какъ я порядочно всхрапнулъ.

—„Ой пане Капитане! много прогориваешься во снѣ, бьюсь объ закладъ, ты вѣрно заносилъ себѣ сердце, сказалъ Полковникъ; не правда ли?

„Ахъ Полковникъ, этотъ сонъ, что ты говоришь, съ нѣкотораго времени не оставляетъ меня ни днемъ, ни ночью и всегда бываетъ вѣрнымъ моимъ спутникомъ

—„Ну такъ чтожъ?

„Ну то, что это не сонъ, а правда.

—„Правда, прервалъ смѣясь Полковникъ, не стыдно ли человѣку нашего вѣка вѣрить въ сны и другія причуды. Сонъ что? игра воображенія, тревожность духа, нездоровье, вотъ и все тутъ.

„Да это былъ когда то сонъ, но въ послѣдствіи онъ облекся въ наружныя формы чувственныя и сдѣлалъ во мнѣ такое впечатлѣніе, какъ нѣкогда въ Карлѣ XI. во дворцѣ Стокгольмскомъ.

„Соглашусь съ тобой, но я никогда не вѣрую въ сны.

„И теперь не вѣришь? Нѣтъ, Смѣльскій,

произшествіе случившееся со мною и братомъ, (которое я, ежели вамъ угодно разскажу), доказываетъ, что есть тайныя предчувствія души, что и во время сна она бодрствуетъ въ насъ часто сильнѣе даже, чѣмъ на яву: и впечатлѣнія эти навсегда остаются въ насъ вырисованы яркими красками и никогда неизглаживаются изъ памяти. Спросите же теперь у ученыхъ, пусть разгадываютъ сердце человѣческое.

Скоро вмѣшались въ разговоръ Закатьевъ, корнетъ Альтонскій, Университетскій Кандидатъ и Городничій. Вниманіе всѣхъ попеременно обращено было на разскащика. Городничій слушалъ развѣсивъ уши и не могъ въ эту общую смѣсь разговоровъ бросить ни одного пула, потому, что онъ отъ роду не читывалъ ничего, кромѣ городоваго положенія.

„ Ну вотъ видите, и въ ученыхъ есть свои причуды, сказалъ Альтонскій, когда разсказчикъ пересталъ говорить.

„ Вотъ напримѣръ славный человѣкъ, а пречудакъ этотъ-то ..... напъ философовъ, какъ его ..... вѣритъ снамъ, за блага земныя не пойдетъ вамъ вечеромъ на кладбище и Богъ

знаетъ что, а кажись всю ученую пыль проглотилъ, какъ пилюлю.

„ Что ни говорите, Господа, опять замѣтилъ капитанъ Измайловскаго полка, беспечно качаясь на стулѣ, а я вѣрю въ нѣкоторые сны и знаю, есть что-то тайное неразгаданное въ природѣ, чего.....

„ А я, прервалъ кандидатъ Университета, протирая очки, столько вѣрю въ эти бредни, сколько въ магнетизмъ.

Такъ, съ-всеконечно; это да-съ это воображеніе удивительно .... отозвался городничій, заикаясь при каждомъ словѣ, и сдѣлавъ на концѣ предлинную паузу.

Всѣ усмѣхнулись.

„ А я тогда только повѣрю этому, подхватилъ загорѣвшій отъ солнечныхъ лучей приниэистый морякъ, покручивая черные усы, когда Финскій заливъ превратится въ самый лучшій Ямайскій ромъ, а Нева въ Мадеру.

„ Ого! да ваши условія Капитанъ несбыточны, произнесъ статный молодой корнетъ Гусарскаго полка, раздувая клубы дыма выходящія изо рта.

„ Такъ, несбыточны, какъ вѣроятны сны и

мертвецы, отвѣчалъ въ свою очередь морякъ, я, покрайней мѣрѣ, послѣ хорошей бури, гдѣ и горлу и рукамъ вдоволь, промерзши до костей, какъ завижу рюмку, то сердце у меня такъ и скачетъ; чарку, другую жизненной водицы и все забыто! тогда подавай намъ на перекличку сотни чертей, вѣдьмъ и мертвецевъ, всѣхъ заставлю ихъ работать помпами въ случаѣ течи, и плясать завируху, хоть будь девятый валъ.

„ Господа! произнесъ Полковникъ, закуривая трубку съ предлинным чубукомъ; кстати заговорили о снахъ, привидѣніяхъ; для препровожденія времени пусть каждый по очереди разскажетъ любопытный случай изъ своей или чужой жизни, оно хоть не ново, да благо ужъ готово.

Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ закричали всѣ.

„ Ну Г. Вельжскій, пусть-ка за вами очередь, разскажите свое произшествіе, тогда мы увидимъ на чемъ основывается ваше вѣрованіе въ сны.

Просьбы, какъ обыкновенно, саранчою посыпались на Измайловскаго Офицера.

„ Я признаюсь не обладаю большимъ крас-

порѣчіемъ, т. е. не ораторъ, сказалъ оправившись капитанъ, но быть такъ, разскажу вамъ не любопытное произшествіе, но замѣчательное тѣмъ, что оно истинное, и какъ вы увидите, случилось со мною и братомъ.

„ И дѣло! примолвилъ Полковникъ.“ Прекрасно! такъ начинайте же закричали всѣ съ примѣтнымъ удовольствіемъ и стулья съ грохотомъ придвинулись поближе къ разсказчику. Городничій, бывшій досель въ почтительномъ отдаленіи, вытянувъ журавлиную шею притащилъ и свой стулъ, и усѣлся неподвижно какъ стражъ Эллорскихъ храмовъ.

Въ это время отворились двери и въ комнату вошелъ докторъ, закутанный въ широкій плащъ.

„ А, здравствуйте, почтеннѣйшій, Христоферъ Карловичъ-медовыя уста! закричали всѣ въ одинъ голосъ; садитесь, будете гость! Тутъ всѣ выпили, какъ обыкновенно, за здоровье медицины, и скоро опять все пришло въ прежній порядокъ. Разскащикъ началъ.

„ Надобно вамъ сказать, милостивые государи, что братъ мой былъ Маіоръ, человѣкъ умный, откровенный, лихой весельчакъ, много

ѣлъ, еще больше пилъ, а больше всего любилъ баклуши бить. Я хоть нѣсколько и отступлю отъ дѣла, но долженъ кратко разсказать исторію его жизни. По окончаніи погрома 1812 года, когда французы, видно не полюбивъ Русскаго пороху, старались подобру да поздорову поскорѣе убраться въ свою Францію; отецъ мой, добрый, храбрый воинъ, посѣдѣвшій въ бояхъ, окуренный порохомъ, по приказанію долженъ былъ оставить на время Россію, и преслѣдовать съ своимъ полкомъ Наполеона. Чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился на родину съ полдесяткомъ ранъ и съ крестами. Радость наша была невыразима; мать, братъ и я выбѣжали къ нему на встрѣчу и бросились на шею старика; тотъ цѣловалъ насъ, и плакалъ отъ радости, какъ дитя. Онъ хотѣлъ теперь отдохнуть въ тишинѣ среди семейства, но Богу, видно, не угодно было этого; чрезъ два года мать наша слегла въ постель и скоро умерла: мы остались полу-сиротами. Отецъ воспитывалъ насъ, какъ могъ, жертвовалъ всѣмъ; еще какъ теперь помню, не рѣдко говаривалъ: „ дѣтушки молитесь Богу, учитесь; все мое имѣніе, которое я долженъ вамъ отдать, есть воспитаніе; пой-

дете въ службу, знайте, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ, вы тамъ найдете свое счастіе. "

Братъ на пятнадцатомъ, я на двѣнадцатомъ году были отданы въ Кадетскій корпусъ. Насъ окружали кадеты все товарищи, однокашники. Тамъ въ кругу общественной жизни, мы мало по малу отвыкли тосковать по матери, но не забывали приказаній отцовскихъ, учились, что называется на славу. Товарищи часто подтрунивали надъ нами, называли насъ бабами за то, что мы всегда сидѣли за книгами, а начальники не могли нахвалиться отцу; онъ въ свою очередь радовался, видя прокъ въ дѣтяхъ. Такъ текло время, такъ улеталъ годъ за годомъ. Науки наши приходили къ концу. Сабля, шляпа съ перомъ, гусарскій ментикъ, вотъ что безпрестанно занимало наши головы. Вотъ мы получили чины, и изъ рекреаціонной залы корпуса, выступили на поприще свѣта и уже летѣли на родину обрадовать отца. Ну теперь все, сказали мы другъ другу, и рѣшились жить по своему, припѣваючи. У брата и у меня уже пробился усъ и изъ Николи и Саши сдѣлались дюжіе гу-

сары. Я вскорѣ попался въ Измайловскій полкъ, а братъ остался тамъ же. Мы вмѣстѣ пріѣхали въ Петербургъ. Тамъ въ пылу столичной жизни непримѣтно катилось время и насталъ 28ый годъ. Мы сломали походъ въ Турцію, были подъ Варною, Шумлою, братъ былъ раненъ тамъ ружейною пулей въ ногу, а въ 1832 году колокольчикъ съ тройкою ухарскихъ конней огласилъ Невской Проспектъ. Но къ дѣлу.

„ Давно бы пора, эхъ наболталъ цѣлый коробъ! проговорилъ Полковникъ.

Въ 33 году болѣзнь заставила моего брата выпроситься въ домовой отпускъ на цѣлый годъ. Доктора посовѣтовали ему побывать для поправленія здоровья на Кавказскихъ водахъ. Мы выѣхали въ Ставрополь, уже дорога приходила къ концу, а между тѣмъ болѣзнь брата, какъ искра электрическая, быстро разливалась по всему тѣлу. Онъ страдалъ. Ни воздухъ, ни сила дикой природы, ни эти отдаленныя синѣющіяся горы, разостланныя по обѣимъ сторонамъ прекрасныхъ полей, покрытыхъ цвѣтами, не могли развлечь его. Онъ ничего не видѣлъ и только слухомъ ловилъ крикъ пролетающихъ журавлей, или дикой гикъ табуновъ. Къ

счастію дороги осталось только на одни сутки; мы проѣхали Медвѣжьеколодезную, Преградную *), остановились въ домѣ одного зажиточнаго хозяина, и расположились чѣмъ свѣтъ въ дорогу. Надобно вамъ знать, Господа, что между тамошними жителями, часто случаются досужые лекаря, которые самыми простыми средствами вылечиваютъ опасныя болѣзни, особенно раны. Дѣлать нечего и мы прибѣгнули по необходимости къ помощи такого доктора. Комната, въ которой лежалъ мой братъ, была очень проста; на черныхъ стѣнахъ была развѣшана вся исторія Женевьевы Брабантской и заржавѣлый пистолетъ безъ замка, а по бокамъ комнаты нѣсколько инвалидныхъ стульевъ, столовъ и древнихъ лавокъ.

„ Какъ — съ могу доложить .... это, то есть, тамъ кромѣ ратныхъ людей, всѣмъ запрещено имѣть оружіе съ ..... сказалъ запикаясь Городничій.

„ Напротивъ! возразилъ Полковникъ тамъ и земледѣлецъ идетъ на поле и беретъ съ собою

---

*) Двѣ станціи, первая отстоитъ на 95. а вторая на 70 верстъ отъ Ставрополя.

ружье, онъ всегда долженъ быть готовъ преду-
преждать нападенія разбойниковъ, и запретить
защищать свою голову, никто не можетъ, а
тѣмъ болѣе, что у хозяина, какъ изволите слы-
шать Г. Городничій, и пистолетъ безъ замка.

Городничій прикусилъ языкъ, поклявшись никогда и ни во что не вмѣшиваться.

Разсказщикъ продолжалъ:

„ Было уже 11 часовъ ночи. На постояломъ дворѣ все смолкло. Я усталый, изнеможенный заботами, кинулся на кровать и сколько ни старался не спать, природа взяла свое; ресницы, какъ свинцомъ отягченныя, начали смыкаться. Вдругъ волшебные звуки поразили меня. Не скажу былъ ли то очаровательный голосъ флейты или арфы, а не знаю что-то такое, чего на землѣ и не услышишь. Я былъ въ упоеніи. Всѣ чувства, вся жизнь моя, казалось, перелилась въ эти звуки, все бытіе мое расплылось въ нихъ, оно посилось надъ облаками въ раю наслажденій, и вотъ .... гляжу .... темный уголъ комнаты началъ освѣщаться и въ немъ образовался воздушный, небесной красоты, нѣжный какъ розовая зарница призракъ, и природа при всемъ своемъ разнообразіи никогда не создавала

подобнаго существа. Онъ долго стоялъ предо мной, и я жадно пожиралъ взоромъ всякій его взглядъ ..... но вотъ .... какъ бы струна, что то лопнуло, и умирающіе звуки, казалось растаяли въ воздухѣ. Лице моего посѣтителя сдѣлалось мрачно; онъ какъ бы съ укоромъ посмотрѣлъ на меня. Звукъ, на подобіе разбитаго стекла, пронесся по комнатѣ, призракъ исчезъ....

Николай !!! закричалъ кто то въ третьей комнатѣ... я вслушиваюсь .... нѣтъ это не сонъ. Николай!! повторилъ снова отчаяннымъ, слабымъ голосомъ, такъ что казалось, со звукомъ этимъ окончилась его жизнь. Я въ ту же минуту узналъ отчаянный голосъ брата и бросился въ ту сторону, откуда слышался крикъ, сердце мое стучало, тряслось, я самъ не понималъ ничего и бѣжалъ безъ памяти. Во второй комнатѣ братъ полунагой, блѣдный, съ блуждающими глазами споткнулся на меня: Николай! произнесъ онъ чуть слышнымъ голосомъ и какъ трупъ упалъ ко мнѣ на руки...

Можете теперь вообразить мое положеніе. Оставить одного брата, не возможно; призвать кого на помощь, кричать, напрасно, всѣ спятъ,

одинъ только денщикъ услышавъ суматоху съ заспанными глазами вошелъ въ комнату. Съ помощію его мы уложили брата...

„ Ну что съ тобой скажи!“ спросилъ, я когда тотъ пришелъ въ себя и началъ распознавать окружающіе предметы.

„ Ахъ козакъ!.. произнесъ больной дрожащимъ голосомъ, злодѣй! онъ хотѣлъ меня застрѣлить.... онъ здѣсь!....

„ Гдѣ козакъ? просилъ я.

„ Здѣсь я видѣлъ его, въ киверѣ, въ шинели... страшный..... цѣлилъ въ меня, спустилъ курокъ, порохъ вспыхнулъ, но выстрѣла не было, я опрометью бросился къ тебѣ.“

„ Ну такъ это сонъ, успокойся Александръ, сказалъ я, присѣвъ къ нему на постелю. Откуда тутъ взяться козаку, двери заперты на щеколду съ внутренней стороны, а я обшарилъ всѣ углы и нигдѣ никого не видѣлъ.“

„ Но я точно не спалъ, видя дуло направленное прямо въ грудь мою, я не въ силахъ былъ отвести его. “

„ Ну скажите сами господа, я не понимаю, что это такое?“

„ Какъ не понять! произнесъ Альтонскій, это

просто болѣзнь: разстроенное воображеніе облекло призракъ въ видимыя формы человѣка, ему представился козакъ; а кто поручится, что это не была ваша шинель, которую вы пріѣхавши, вѣроятно повѣсили на стѣнѣ.“

„ Ну пусть бы этимъ дѣло и кончилось, тогда бы кто не подумалъ, что это сонъ безъ сомнѣнія. Но слушайте. Чуть запялась заря, часу въ 4 мы уже готовы были къ отъѣзду. Когда проѣхали Безопасное, (*) намъ открылся прекрасный видъ: дикая природа на всякомъ шагу была чувствительнѣе. Кудрявыя, низкія растенія длинными плетеницами вились по обѣимъ сторонамъ дороги и по скатамъ горъ, вдали виднѣлись веселыя Донскія станицы. Нѣсколько козаковъ расположась у самой дороги чистили лошадей и поминутно поглядывали на насъ.“

„ Николай! мнѣ что то подозрительны эти козаки, посмотри, какъ злобно они поглядываютъ, какъ будто бы кого поджидаютъ,“ сказалъ больной, какъ только мы поравнялись съ ними.

Напуганное воображеніе брата, болѣзнь, не

(*) Мѣстечко не далеко отъ Ставрополя.

могла иначе представить этихъ козаковъ, какъ разбойниковъ, изъ которыхъ одинъ явился ему на станціи.

„ Пустое! сказалъ я, это Русской, нашъ братъ, потомокъ тѣхъ славныхъ Запорожцевъ, которые грудью завсегда и вездѣ стояли за Русскихъ; они никогда не будутъ нашими врагами.“

Тутъ я велѣлъ осадить лошадей и распахнувъ шинель, такъ, что бы видны были мои эполеты, спросилъ: „ куда вы ребята?“

„ На Донъ Ваше В..... родіе!“ отвѣчали нѣкоторые изъ козаковъ, и по прежнему принялись чистить своихъ лошадей, другіе же изъ нихъ не приподнимались, какъ будто не замѣчая пріѣхавшихъ. Мы понеслись далѣе. Я никакъ не могъ и думать объ опасности, но братъ, неговоря ни слова зарядилъ свое ружье, и положилъ у себя съ боку. До Ставрополя оставалось не болѣе тридцати верстъ, а уже наступала ночь; дождь накрапывалъ, вѣтеръ шумѣлъ; кругомъ степь, скалы да облака.

Тонкіе туманы подымаясь изъ ущелій положились низко по землѣ, и луна изрѣдка выныривъ изъ — за облаковъ, освѣщала дорогу, по которой чутьемъ неслись дикіе кони.

Верстахъ въ пяти отъ Ставрополя есть страшной глубины крутой оврагъ и чрезъ него лежитъ дорога, а другаго пути нѣтъ. Густой сосновый и лиственный лѣсъ загромоздилъ обѣ стороны ея.

„ Ахъ баринъ, сказалъ ямщикъ, когда мы начали спускаться въ оврагъ, кабы Богъ помогъ намъ унестись изъ этого проклятаго гнѣзда; тутъ такъ не чисто, что Боже упаси! Наголо козаки да Черкесы, такъ и шныряютъ, а зги Божіей не видно, хоть и хотѣлъ бы побарахтаться, такъ лихъ нельзя, темень, а они то и ночью видятъ, словно совы чутки проклятые! ге! ге! ге! ге! “ .....

„ Что ты болванъ орешь! “ сказалъ я: „ подъ носомъ городъ, гдѣ тутъ быть разбойникамъ. “ Я хотѣлъ показаться храбрымъ и нечувствительнымъ ни къ какой опасности болѣе для больнаго, которому такіе разсказы какъ острый ножъ; но признаюсь, чѣмъ дальше забзжали мы въ лѣсъ, тѣмъ глубже боязнь, какъ червякъ чрезъ древесную кору, залѣзалъ мнѣ въ душу.

„ Да такъ это баринъ, вотъ примѣромъ сказать, кабы какіе головорѣзы чмыхнули изъ это-

го лѣса, у насъ то не желѣзные бока, ваше благородіе, отпотчуютъ такъ, что и на Троицынъ день будетъ памятно, проговорилъ ямщикъ.

„ Послушай ты Татарская харя, ежели еще ты отзовешься, то я.“..,

Повелительный тонъ, съ какимъ я прикрикнулъ на ямщика, разумѣется заставилъ его молчать, хотя не хотя. Между тѣмъ мы непримѣтно врѣзались въ такое захолустье, что и Боже упаси! Я увѣряю васъ, что и самый удалый соловей — разбойникъ не согласился бы одинъ жить въ этихъ дикихъ хоромахъ. Вотъ мы уже на днѣ. Кругомъ все тихо, только подчасъ проносился глухой непонятный гулъ по лѣсу, да изрѣдка слышался вой волковъ, или щелканіе злой шакалы, пробѣгающей чрезъ дорогу; глаза ея какъ фонари свѣтились въ темнотѣ. Сердце мое сжалось, не знаю что уже тогда было съ больнымъ, только мною овладѣла какая-то безотрадная грусть, какое-то безотчетное волненіе. По обѣимъ сторонамъ земляная покатистая стѣна, опереная слями; надъ ними узкая полоса неба отрѣзанная краями оврага, на которомъ въ тучахъ купалась лу-

на, и изрѣдка выплывая, освѣщала заглохшую дорогу.

Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ, утесы повторили, сердце мое стукнуло, братъ вздрогнулъ..... ударъ и ударъ посыпался одинъ за другимъ и эхо захохотало въ горахъ. Чрезъ минуту послышалось форканье лошадей; блеснули шашки (сабли) и, изъ-за лѣсу показалось нѣсколько всадниковъ, припавшихъ къ сѣдѣльной лукѣ, какъ бы для того, чтобы ихъ не примѣтили.

„ Охъ баринъ, баринъ посмотрите, мы окружены козаками, или черкесами, *) не легкая ихъ знаетъ; произнесъ шопотомъ ямщикъ, стараясь присунуться поближе ко мнѣ. Братъ повторилъ тоже и молча, блѣднѣя облокотился о спинку коляски. Нельзя было и думать иначе о томъ, что это ночные соколы, и выѣхали не для чего другаго, какъ для разбоя. Сами видите г. г. что положеніе мое было слишкомъ опасное. Но дѣлать нечего! струсить и мнѣ,

---

*) Въ тѣхъ странахъ Козаки тѣмъ только отличаются отъ Черкесовъ, что они носятъ волосы, а Черкесы нѣтъ.

Примѣч. А. Б.

значило безъ бою отдаться въ плѣнъ разбойникамъ, не правда ли? а потому я рѣшился во что бы ни стало, защищаться пока станетъ силъ; обнаживъ саблю, я ожидалъ нападенія. Страхъ придалъ и брату болѣе силы, онъ взвелъ курокъ.

Въ эту самую минуту человѣкъ пять козаковъ, съ гикомъ пронеслись чрезъ дорогу и построившись въ полукарре ожидали, уставивъ дула пистолетовъ прямо въ насъ. Я молчалъ, во все это время потому, что кричать было не зачѣмъ, но когда приложились мы, курки козацкихъ постолетовъ начали стучать объ огнива, но выстрѣловъ не было; къ счастью, замоченный дождемъ порохъ ни какъ не могъ вспыхнуть, и это только можно сказать, спасло нашу жизнь. Бѣшенство мое увеличилось. Я началъ кричать на нихъ, увѣрялъ, что мы тѣ самые Русскіе офицеры, которые проѣзжали днемъ, но напрасно; разбойники и слушать не хотѣли, ни нашихъ чиновъ, ни достоинствъ; переѣхавъ на другую сторону дороги, и ставъ противъ луны, они опять начали щелкать изъ пистолетовъ; такъ продолжалась эта нѣмая ка-

попада болѣе пяти минутъ, но вотъ раздался выстрѣлъ, пуля къ счастію только сорвавъ съ головы брата шапку, вонзилась въ дерево. Я вспыхнулъ отъ ярости. „ Слушайте бездѣльники“ кричалъ я „ежели еще кто нибудь осмѣлится спустить курокъ, то завтра же вороны до свѣта разорвутъ васъ на куски!!“

Въ это время братъ взялъ ружье, приложился, огонь вспыхнулъ, козакъ безъ стона кувыркомъ слетѣлъ съ сѣдла, и лошадь безъ всадника, испугавшись выстрѣла понеслась вдоль дороги. Прочіе, видя смерть своего товарища, не осмѣлились больше испытывать вѣрности пули и мигомъ разсыпались тотъ въ ту, тотъ въ другую сторону.

„ Я какъ будто воскресъ, и могъ уже дышать свободнѣе. Дорога чрезъ цѣлый оврагъ была спокойна. Разумѣется, надо думать, что это были тѣ самые козаки, которыхъ мы встрѣтили днемъ, у самой дороги, и которые возродили въ братѣ моемъ такое сильное подозрѣніе, что тотъ за нѣсколько часовъ еще до этого, уже думалъ объ защитѣ. Вотъ и весь тутъ мой скучный разсказъ. Теперь скажите, мило-

стивые государи, не должно ли почитать нѣкоторые сны, какъ знакъ предчувствій душевныхъ, и не должно ли вѣрить, что душа наша и во время сна часто иногда бодрствуетъ?

„ Да вотъ еще кстати другой, только полюбопытнѣе, случай, пришелъ мнѣ въ голову, то же доказывающій частую правдивость сновъ, но лучше оставить его до будущаго времени.“

„ Благодаримъ единогласно и единодушно за вашъ разсказъ г. Капитанъ! сказали всѣ.“

„ Ну теперь, за вами очередь excellentissime duce, отозвался Кандидатъ, разскажите-ка и вы почтенной публикѣ кое-что.“

„ Да, да, за вами, прервалъ Альтонскій, снимая со свѣчи; милости просимъ.“

„ Съ удовольствіемъ господа, да только не будетъ ли поздно, сказалъ Полковникъ, посматривая на часы, мнѣ далеко еще до квартиры, а дождь какъ изъ рѣшета у бабы, такъ и сыпитъ.“

„ Эхъ полно Полковникъ, это курамъ на смѣхъ! я не знаю какъ можно слышать отъ васъ подобныя извиненія; ужъ не подъ шелковой ли палаткой на коврахъ вы бились ког-

да — то съ Турками, да съ Французами? не думаю.“

„ И я съ охотою скрѣпляю этотъ благой совѣтъ, *зане* спать смерть какъ хочется, сказалъ Закатьевъ.“

„ Ахъ ты моя жемчужина дорогая! куда какъ нѣженъ, спать хочется, пѣть брать видно ты не крѣпко просоленный морякъ, когда боишься полинять отъ осенняго дождя, да и на кораблѣ чай мало знавался съ бурями, а на словахъ куда подумаешь какъ гораздъ; того и гляди, хоть будь пяти пядей во лбу, въ баранiй рогъ загонитъ!

„ Да вѣдь...“

„ Ну, господа, полно вамъ считаться, я говорить готовъ: да чуръ не требовать сладкоразглагольствiя. Я не попугай Китайскiй, и признаться съ роду не заглядывалъ ни въ вашу ученую Реторику, ни въ Логику, а по этому и знаю столько въ ней толку, сколько всякая женщина въ ружьѣ и порохѣ.

Моя исторiя не занимательна, длинна не больше какъ съ солдатскiй мундиръ, а проста какъ штыкъ пѣхотинца. Въ разсказахъ я

вольный козакъ, могу рыскать языкомъ какъ по полю куда глаза глядятъ, что спереди, знать не хочу; замелъ ли вѣтеръ, слѣдъ мой или нѣтъ, катай дальше!

С. Незнамосъ. Вил. Двор. Инс.

ПРЕДАШЕ КАВКАЗСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ О КАЗИ — МУЛЛѢ.

Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно,
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь.

А. Пушкинъ.

Я видѣлъ грозный Кавказъ, слышалъ тамъ много о Кази-Муллѣ, и если вамъ не скучно, разскажу, какъ умѣю.

Надо знать, что расположеніе арміи, находящейся въ краяхъ Кавказскихъ и даже Закавказскихъ, не дозволяетъ никогда собрать вдругъ большое количество войскъ на одну точку; первое препятствіе находится въ положеніи мѣстъ: горы и трудная дорога не дозволяютъ скорому переходу; потомъ и самое пространство края, заключающее въ себѣ столь большое протяженіе земель; охраненіе границъ Персидской и Турецкой; Кавказскій же корпусъ

долженъ быть такъ расположенъ, что бы на всякой точкѣ линіи находились достаточные отряды для защиты отъ вторженія и грабежа Закубанскихъ Черкесовъ и Чеченцовъ изъ — за Терека. Можно заключать, что подобное расположеніе войскъ дало поводъ Кази - Муллѣ надѣяться на успѣхъ того предпріятія, которое онъ такъ дерзновенно замыслилъ.

Кази - Мулла родился подъ сѣнію дикихъ скалъ, гдѣ Терекъ своенравный ростъ обрывистые берега; онъ имѣлъ обширный умъ и возвышенный образъ мыслей, совершенно несообразный съ его родомъ и тамошнимъ воспитаніемъ, въ особенности проницательность ума необыкновенную. По его дѣламъ видѣть можно, что онъ почиталъ добродѣтель и гнушался порокомъ; онъ велъ жизнь человѣка честнаго, и былъ ревностный послѣдователь корана. Онъ то же былъ и мужественный воинъ, знающій даже отчасти тактику, что можно замѣтить изъ его дѣйствій въ послѣдствіи. Однако трудно рѣшить, какимъ образомъ могъ онъ пріобрѣсть эти свѣдѣнія; впрочемъ можно полагать, что долговременное наблюденіе дѣйствій нашихъ войскъ въ тѣхъ странахъ, внушило ему

мысль, какимъ образомъ должно поступать для исполненія своихъ замысловъ. Искуство его въ поединкахъ было извѣстно: подобно предку своему Ѳедеди, о которомъ преданіе гласитъ, что онъ состязался въ единоборствѣ съ Мстиславомъ Удалымъ, сыномъ Святаго Владиміра, Кази-Мулла умѣлъ мужественно отвѣчать на сдѣланный ему вызовъ. Любилъ онъ нападать на бранныя станицы (1) удалыхъ козаковъ, любилъ слышать ржаніе коней степныхъ, привыкъ къ свисту пуль и стрѣлъ. Но онъ любилъ такъ же и холмы своей родины, журчаніе потоковъ, низринутыхъ съ высоты горъ; любилъ и тихую могилу своей невольницы, которую онъ, въ минуту изступленія пронзилъ кинжаломъ и потомъ оплакивалъ всю жизнь. Онъ часто сидѣлъ въ задумчивости подъ тѣнью своей сакли, (2) въ близи которой сверкалъ горный ключь, сбѣгая съ скалистой стремнины. Осанка его была величественна, взоръ быстрый и проницательный, лице красивое, и какъ обыкновенно на югѣ, блѣдное какъ утренній мѣсяцъ;

---

(1) Станица — Козацкая деревня.

(2) Черкесская хижина.

шашка (3) сверкала въ рукахъ его, какъ молнія, вьющаяся змѣею, словомъ онъ былъ одаренъ всѣмъ отъ природы. Народъ началъ считать его существомъ сверхъестественнымъ, и онъ, пользуясь этимъ, сталъ себя выдавать за пророка, посланнаго къ нимъ отъ Аллаха. Черкесы сначала не хотѣли этому вѣрить, но наконецъ Кази-Мулла, своимъ краснорѣчіемъ довелъ ихъ до того, что они начали считать его пророкомъ: Кази-Мулла не говорилъ ни очемъ болѣе, какъ только о законахъ корана, о всемогущемъ Аллахѣ, и о святости своей. Онъ имѣлъ обыкновеніе, выходя изъ аула (4) задумываться глядя на спящія вершины Кавказа, вѣчные престолы снѣговъ, одѣтыя пеленою тучъ, и будто бы хотѣлъ прочесть на нихъ свою будущую славу. Племена Черкесскія стекались въ тотъ аулъ, гдѣ онъ находился; и тотъ почиталъ себя счастливымъ, на кого онъ обращалъ свои взоры.

Наконецъ, послѣ долгаго размышленія, онъ

---

(3) Шашка, Черкесская сабля.

(4) Аулъ, деревня Черкесская.

затѣялъ войну. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ, и можно сказать религіознымъ страхомъ, который къ нему питали эти дикіе сыны природы, онъ взволновалъ всѣ племена Кавказа и соединилъ ихъ подъ свое знамя, воспламенилъ въ нихъ духъ къ независимости, и страсть къ войнѣ и грабежамъ. Сыны Кавказа были готовы жертвовать своею кровью.

Онъ сперва обратилъ свое оружіе на Моздокъ, и вознамѣрился взять его штурмомъ; подвинулъ свои войска къ этому городу и накануѣ дня, назначеннаго для штурма, ночью далъ отдыхъ своимъ лихимъ наѣздникамъ. По дорогѣ къ Моздоку онъ встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе, потому что небольшіе отряды Донскихъ Козаковъ покушались остановить движеніе его къ этому городу; но уступая несоразмѣрной силѣ непріятеля, они погибли подъ его ударами, попрощавшись на вѣкъ съ родимыми станицами, съ домами отцевъ и съ тихимъ Дономъ. По преданіямъ Черкесскихъ жителей въ эту ночь, при лунѣ, чуть свѣтящей трепещущимъ лучемъ, появился на небѣ огненный Аллахъ, вручая Кази-Муллѣ чашку напитанную сокомъ счастія.

Утромъ, едва начала рѣдѣть на голубомъ востокѣ мрачная завѣса ночи, онъ вывелъ войско свое на равнину, которая стлалась передъ Моздокомъ, сѣлъ на бѣгуна и обратясь къ кунаку (5) своему, громко воскликнулъ *гей*! Все войско дикимъ голосомъ повторило этотъ крикъ и съ яростію бросилось на спящихъ жителей и на весьма малый отрядъ, защищавшійся мужественно, но который не въ состояніи былъ противустать десятитысячному корпусу Кази-Муллы. Все предано было варварскому истребленію. Послѣ онъ вздумалъ осаждать Дербентъ; обратилъ туда всѣ свои силы, и началъ правильную осаду. Но уже въ это время было собрано достаточное число войскъ Русскихъ, что бы усмирить взбунтовавшихся, и Дербентъ былъ спасенъ. Всѣ замыслы Кази-Муллы разрушились: войско его, по обыкновенію жителей тамошнихъ странъ, разбѣжалось по своимъ ауламъ. Въ то же время другой отрядъ Черкесовъ, прорвавшійся черезъ Кубань, былъ совершенно истребленъ, и берега Арагвы и Куры

---

(5) Кунакъ — значитъ пріятель.

снова узрѣли торжество Русскаго оружія. Кази-Мулла бѣжалъ, и послѣ необыкновенныхъ опасностей, наконецъ достигъ своей уединенной сакли, и тамъ думалъ скрыться отъ всеобщаго ропота и негодованія, которыми преслѣдовали его раздраженныя племена Кавказа. Но и тутъ спокойствіе его было не продолжительно: судьба назначила ему смерть преждевременную.

Въ одну ночь линейные козаки переплли черезъ рѣку для истребленія нѣкоторыхъ ауловъ, и нечаянно наткнулись на его уединенную саклю, и по общему согласію, зажгли ее. Кази-Мулла, пробужденный этою тревогою, и, видя, что нѣтъ ему спасенія, пронзилъ себя кинжаломъ, закрывая другою рукою бороду свою, какъ бы для того, чтобы защитить эту святыню отъ поруганія невѣрныхъ.

Вотъ, что я слышалъ на Кавказѣ объ этомъ страшномъ человѣкѣ, который явился какъ метеоръ между дикими племенами горцевъ и послѣ минутнаго блеска, изчезъ на горизонтѣ снѣжнаго Кавказа. И объ немъ память пропадетъ, поглотится пучиною событій; только те-

мная молва напомнитъ будущимъ поколѣніямъ о бурныхъ дняхъ ихъ предковъ.

Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

Пушкинъ.

Э. Прозоръ. Вилен. Двор. Инст.

ВОСПОМИНАНІЕ О КАВКАЗСКИХЪ ВОДАХЪ.

Въ четвертомъ часу по полудни выѣхали мы изъ города Александрова, и взобравшись на одно возвышеніе, по дорогѣ, я въ первый разъ увидѣлъ пять горъ, представившихся мнѣ посреди пустыни, которыхъ вершины терялись въ темно-голубомъ небѣ Востока. Я не хотѣлъ вѣрить глазамъ моимъ: мнѣ казалось, что это собрались тучи, согнанныя бурными Кавказскими вѣтрами. Лошади, черкесской породы, неслись вѣтромъ, и ямщикъ сталъ мнѣ описывать эти горы. Вотъ *Бешъ-тау*, сказалъ онъ, указывая своимъ толстымъ перстомъ на остроконечную гору, въ ущельяхъ которой не одному свернули голову эти проклятые Черкесы; потомъ показывая на другую вблизи стоящую гору, сказалъ; вотъ *Машукъ*, который своею сѣрною водою не мало грошей выманилъ изъ господскихъ карма̀новъ. А вотъ продолжалъ онъ гора *Желѣзная* (Темуръ-Ошга), *Змѣиная* (Бле-Ошга),

объ которой здѣшніе жители говорятъ, что на ея вершинахъ скрывался когда — то змѣй огромной величины, и, что противъ него выслано было сорокъ всадниковъ Черкесскихъ. Потомъ онъ показалъ мнѣ *Верблюдъ-гору* (Макше-Оги-га), которая двумя своими вершинами раздѣляющимися оврагомъ, представляетъ видъ настоящаго верблюда. Тутъ воздымалась *Лысая гора* (За-ошга); она своею безлѣсною вершиною похожа на старика безволосаго, претерпѣвшаго на жизненномъ пути много бѣдствій и трудовъ. Перелить на бумагу тѣ чувства, которыя тогда меня волновали, было бы не возможно. Я безпрестанно кричалъ ямщику: *пошелъ проворнѣй*, чтобы скорѣй приблизиться къ этимъ великанамъ пустыни. Желаніе мое исполнилось; по скалистой дорогѣ я въѣхалъ въ улицу города Пятигорска, расположеннаго по отлогости горы *Машука*. Тутъ мнѣ все показалось чѣмъ то Восточнымъ, чѣмъ то Азіятскимъ. Крыши по большей части плоскія, городъ наполненъ Персидскими и Армянскими купцами; я видѣлъ тамъ образъ торговли дикихъ сыновъ природы, которые по большей части занимаются продажею своихъ воинственныхъ доспѣховъ.

Видѣлъ кочующаго Калмыка, который подъ тѣнью своей кибитки, дремалъ присѣвши на цыпочкахъ, по обыкновенію Восточныхъ народовъ. Болѣе всего отличается величественное зданіе ваннъ, по имени *Николаевскихъ*. Цѣлебныя струи, вытекающія изъ нѣдръ Машука, созываютъ страждущихъ со всѣхъ сторонъ Востока и Европы, одинъ пріѣзжаетъ туда для излеченія своихъ болѣзней, другой для того, чтобы провести пріятно время, а старикъ, какъ говоритъ *Пушкинъ*, чтобы

Помолодѣть хотя на мигъ.

Въ одномъ изъ коридоровъ Николаевскихъ ваннъ находится мраморная плита, на которой бронзовыми буквами означены имена лицъ, участвовавшихъ въ экспедиціи *Парота* на Эльбрусъ. Изъ нихъ только одинъ Татаринъ достигъ самой вершины горы, и поставилъ тамъ крестъ. По сдѣланному тогда измѣренію, Эльбрусъ оказался около восьмнадцати тысячъ футовъ выше поверхности моря. Преданіе говоритъ, что будто на вершинѣ Эльбруса находится жерло, въ которомъ лежитъ прикованный великанъ. Если кто загляпетъ туда, то великанъ, котораго они называютъ *Джимъ-пади-*

шахомъ, спрашиваетъ обыкновенно: царствуетъ ли на свѣтѣ порядокъ, повинуются ли народы своимъ законамъ, почитаютъ ли своихъ начальниковъ, любятъ ли мужья своихъ женъ? и получивъ въ отвѣтъ утвердительное да, говоритъ грустнымъ голосомъ: и такъ долгое время мнѣ здѣсь еще лежать!

Устройство ванъ хотя не достигло еще совершенства, однако воды посѣщаются большимъ числомъ пріѣзжихъ. Кабардинская долина, простирающаяся передъ Пятигорскомъ, показываетъ на своемъ пространствѣ болѣе или менѣе явственные слѣды бывшихъ тутъ водъ; вѣроятно когда нибудь всѣ земли между Азовскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ морями были покрыты водой, и Кавказскія горы являлись тогда въ видѣ острововъ. Горы составлены изъ слоевъ штуфштейна, въ нѣдрахъ которыхъ находится множество отпечатковъ не только растеній, но и морскихъ животныхъ.

Въ шестнадцати верстахъ отъ Пятигорска, находятся желѣзныя воды въ небольшой деревни Русскихъ поселенныхъ солдатъ. Дорога изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ проходитъ прелестнѣйшими мѣстами: огромнѣйшія горы воз-

дымаютъ свои гордыя главы, и заблудившееся между ними облачко не можетъ найти мѣста, куда бы уйти отъ ихъ скалистыхъ остроконечныхъ вершинъ.

На половинѣ дороги Нѣмецкая колонія, называвшаяся прежде *Карасъ* отъ имени одного Черкесскаго Князя, которому она когда-то принадлежала, а теперь *Шотланка*. Колонія эта хорошо устроена; каждый изъ колонистовъ имѣетъ хорошій садъ, отличный огородъ и проч. У нихъ стоитъ небольшой отрядъ пѣхоты и тридцать казаковъ, для защиты отъ нападенія хищниковъ. Въ этой колоніи хранится пушка, подаренная имъ Императрицею Екатериною. Нельзя не упомянуть еще, что въ Шотланкѣ есть предобрѣйшій Нѣмецъ, у котораго всегда можно хорошо отобѣдать. Тамъ подъ тѣнью высокихъ фруктовыхъ деревъ въ знойный Іюльскій день, послѣ вкуснаго и сытнаго обѣда, пили мы славное Донское вино, котораго кипучая влага пріятно охлаждалась шипящими струями *Нарзанна*. Веселый хозяинъ разсказывалъ намъ о благосостояніи колонистовъ, которые выписали въ разное время изъ своего отечества не только всѣхъ родственниковъ сво-

ихъ, но даже и знакомыхъ. И подлинно, довольно было взглянуть на обширный, богатый садъ нашего хозяина, на красивый и опрятный домъ его, и на самое лице его, блистающее всѣми признаками довольства и здоровья, чтобы удостовѣриться въ истинѣ словъ его. Не далеко отъ Шотландки видѣнъ татарскій аулъ, по имени *Аджи-Аулъ*. Далѣе представляется: змѣиная гора (Бле-оига), объ которой я уже упоминалъ; наконецъ мы въѣзжаемъ въ прекраснѣйшій своимъ мѣстоположеніемъ Желѣзноводскъ, съ одной стороны котораго Бешъ-тау рѣжетъ своею остроконечною вершиною темно-голубое небо, а съ другой находится Желѣзная гора покрытая темнымъ, непроходимымъ лѣсомъ, въ ущеліяхъ которой рѣдко человѣческая нога бывала. Тамъ дикой елень, опустивши рога свои, спокойно внимаетъ грому, повторяющемуся въ скалистыхъ стремнинахъ, и горные орлы, плавая надъ самою вершиною Желѣзной горы, пронзительнымъ крикомъ своимъ невольно привлекаютъ вниманіе наблюдателя. Въ знойные дни пріятно быть въ Желѣзноводскѣ, потому, что можно тамъ найти прохладу подъ тѣнью густаго лѣса, около вѣтвей кото-

раго вьется живописно виноградъ, дикій и необработанный, предоставленный природѣ. Тутъ около меня струится безчисленное множество ручейковъ, по большой части желѣзныхъ, которые еще болѣе охлаждаютъ воздухъ своею влагою. Тысячи красивыхъ насѣкомыхъ, цѣлый рой разнообразныхъ и блистающихъ яркостью цвѣтовъ своихъ бабочекъ, множество красивыхъ змѣй, доставляютъ вѣчное развлеченіе жадному взору. Въ Желѣзноводскѣ живутъ какъ въ деревнѣ, безъ всякаго принужденія и этикета, которые такъ тягостны въ Пятигорскѣ.

Ключъ кислаго источника *Нарзанна*, что значитъ по Русски *богатырская вода*, находится въ сорока верстахъ отъ Пятигорска у крѣпости Кисловодской, лежащей между двумя рѣчками *Элькушою* и *Казадою*. Дорога къ этой крѣпости тоже отличается живописными и грозными мѣстоположеніями. Она пролегаетъ между обрывистыми и разнообразными известковыми горами, кои въ видѣ высокихъ слоистыхъ, какъ бы искуствомъ образованныхъ стѣнъ, тѣснятся по обоимъ берегамъ Подкумы, и мѣстами только перемѣняются въ отлогія возвышенія, покрытыя травою, и изрѣдка ку-

старикомъ. Тутъ являются изрытыя временемъ пещеры, обрывистыя стремнины и Подкума по временамъ представляется въ видѣ грознаго водопада. Крѣпость Кисловодская не очень примѣчательна своими укрѣпленіями: состоитъ изъ вала, на которомъ четыре небольшія пушки, но за то мѣстоположеніе прекраснѣйшее и вода *Нарзана* далеко славится своею цѣлебною силою. Первый изъ Русскихъ, посѣтившій эти воды, когда онѣ еще находились въ рукахъ Черкесовъ, былъ графъ Марковъ. Въ слѣдъ за нимъ и Русскіе воины стали купаться подъ калмыцкими кибитками въ богатырской водѣ; это принудило горцевъ удалиться въ ущелья. Во время всегдашняго пребыванія въ сихъ мѣстахъ Русскихъ войскъ, замѣчено, что изъ дна источника выносились куски бурокъ съ завернутыми въ нихъ камнями, коими, какъ говорятъ жители, негодующіе горцы, лишившіеся своей *богатырской воды*, старались завалить ключъ. Черкесы не одинъ разъ покушались отнять этотъ источникъ, но все было напрасно. Мѣстоположеніе Кисловодска можетъ этому способствовать. Въ 1835 году, въ началѣ осени, Комендантъ крѣпости послалъ

двухъ Донскихъ козаковъ съ конвертами къ разнымъ полкамъ. Они съ вечера отправились. Въ ущельяхъ застигла ихъ глухая ночь. Все было тихо, лишь только изрѣдка прерывалось спокойствіе дикимъ крикомъ испуганнаго орла. Козаки ѣхали спокойно и подъѣзжая къ одной балкѣ (а), замѣтили какъ бы расположенный полкъ на ночлегѣ; подъѣхавъ къ этой толпѣ людей, они спросили: *земляки, какой это полкъ идетъ?* Тутъ Черкесы увидѣли, что они открыты; однако одинъ, знавшій видно по Русски, отвѣчалъ *своя*. По этому неправильному отвѣту, козаки узнавъ непріятеля, поскакали во весь опоръ; одинъ бросился въ близъ лежащую станицу, и этимъ спасъ жизнь свою, а другой пустился прямо по дорогѣ въ Кисловодскъ, поручая жизнь свою быстротѣ своего коня. Черкесы, въ числѣ семисотъ человѣкъ, поднявшись какъ грозная туча, погнались за нимъ. Начальникъ отряда обѣщалъ, что тотъ, который первый доставитъ голову козака, будетъ сдѣланъ княземъ. Незная сами куда скачутъ, вдругъ очутились они въ воротахъ коза-

---

(а) Балка, ущелье въ горахъ.

чьяго Кисловодскаго поста, и изрубивъ въ куски своего проводника, котораго тутъ уже настигли, напли отпоръ въ одномъ козакѣ, находившемся тогда на посту, который запершись въ конюшнѣ, безпрестанно стрѣлялъ по нимъ. Они зажгли постъ, и пламенемъ совершенно себя освѣтили. Нѣкоторые изъ нихъ начали грабить одинъ сосѣдственный домъ, въ которомъ напли огромную женщину, защищавшуюся отчаянно. Она сражалась кулаками и давала страшныя пощечины нападающимъ Черкесамъ. Они ее изрубили; домъ былъ разграбленъ, и одинъ Коллежскій Ассесоръ былъ взятъ въ плѣнъ. Однако послѣ, при совершеномъ разбитіи Черкесовъ на Кубани, онъ былъ освобожденъ. Другіе же бросившись къ селенію Кисловодскому, были остановлены нѣсколькими рядовыми, находившимися въ карауль на гауптвахтѣ. Между тѣмъ это сдѣлалось извѣстно въ крѣпости, и злословіе говоритъ, что будто съ трудомъ нашли заряды по калибру пушекъ; но наконецъ одна была заряжена, и выстрѣлъ сдѣланъ картечью по направленію къ пламени, пылающаго поста. Черкесы потерявъ много убитыми, ускакали; но на переправѣ че-

резъ Кубань были настигнуты храбрымъ Генераломъ Зассомъ, который, какъ говорятъ, всѣхъ ихъ уничтожилъ. Быть можетъ, что кто нибудь изъ нихъ и спасся для того, чтобы принести грустную вѣсть въ отеческую землю. По словамъ Коллежскаго Ассесора, освободившагося въ то время изъ плѣну, какъ скоро Черкесы увидѣли Русскихъ, начальникъ отряда далъ всякому изъ Узденей (б) какой-то пирожекъ, который они проглотили съ жадностью, и бросались потомъ какъ сумасшедшіе въ сраженіе. Но вообще эти вторженія дикихъ горцевъ въ предѣлы Россіи, становятся часъ отъ часу рѣже и въ особенности послѣ присоединенія Турецкой крѣпости Анапы, подававшей способы хищникамъ сбывать свою добычу и получать военные снаряды; они всѣ болѣе и болѣе стѣсняются цѣпью Русскихъ крѣпостей и укрѣпленій по берегамъ Чернаго моря и Кубани, и такъ же увеличивающимся народонаселеніемъ по Кавказской линіи. Такимъ образомъ отымаются у нихъ почти всѣ средства производить разрушительные набѣги. Подъ сѣнью

(б) Уздень, младшій начальникъ.

двуглаваго орла, и эти дикіе хищники признаютъ можетъ быть когда нибудь, что лучше наслаждаться прочнымъ спокойствіемъ и гражданскою осѣдлостію подъ покровительствомъ великой Державы, нежели жертвовать жизнію своею и имуществомъ въ ненадежныхъ разбойничьихъ предпріятіяхъ.

Мнѣ грустно становится вспоминать теперь объ этой прекрасной странѣ, которую можетъ быть я болѣе уже не увижу,

Гдѣ пасмурный Бешту, пустынникъ величавый,
Ауловъ и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнассъ.

Пушкинъ.

Э. Прозоровъ, Вил. Двор. Инстит.

ПОНАРЫ.

О горы, первыя ступени
Къ широкой, вольной сторонѣ;
Съ челомъ открытымъ на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ!

Бенедиктовъ.

Что такое за Понары, спроситъ себя читатель, незнакомый съ окрестностями Вильны, увидѣвъ это названіе въ заглавіи моего сочиненія. Чтобъ предупредить этотъ вопросъ, я скажу, въ короткихъ словахъ, что такъ называются горы, находящіяся въ шести верстахъ отъ Вильны и простирающіяся по лѣвому берегу Виліи, откуда эта поительница Литвы, какъ бы испугавшись нашихъ великановъ, съ невыразимою быстротою спѣшитъ искать себѣ убѣжища въ волнахъ сребристаго старца Нѣмана. Но что это за горы можетъ быть спросятъ меня? чѣмъ они могутъ поразить воображеніе, какое чувство пробудятъ въ душѣ или въ умѣ твоемъ? скажите вы на пр.: Кавказъ и въ памя-

ти вашей воскресаютъ цѣлые вѣки. Тутъ видите вы и страданіе Прометея, и золотое руно Аргонавтовъ, и страшныя толпы Монголовъ, которые какъ волны океана перелились чрезъ него на Русь нашу. Кого не носили эти хребты на высотахъ своихъ, отъ дикаго сына равнинъ Азійскихъ, до образованнаго питомца Европы; отъ страшнаго горца съ неотразимой шашкою, до мирнаго поэта Сѣвера съ вдохновенною его лирою. И теперь еще какъ бы въ ушахъ звучитъ сладкая пѣснь чернокудраго барда Николаева вѣка.

„ Кавказъ подо мною! одинъ въ вышинѣ,
„ Стою надъ снѣгами, у края стремнины.
„ Орелъ съ отдаленной поднявшись вершины
„ Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
„ Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
„ И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Грустно думать, что нѣтъ болѣе пѣвца Руслана и Людмиллы.

Или назовите вы Альпы, и въ умѣ вашемъ опять зароятся безчисленныя думы. Чего не были свидѣтелями эти страшные исполины? Не они ли какъ грозные часовые стояли нѣсколько вѣковъ на стражѣ между древнимъ Римомъ и

дикими племенами Германскихъ лѣсовъ? Не они ли по временамъ перепускали чрезъ себя, какъ лавины, страшныя толпы варваровъ на цвѣтущіе берега Италіи? Не они ли недоступные хребты свои смиренно преклоняли предъ дружинами Аннибаловъ и Суворовыхъ? Но можно ли исчислить все, что совершилось предъ очами этихъ гигантовъ?....

Правда, скажу я на всѣ эти возраженія; Кавказъ и Альпы исполины физическаго міра, но зачѣмъ на однихъ гигантахъ останавливать свое вниманіе? что же бы тогда было съ мирными долинами и низменными холмиками, на которыхъ такъ пріятно отдохнуть, спустившись съ недосягаемыхъ высотъ. При томъ и Кавказъ и Альпы ваши — *космополиты*, это горы всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; а Попары!.. О! это *изступленные патріоты!* кто не живалъ близъ нихъ, не дѣлилъ съ ними юныхъ или старческихъ думъ своихъ, не смотрѣлъ на быструю и шумную Вилію, которая такие почти какъ Терекъ безсмертнаго Пушкина

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной.

Кто чуждъ всѣхъ ихъ красотъ и соединенныхъ съ ними воспоминаній, тому не навѣютъ они на душу никакихъ сладостныхъ мыслей. А между тѣмъ познакомьтесь съ ними покороче, и они такъже не останутся безотвѣтны предъ вами. Такъ иногда они укажутъ вамъ мѣсто, гдѣ отдыхалъ отъ ловли звѣрей грозный Гедиминъ, иногда напомнятъ, какъ Ягелло узналъ тамъ истины Христіанства; какъ носились по нихъ хребтамъ съ мечемъ вмѣсто креста Ливонскіе Рыцари. Здѣсь и Царь Алексѣй съ Воеводами своими воскреснетъ въ вашемъ воображеніи, промелькнетъ метеоромъ и тѣнь Наполеона, то грозная и величественная, то изумленная и смѣшная. А орлы АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО! они какъ Ангелы утѣшители пролетятъ мимо тебя. И такъ менѣе ли здѣсь пищи для ума и воображенія, чѣмъ на высотахъ Альповъ и Кавказа? Я не говорю уже о преданіяхъ старины, которыя пугаютъ добродушнаго селянина, и гдѣ, какъ въ Муромскихъ лѣсахъ, или Шварцъ-вальдѣ любитъ собирать обильную дань себѣ воображеніе поэта. Кто любитъ подобно пчелѣ искать вездѣ меда, для то-

го Понары самый цвѣтущій лугъ благоуханной муравы.

Вотъ вамъ первая дань отъ меня Понарскія высоты!

Какъ праха сынъ, клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ какой то робостью .... а тамъ,
Какъ сынъ небесъ пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ.

Бенедиктовъ.

А Квинта Виленс. Гимн.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Потухло солнце и полускрылось въ глубокій, безбрежный океанъ; багрѣетъ и мерцаетъ западное небо; лучи гаснутъ и день исчезъ подъ мрачнымъ покрываломъ ночи. Все тихо; природа совершаетъ безмолвную вечернюю молитву. На небо взошла ясная луна и звѣзды разсѣялись по необъятному своду. Кому эта тихая пора не внушитъ благоговѣнія? Чей духъ не восхитится этою торжественною природою? Кому она не напомнитъ пропедшихъ дней?.. Сердце чистое, невинное скажетъ: „благоговѣю предъ Создателемъ міра,“ и тишина природы отразится въ немъ. „Восхищаюсь!“ скажетъ юноша; и безмолвныя звѣзды увлекутъ его душу въ страну задумчивости; шелестъ листьевъ, и ропотъ ручья слегка взволнуютъ его сердце. Но старцу, согбенному годами, вечерняя заря представляетъ образъ его жизни. Въ скрывающемся солнцѣ, онъ видитъ свой близкій конецъ; въ потухающихъ лучахъ его онъ видитъ угасающія свои лучшія надежды. А безъ надеж-

ды что остается человѣку? Смерть! Для старца все прошедшее; а въ будущемъ, одинъ гробъ. Возстанетъ съ востока съ новымъ блескомъ юная заря, но минувшая жизнь уже не возвратится. Строгъ и благъ законъ природы! Счастливъ, кто краткую жизнь свою провелъ въ благодействіи и въ душевномъ спокойствіи; ему пріятна жизнь, не страшна смерть.

И. Горскій Бѣлостокской Гимн.

Б у р я.

Прекрасное майское утро предвѣщало хорошій день. Ни малѣйшее облако не помрачало голубаго свода; легкое дыханіе юнаго весенняго вѣтерка по всюду разносило благоуханіе; веселыя, легкокрылыя бабочки, порхая съ цвѣтка на цвѣтокъ, представляли вѣрный образъ легкомыслія; а взоры мои, пробѣгая обширное пространство необозримыхъ полей, съ удовольствіемъ останавливались на долинахъ, испещренныхъ цвѣтами, которыми природа, исполняя свои законы, предписанныя ей всемогущею десницей времени, украшаетъ дѣтство всякаго года — весну. Гармоническое пѣніе юнаго барда весны, соединенное съ томными звуками свирѣли пастуха, котораго рѣзвая веселость служитъ изображеніемъ невинной души его, пріятно очаровывали слухъ. О, сколь счастливъ ты, дитя природы! сколь спокойна жизнь твоя! ты видишь надменнаго богача, окруженнаго великолѣпіемъ и блескомъ, и зависть, сіе главное

чувство жильцевъ великолѣпныхъ чертоговъ, чужда твоему невинному сердцу. Ты правъ, любимецъ природы! ибо за наружнымъ блескомъ идутъ въ слѣдъ и зависть и ненасытная жадность. Солнце достигло высочайшей точки своего пути, вѣтерокъ утихъ, зной былъ нестерпимъ, и чрезвычайное сгущеніе воздуха, предвѣщало сильную, неминуемую бурю. Спокойна и гладка поверхность озера, погруженнаго какъ будто въ мертвый сонъ, и безмолвная тишина, прерываемая лишь однозвучнымъ постояннымъ шумомъ весла, которымъ рыбакъ, понуждая бѣгъ медленной своей лодки, стремительно гналъ ее къ берегу, желая предупредить начало бури. Неподвижныя вѣковыя сосны, подобныя баснословнымъ исполинамъ сѣвера, пышно возвышая свои черныя вершины, съ торжественнымъ спокойствіемъ ожидали грознаго своего противника Вдругъ изъ — за вершины мрачныхъ горъ, черная, какъ мракъ ночи, угрюмая, какъ чело злодѣя, преслѣдуемаго угрызеніями совѣсти, туча поднялась, и шествуя медленными, торжественными стопами, покрыла черною своею мантіею синюю лазурь неба. Сосѣднія горы повторяли грохотъ отда-

ленпаго грома, и легкій вѣтерокъ, пробѣгая по дремлющимъ вѣтвямъ деревъ, шепталъ имъ жалостное прощаніе.

Въ это же время ударъ грома, соединенный съ блескомъ молніи и сильнымъ дождемъ, казалось поколебалъ основаніе вселенной. Между тѣмъ вой лютыхъ звѣрей, соединенный со свистомъ бури и глухимъ плескомъ волнъ, увеличивалъ ужасъ сей картины. Взволнованное сильнымъ вѣтромъ озеро съ яростію бросаетъ вѣтхую лодку рыбака, и не смотря на всѣ усилія отчаяннаго, опрокидываетъ челнъ и поглощаетъ несчастнаго въ бездонной, влажной пропасти, и съ нимъ вмѣстѣ, быть можетъ, всю надежду молодой его супруги, и юныхъ несчастныхъ сиротъ, которыхъ цѣлымъ имуществомъ былъ бѣдный промыселъ отца. Угрюмыя, черноглавыя сосны, не въ силахъ будучи противиться сильнымъ, стремительнымъ порывамъ бури, падаютъ одинъ за другими; а вихорь, легкокрылый житель пещеръ, сорвавшись съ цѣпей могучаго Эола, съ жалостнымъ, тихимъ стономъ пролетая поле опустошенія, казалось оплакивалъ смерть могучихъ героевъ обширныхъ сѣверныхъ лѣсовъ.

О буря! вѣрный образъ человѣческихъ страстей, и ты, какъ онѣ, свирѣпствуешь, опустошаешь, и наконецъ истощивъ всѣ силы, сама собою погибаешь.

Б. Любовицкій, Минской Гимназіи.

У Р А Г А Н Ъ.

Уже около часа солнце катилось по голубому своду Аравійскаго горизонта, уже лучи его разпалялн неизмѣримые пески пустынь и освѣщали вдали бѣлѣющіяся пирамидальныя скалы, на которыхъ царствуетъ вѣчное безмолвіе, вѣчный сонъ; никогда не была тамъ нога человѣческая; лишь только изрѣдка слышенъ около нихъ шумъ урагана, или пронзительный крикъ хищнаго орла пустыни; вокругъ однообразіе и тишина; солнце было уже около полудня; на западъ пирамидальныя скалы, возвышающіяся къ облакамъ, ограничиваютъ зрѣніе, по обѣимъ сторонамъ необозримая пустыня. Вотъ уже полдень; лучи солнца, перпендикулярно падая на землю, разливаютъ свѣтъ и теплоту повсюду; но вдругъ солнце поблѣднѣло; ярко-пурпурныя пятна, являясь на небѣ, предзнаменуютъ страшную бурю; повѣялъ вѣтеръ съ востока и вдругъ песчаное море взволновалось, зашумѣло и густая пыль наполнила воздухъ.

Но вдругъ вѣтеръ стихаетъ, и съ сго медленымъ утиханіемъ атмосфера очищается и все опять принимаетъ видъ прежній. Это первый знакъ будущаго урагана; вездѣ воцарилась тишина, нигдѣ не видно перемѣны отъ бывшей бури... Но что это? что тамъ чернѣетъ вдали? ужели тигръ спѣшитъ къ оазу? Нѣтъ! это человѣкъ, это чтитель пророка, это молодой Аравіецъ! Но что понуждаетъ его въ такой страшный часъ продолжать путь? куда спѣшитъ онъ такой порой? къ любимой, къ малюткѣ сыну, онъ спѣшитъ, заблудившись въ пустынѣ; спѣшитъ отчаянно, не зная куда, по необозримой, незнакомой степи, обезсиленный жаромъ, изнемогшій отъ жажды, одинъ въ пустынѣ въ столь страшную минуту, не имѣя никого, кто бы оказалъ ему послѣднюю услугу. Несчастный, стократъ несчастный! Ужель погибнуть ему здѣсь? ужель не увидитъ онъ Мекки, не обольетъ слезами радости милаго семейства?.. потерявъ дорогу, онъ пустилъ на волю вѣрнаго Роанока, и бѣдный конь, собравъ послѣднія силы, потупивъ голову, глубоко вздыхая, тащился по песку. Жаръ былъ въ самой высшей степени; жажда мучила немилосердо путника. Съ ка-

кою жадностію утолилъ бы онъ тогда свою жажду! Чего бы не отдалъ за каплю воды? Вдругъ вѣтеръ запумѣлъ, поднялась буря, клубы песку, возносясь къ облакамъ, производили для кисти живописца прекрасный предметъ! Небо наполнилось тучами, которыхъ красно-синій цвѣтъ наводилъ трепетъ; воздухъ такъ сгустился, что даже трудно было дышать; солнце тускло свѣтило, бросая слабые лучи сквозь сгущенный воздухъ. О! какая непріятная картина! О какъ страшно даже взглянуть на нее. Путникъ, неимѣя силъ сидѣть на сѣдлѣ, прижался къ шеи своей лошади, и слезами, которыя невольно катились изъ его глазъ, кажется хотѣлъ высказать свою горесть. Безчисленное множество сѣрыхъ гигантовъ какъ войско стояло сзади нашего путника, то скорымъ маршемъ гнали они бѣднаго Араба, то при противномъ вѣтрѣ двигались назадъ; но когда поднялся восточный вихрь, съ невыразимою скоростію летѣли назадъ; въ сіе время всѣ стихіи пришли въ такое разстройство, въ такой хаосъ, что даже никакое перо не могло бы надлежащимъ образомъ это описать. Буря продолжалась до самаго вечера: но уже воздухъ чистъ

и атмосфера, какъ бы утомленная величайшимъ трудомъ, отдыхаетъ освѣщенная великолѣпнымъ закатомъ солнца.... Но гдѣ Аравіецъ? спасся ли отъ урагана? — Что освѣщаетъ это солнце?.. Увы, его могилу.!...

С. Верцго. Минской Гимназіи.

ПОХОРОНЫ.

День тихо догаралъ и лучи яснаго солнца уже скрылись за башнями церкви; на кладбищѣ было много народа, томный гулъ колокола, казалось вызывалъ мертвыхъ изъ гробовъ, въ глубинѣ церкви стоялъ гробъ, кругомъ него горѣло множество лампадъ, которыхъ погребальный свѣтъ придавалъ болѣе меланхоліи сей картинѣ; у изголовья гроба, какъ окаменѣлый, стоялъ юноша, одѣтый въ трауръ; изрѣдка только тяжелые вздохи вырывались изъ груди его; долго стоялъ онъ безмолвно, но когда священникъ провозгласилъ: *вѣчная память*, сердце его не могло выдержать,.... онъ зарыдалъ, слезы брызнули изъ глазъ и имя *матери* умерло на устахъ его; гробъ вынесли изъ святаго храма, и печальная процессія остановилась возлѣ недавно вырытой могилы, готовой принять въ свою утробу новую жертву смерти. *Ниже, выше*, раздавались хриплые голоса гробовщиковъ

и глаза всѣхъ остановились на днѣ могилы; всѣ начали бросать горстями землю, камни застучали, ударясь о крышу гроба,... и надъ гробомъ воздвигнулся малый холмикъ. Народъ разошелся, и вскорѣ тамъ не было ни одного живаго существа, кромѣ юноши, который сталъ на колѣнахъ предъ могилой своей матери и, казалось, хотѣлъ тяжелыми вздохами вызвать ее изъ могилы!.. Блѣдная луна, какъ духъ, взошла на небосклонъ; тусклыми лучами освѣтила безмолвное жилище мертвыхъ и, казалось, содрогнулась, увидя живое существо въ семъ безмолвномъ убѣжищѣ мертвыхъ. Ни шумъ вѣтра, ни порохъ столѣтнихъ дубовъ, ничто не могло пробудить юноши; онъ былъ прикованъ къ могилѣ своей матери, и его душа была далеко за предѣлами жизни, онъ мысленно разговаривалъ съ матерью, которая, казалось, привѣтливо подавала руку своему сыну, чтобы онъ съ нею перенесся въ обитель мира и счастія.

Едва ночь разстелется надъ землею и утихнетъ шумъ дня, тогда видѣнъ юноша надъ гробомъ матери; онъ горько плачетъ, тяже-

ло вздыхаетъ, и когда уже луна совершитъ половину своего пути, тогда онъ горестно разстается съ могилою и медленными шагами, возвращается въ обитель живыхъ.

Ю. Семенкевичъ Минской Гимназіи

МѢДНЫЙ ЗМІЙ.

картина Ѳ. бруни.

Обыкновенно говорятъ, что отечество изящныхъ художествъ есть Италія. Но такой смѣлый отзывъ едва ли можно сдѣлать объ ней нынѣ, когда съ распространеніемъ просвѣщенія, и художества, на ряду съ прочими науками, разлетѣлись по всей Европѣ. Теперь великіе художественные образцы являются не подъ однимъ небомъ Италіи, но вездѣ, гдѣ только родятся геніи.

И въ нашемъ холодномъ сѣверномъ отечествѣ они нашли себѣ спокойный пріютъ. Вотъ вдругъ почти явилось два великихъ произведенія кисти: Послѣдній день Помпеи и мѣдной змій въ пустынѣ. Слава о первомъ давно уже облетѣла всю Европу и собрала знаменитому художнику дань уваженія отъ всѣхъ любителей и знатоковъ изящнаго; а послѣднее извѣстно пока одной Италіи, гдѣ она произведена. Картина эта принадлежитъ знаменитому нашему художнику Ѳеодору Антоновичу Бруни.

Вотъ краткій очеркъ ея по описанію одного Италіянскаго художника, который съ какою-то робостію приступаетъ къ разсмотрѣнію произведенія могучаго сѣвернаго таланта.

Картина Бруни представляетъ казнь Израильтянъ змѣинымъ дождемъ въ Аравійской пустынѣ. Сюжетъ ея заимствованъ изъ Св. писанія, когда Евреи вышедшіе изъ Египта, соскучивъ блуждать въ пустынѣ, начали роптать на Бога и на Моисея за то, что онъ изъ обильнаго во всемъ Египта вывелъ ихъ въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни воды, и хочетъ ихъ тамъ погубить: за этотъ ропотъ Богъ наказалъ ихъ дождемъ змѣинымъ. Но Моисей, тронутый бѣдствіями народа, испросилъ ему у Бога помилованіе. Богъ повелѣлъ выставить змія мѣднаго и объявилъ, что всякій, кто съ упованіемъ и вѣрою въ Бога, посмотритъ на змія, то угрызенный получитъ исцѣленіе, а неугрызенный останется невредимымъ.

Дѣйствіе, назначенное художникомъ, происходитъ въ Аравійской пустынѣ, близъ чернаго моря; эту пустыню характеризуютъ обломки и утесы горы Оръ, гдѣ по словамъ Св. писанія, былъ нѣкогда похороненъ Аронъ, небо покры-

то темными тучами, исполненными множествомъ ядовитыхъ зміевъ, которые ниспадаютъ оттуда на Израильтянъ объятыхъ непостижимымъ ужасомъ; прогнѣвившіе Бога, стараются искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ, но это самая напрасная надежда, зміи преслѣдуютъ ихъ повсюду.

Италіянскій художникъ въ описаніи своемъ раздѣляетъ картину эту на двѣ стороны правую и лѣвую. На первомъ планѣ съ правой руки особенно поражаетъ его молодая невѣста, которая отъ страха и смятенія бросается въ объятія жениха своего, и преклонясь на колѣна простираетъ руки къ небу. Позади ея видѣнъ Израильтянинъ, ужаленный змѣею; онъ понося и проклиная небо умираетъ въ страшныхъ мукахъ. Гордый его характеръ представленный художникомъ, напоминаетъ Италіянскому описателю одно лице изъ Божественной комедіи Данта. Это есть Капанео, богохульствующій въ 14 пѣсни его ада.

Сильный трепетъ и необыкновенное смятеніе прекрасно выражаетъ одна маленькая дѣвочка; она хватается за покрывало своей матери, убѣгая змѣя, который будто бы гонится за нею;

но въ страхѣ своемъ она не чувствуетъ, что это ея маленькій братъ, въ испугѣ хватающійся за свою сестру. Чувство состраданія всего болѣе возбуждаютъ представленныя позади этихъ малютокъ, двѣ фигуры, изображающія брата и сестру, ищущихъ спасенія на лонѣ матери, которая неподвижно смотритъ на мѣднаго змія. Въ лицѣ и взорахъ ея видно два разныхъ чувства; материнская нѣжность и молитва о спасеніи дѣтей. Степень ужаса, который овладѣлъ всѣми, особенно выражаютъ нѣсколько Израильтянъ, бѣгущихъ черезъ поле и старающихся скрыться отъ зміевъ, а они между тѣмъ падаютъ на ихъ головы.

Чувство вѣры, единственной спасительницы въ эти минуты, можно видѣть въ женщинѣ, ведущей своихъ дѣтей къ цѣлебному змію. Но въ тоже время представляется вамъ глубокая горесть въ лицѣ матери, стоящей на колѣнахъ и поднимающей голову своего сына простертаго на землѣ; она предавшись горькому сѣтованію, кажется говоритъ: „Богъ далъ, Богъ и взялъ.“

Лѣвая сторона посвящена выраженію чувствъ религіозныхъ. Здѣсь вы видите между прочимъ

престарѣлаго Израильтянина, поддерживаемаго своимъ сыномъ, который старается привести его къ символу спасенія и обезопасить такимъ образомъ отъ ужаленія змѣями; за нимъ слѣдуетъ его жена. Далѣе этой группы представляется дѣвочка сирота, опершаяся на камень, какъ будто бы неимѣя другаго убѣжища. Въ ней примѣтны горесть и отчаяніе, что прекрасно выражается слезами обильно льющимися изъ ея очей, подлѣ нее лежитъ полумертвый малютка отъ недостатка пищи.

Но ежели хотите видѣть особенное чувство вѣры, то посмотрите на Израильтянина, показывающаго мѣдяному змію свою ужасную рану; или на лежащую за нимъ невѣсту на землѣ, подлѣ которой стоитъ мущина и старается раскрыть ей глаза, чтобы она узрѣла благодѣтельнаго змія. Самое величественное зрѣлище представляетъ Моисей, изображенный въ самой срединѣ этой картины. Онъ совершивъ моленіе, повелѣваетъ народу возложить на небо свое упованіе и вѣру; вокругъ него народъ волнуемый совершенно разными чувствами, возбуждающими то страхъ, то благочестіе, то благодарность.... По правую отъ Моисея руку стоитъ Первосвя-

щенникъ Елеазаръ, зашимъ Левиты, убранные въ бѣлое платье. Наконецъ вдали видѣнъ станъ Израильтянъ расположившихся въ этой пустынѣ.

Вотъ короткій очеркъ великаго творенія Бруни. Италіянцы восхищаясь прекраснымъ симъ произведеніемъ, горько сожалѣютъ объ одномъ, что художникъ уѣхалъ отъ нихъ въ Петербургъ, и не далъ имъ вполнѣ надивиться его таланту.

Э. Володко. Вилен. Гим.

ПРОСТОНАРОДНЫЙ БЫТЪ ЛИТВИНОВЪ.

Во время идолопоклонства Литвины были страшны сосѣднимъ народамъ своими буйными набѣгами: но въ XIV столѣтіи, Христіянство усмирило ихъ дикіе нравы и обычаи; съ того времени слѣды язычества вмѣстѣ съ самымъ языкомъ мало по малу въ высшемъ классѣ изчезли и начали употреблять языкъ Русской или Польской, смотря по различію вѣроисповѣданія, и только въ простомъ народѣ остались слѣды первоначальной Литвы. Желая изобразить ихъ характеръ, непремѣнно нужно посѣтить мирныя хижины сего народа. Прочія состоянія забыли свое происхожденіе и почитаютъ безславіемъ названіе Литовцевъ.

Проѣзжая Литовскія села, вы увидите только небольшія лачужки, и едва замѣтныя окна, окруженныя дымомъ, показываютъ вамъ, что здѣсь живутъ люди. Любопытство есть первая черта ихъ характера. Какъ только послышится стукъ коляски, или какой нибудь повозки вмѣстѣ съ

стаею собакъ высыпаются цѣлыя дюжины дѣтей, въ однихъ только рубашкахъ съ разинутымъ ртомъ; онѣ осмотрятъ васъ съ ногъ до головы, но никто изъ нихъ не хочетъ отпереть вамъ воротъ. Первымъ условіемъ хорошей Литовской деревни есть корчма, содержимая всегда Евреями, потому что здѣшніе жители не могутъ обойтись безъ водки, а гдѣ только видѣется дымное окошко, тамъ увидишь двѣ или три мужескія или женскія головы, и узнаешь, что не только дѣтямъ, но и родителямъ врождено любопытство.

Попробуй позвать какого нибудь мужика, чтобы спросить о дорогѣ, или о чемъ нибудь, отвѣта не дождешься цѣлый часъ. Наконецъ выходитъ къ вамъ пребольшой сутуловатый мужчина и приближается медвежьею походкою. Одинъ клочекъ длинныхъ волосъ на обритой головѣ, остатокъ обычая язычниковъ, развѣвается вѣтромъ на всѣ стороны. Черная рубашка, подпоясанная ремнемъ, опущенная на полотняное исподнее платье и огромные лапти составляютъ его одежду. Низкій, ниже пояса поклонъ, его привѣтствіе. Никогда онъ не даетъ вамъ полнаго отвѣта, всегда скажетъ или

съ сомнѣніемъ, или вовсе не скажетъ. Никогда на вопросъ: какъ далеко? не получите удовлетворительнаго отвѣта, почти всегда услышите: о, далеко! Дорогу они считаютъ по часамъ.

Суевѣріе и предразсудки такъ въ нихъ вкоренились, что даже нельзя не посмѣяться надъ ихъ обычаями. Захотимъ ли войти въ хижину, чтобъ отдохнуть, этотъ же грубой поселянинъ, который не хотѣлъ показать дороги, становится въ своей хижинѣ гостепріимнымъ, и старается, чѣмъ только можетъ, поподчивать гостя и слова: *панъ*, *панокъ*, *панищъ* безпрестанно вамъ летятъ въ уши; но это наружное почтеніе и привязанность не соотвѣтствуютъ внутреннему ихъ расположенію; эти унизительные поклоны до земли, цѣлованіе рукъ, служатъ знакомъ боязни или лести. Хитрость и прозорливость, кажется свойственны каждому Литовцу, и она болѣе увеличивается въ Самогитіи, такъ, что вошло въ пословицу: *хитеръ какъ Жмудинъ*. Они сначала представляются такими невѣждами, что кажется, нельзя съ ними ни объ чемъ говорить, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, имѣютъ столько

здраваго разсудка, сколько вы, не смотря на то, что глупость ихъ вошла въ пословицу.

Смѣлости своихъ предковъ они вовсе не наслѣдовали; любятъ чрезвычайно мирную и безпечную жизнь. Не смотря на то, они довольно трудолюбивы; но хотя работаютъ весь день, однакожъ не случалось мнѣ видѣть весело отдыхающихъ послѣ трудовъ; они все принимаютъ съ хладнокровіемъ, а семейственныхъ чувствованій, кажется не знаютъ.

Понятія о домовыхъ, лѣшихъ, вѣдьмахъ, какъ у Славянскихъ народовъ, до нынѣ сохраняются и ушихъ и служатъ предметомъ ихъ сказокъ. Въ ихъ сватьбахъ или другихъ обрядахъ, сохраняются оттѣнки языческихъ обычаевъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ, они даже тайно совершаютъ языческіе обряды, какъ то на канунѣ дня Всѣхъ Святыхъ: говорятъ, что въ этотъ день они собираются въ лѣсу, и тамъ, при разложенномъ огнѣ, будто призываютъ духовъ съ того свѣта и спрашиваютъ, чего имъ нужно; и послѣ стараются выполнить всѣ ихъ требованія. Это называется *Дѣдами*. Народныя ихъ пѣсни, всегда почти унылы, печальны, а напѣвъ протяжный трогаетъ сердце. Любите ли вы

прислушиваться къ отдаленной пѣсни жнецовъ; душа тогда погружается въ какую то унылую, но пріятную думу. Она напоминаетъ вамъ древнія времена Литвы, и кажется, что послѣ бѣдственнаго пораженія отъ Поляковъ или Татаръ, они погребаютъ тѣла своихъ родственниковъ и поютъ похоронную пѣсню. Таковъ простонародный бытъ Литвиновъ. Можетъ быть со временемъ онъ перемѣнится, и Литовцы пользуясь милостію ГОСУДАРЯ и мудрымъ правленіемъ, станутъ дѣятельными, и займутся торговлею, которой они теперь такъ чуждаются.

В. Величко Вил. Двор. Инст.

ПРОГУЛКА.

Однажды прекрасное майское утро вызвало меня на прогулку. Всѣ окрестности Вильны восхитительны, но *Закретъ* милѣе всѣхъ для меня; и потому я туда обратилъ шаги свои. Солнце только что взошло, и его продолговатые лучи едва золотили высокія зданія. Проѣздии маленькую заставу, я обратился вправо, чтобъ на берегу Виліи полюбоваться мѣстною картиною. Большая часть города отсюда открылась предо мною. Сколько родилось мыслей тогда въ головѣ моей при видѣ такого множества разнообразныхъ предметовъ, собранныхъ вмѣстѣ! Вотъ здѣсь, на пространной равнинѣ, лежитъ тюремный замокъ, къ нему ведетъ дорога обсаженная тополями. Внутри его все тихо; всѣ еще спятъ. Но мысль моя побоялась летѣть въ это мѣсто грусти и сѣтованія; освѣженная прохладою майскаго утра, она, какъ мотылекъ, порхала съ предмета на предметъ. Поперемѣнно обращалъ я вниманіе то на от-

блескъ лучей солнца на ружьѣ караульнаго солдата, то на покрытый жестью куполъ Татарской мечети, которая казалось, царствовала надъ близъ лежащими домиками предмѣстья. Полъ-луны, символъ магометанской вѣры, казалось, не сіялъ надъ нею, а чуть-чуть свѣтился предъ сонмомъ Христіанскихъ крестовъ, возносившихся къ небесамъ вмѣстѣ съ утренними молитвами пробуждающагося города. Дальше взорамъ моимъ представилась часть Виліи, сверкающей своими водами, *Зеленый мостъ*, маленькая рощица *Пирамонтъ*, длинная *Антокольская дорога*, батареи; еще далѣе *Сапѣжинскій* садъ съ больницею; строенія на *Замковой*, укрѣпленіе на *Крестовой горѣ*; и остатки памятника на полу-рухнувшей *Бекешовкѣ*. Вправо назадъ, и взоръ мой остановился на Каѳедральной церкви. Часто люблю я восхищаться тремя фигурами, поставленными на ея кровлѣ. Какое краснорѣчіе въ этомъ колоссальномъ олицетвореніи трехъ символовъ Христова ученія: вѣры, любви, и надежды. Кажется вся искренность молящихся во храмѣ выражена въ положеніи и чертахъ этихъ фигуръ. Отсюда невольно перенеслись глаза мои къ подобнымъ

фигурамъ на нововоздвигнутой Кальвинской церкви. Эти вѣчно бодрствующія, вѣчно молящіяся статуи породили во мнѣ какое то святое чувство и мнѣ сладостно было питать его въ душѣ своей! И послѣ сего ничто уже болѣе не обратило на себя вниманія моего въ городѣ. Темная лазурь неба на западѣ прекрасно сливалась съ свѣтлолазуревымъ свѣтомъ на востокѣ; багряновидныя облака носились на отдаленномъ горизонтѣ. Слегка дулъ вѣтерокъ и развѣвалъ пѣсни жаворонка, который возносясь къ небесамъ трелями своими привѣтствовалъ весну и восходящее солнце. Вокругъ меня все покрыто было зеленью, и на что ни обращалъ я взоры свои, все твердило весна! весна! Медленными шагами пошелъ я по берегу Виліи, городъ скрылся у меня изъ глазъ, у ногъ моихъ сверкала Вилія, вокругъ нея сосновый лѣсъ.

Между тѣмъ, на другой сторонѣ ея, сосновыя рощи начали рѣдѣть, а берега, покрытыя юнымъ еще поколѣніемъ деревъ стали возвышаться утесистѣе. Нѣсколько далѣе показались хижины, убѣжища труда и бѣдности, а чрезъ рѣку отъ нихъ мрачныя развалины храма нѣги и роскоши, — этого древняго Іезуит-

скаго замка. Между ними дикій островокъ, заросшій весь кустарниками, при тихомъ колебаніи воды, какъ бы носившійся величаво по поверхности волнъ, и веселая зелень бархатныхъ луговъ; они казалось привѣтствовали радостный день и наслаждались прелестями оюнѣвшей природы. Пусть въ нашемъ краю, природа не представляетъ намъ гигантскихъ, величественныхъ картинъ, но въ нарядѣ своихъ холмовъ, лѣсовъ, рощей, и восхитительныхъ береговъ, она имѣетъ для насъ неизъяснимую прелесть. Полный пріятныхъ чувствъ я возвратился домой съ мыслію, что очаровательныя окрестности Вильны дороже для меня самыхъ живописныхъ мѣстоположеній Швейцаріи.

С. Катарскій, Вилен. Губ. Гимн.

ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБЫКНОВЕНІЙ ВЪ ВЬЛОРУССІИ.

I. К У П А Л А.

Вечеромъ, на канунѣ Св. Іоанна, поселяне вбиваютъ большой колъ, обкладываютъ его соломою, а на верху привязываютъ снопъ. Это называется у нихъ: *Купала.* Въ сумерки зажигаютъ его, и вдругъ множествою поселянъ, наряженныхъ въ праздничныя одежды, собираются къ огню, несл березовыя прутья. Эти прутья они бросаютъ въ огонь, приговаривая: *Каб мой лень быу такъ вялик, як гетая хварасьцина* (*). Иные прежде, нежели бросятъ ихъ, три раза обѣгаютъ кругомъ костра. Женщины и молодые мужчины поютъ:

„Купала на Ивана,
„Гдзѣ купала ночевала?
„Купала на Ивана,
„Купала на Ивана,
„Што купала ужывала?“ и т. д.

(*) Бѣлорусское нарѣчіе; значитъ: чтобъ мой лень былъ такъ высокъ, какъ ата вѣтка.

Когда костеръ истлѣетъ до половины, тогда молодые парни скачутъ чрезъ огонь; женатые же и вдовцы липаются этой чести; женщины приносятъ *вареники*, сдѣланные изъ гречневой муки, и тутъ же ѣдятъ ихъ.

Потомъ слѣдуетъ пляска у костра, котораго огонь безпрестанно поддерживается новымъ хворостомъ и соломою. Въ эту торжественную для нихъ ночь не оставляютъ лошадей въ полѣ, но запираютъ въ стойла. Они боятся, чтобы вѣдьмы не взяли ихъ ѣхать въ Кіевъ, потому, что въ эту ночь, по ихъ словамъ, онѣ слетаются тамъ на *Лысой горѣ* Это мнѣніе распространено не только между крестьянами, но и между многими Бѣлорусскими помѣщиками. На воротахъ, гдѣ заперты лошади, вѣшаютъ освященную свѣчку восковую, и говорятъ вѣдьма всегда ее грызетъ, желая очистить себѣ путь къ лошадямъ. Женщины употребляютъ это средство для сохраненія у коровъ молока, которое вѣдьмы, вѣроятно для ужина, въ эту ночь отнимаютъ, и до такой степени, что корова, которую сосала вѣдьма, уже по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ не дастъ молока.

Если спросить у Бѣлорусскаго крестьяни-

на, кто былъ этотъ Купала, котораго они такъ славятъ; онъ скажетъ вамъ: „А што я вѣдаю? мы дзѣлаемъ гета для того, што наши дзяды (*) дзѣлали.“

Въ такомъ видѣ сохранилось празднество древнихъ Славянъ; они нѣкогда торжествовали день Купалы, бога плодовъ земныхъ, принадлежавшаго къ разряду высшихъ боговъ. Предки наши, въ началѣ жатвы, всегда приносили ему жертвы, при чемъ на полѣ зажигали большіе огни; юноши и дѣвицы, украшенные вѣнками, пѣли и плясали вокругъ этихъ огней, прыгали черезъ нихъ и перегоняли свои стада, обеспечивая ихъ такимъ образомъ отъ духовъ лѣсныхъ (**).

II. РУСАЛКА.

Русалки были нимфы и наяды предковъ нашихъ; они жили по берегамъ рѣкъ и источниковъ, волосы имѣли зеленые, по цвѣту

(*) Предки.

(**) См. Ист. Карамз. Т. I. и церковный словарь Алексева.

камыша прибрежнаго, гдѣ они обыкновенно жили.

Но у Бѣлорусиновъ есть повѣрье, что маленькія дѣти, умершія некрещеными, обращаются въ Русалокъ, живутъ въ рощахъ, и качаются на вѣтьвяхъ деревъ. Завидѣвъ прохожаго, они обыкновенно кричатъ ему: *ходзи къ намъ на арели, будзимъ колыхатца.* (*) Но горе тому, кто повѣривъ приманчивымъ приглашеніямъ, осмѣлится навѣстить ихъ; несчастнаго найдутъ изуродованнымъ и разтерзаннымъ: коварныя Русалки защекотятъ его на смерть. Однакожъ есть средство спасенія отъ нихъ; прохожему стоитъ только показать что нибудь стальное, и Русалки подобно змѣѣ отъ *мидуницы*, (**) тотчасъ убѣгаютъ.

Лѣтъ нѣсколько назадъ, говорятъ трусливые земледѣльцы, еще являлись Русалки: это случалось обыкновенно около Троицына дня. Они

(*) Поди къ намъ на качели, будемъ колыхаться.

(**) Трава, отъ запаха которой убѣгаютъ змѣи, и гдѣ она растетъ, тамъ никогда онѣ не подятся; многіе мѣшаютъ её съ курительнымъ табакомъ. Бѣлорусское повѣріе.

связывали вѣтви, казались на нихъ, и такимъ образомъ жили на деревахъ, около дорогъ. Теперь уже они исчезли, и вѣроятно никогда не покажутся, потому что Священники проклялн ихъ. Однакожъ суевѣрная сельская молодежъ въ Бѣлоруссіи, и теперь еще на Троицынъ день боится ходить въ рощи, а ежели и отваживается, то не иначе, какъ толпою.

Русалки почитаются у нихъ недобрыми духами, и Бѣлорусскіе крестьяне, отъ самаго Троицына дня до слѣдующей недѣли, не смѣютъ городить забора, ни строить боронъ, потому, что разгнѣванныя Русалки вымѣстятъ злость свою на коровахъ и лошадяхъ. Прочія работы позволяются.

Праздникъ Русалокъ начинается на другой день Троицы. Селяне и селянки идутъ въ рощу: здѣсь дѣвушки на вѣтвяхъ деревъ свиваютъ вѣнки. Всякая свиваетъ ихъ столько, сколько лицъ имѣетъ у себя на примѣтѣ. При этомъ случаѣ всѣ поютъ:

„ Русалочки,
„ Земляночки,

„ На дубъ лѣзли,
„ Кору грызли;
„ Свалилися,
„ Побилися,
„ Тройца!“

Кончивъ вить вѣнки составляютъ хороводъ, пляшутъ подъ звукъ скрыпки, и поютъ:

„ Мы вѣночки завили,
„ Горѣлочки попили
„ И яишницу поѣли!“

Тутъ незамужнія обмѣниваются кольцами въ знакъ дружбы. Потомъ женщина, старѣйшая изъ всего общества, садится на землѣ, беретъ пукъ крапивы, привязанный къ шесту и представляется дремлющею за прялицею; прочіи, взявшись за руки, скачутъ около нея и поютъ пѣсни. Сидящая женщина стремительно вскакиваетъ, дѣлаетъ страшные прыжки, и сѣчетъ ихъ крапивой по рукамъ. Тѣ съ хохотомъ разсыпаются. Во все продолженіе игры мущины не участвуютъ, и только остаются праздными зрителями.

Такъ кончится свиваніе вѣнковъ. Въ слѣдующее воскресенье, селяне опять собираются

осматривать и развивать ихъ. Тѣ, которые не измѣнились и не засохли, предвѣщаютъ долгую жизнь людямъ, на чье имя они завивались. Теперь ихъ развиваютъ съ пѣснію:

„На Тройцу мы вѣнки вили
„На *разгары* (*) развиваемъ“ и т. д.

Вѣнки засохшіе бросаютъ въ воду; ежели они плаваютъ, то еще по крайней мѣрѣ годъ жизни предвѣщаютъ; ежели же тонутъ, то нужно ожидать скорой смерти. Это, по ихъ словамъ, истина утвержденная вѣками.

А. Киркоръ. Вил. Двор. Инст.

(*) Такъ называется Эта недѣля.

ОПИСАНІЕ ВЕРОКЪ. (1)

Мыза Верки лежитъ въ семи верстахъ отъ города Вильна. Прекрасное мѣстоположеніе привлекаетъ туда множество гуляющихъ. Названіе это Верки, говорятъ, произходитъ отъ слѣдующаго происшествія: толпа Литовцевъ, бывшая на охотѣ, подъ начальствомъ своего Князя, нашла въ лѣсу орлиное гнѣздо, и въ немъ спящаго, прекраснаго какъ ангелъ, младенца; въ это время Князь увидѣлъ орла, который распустивъ крылья, парилъ надъ гнѣздомъ; Князь немедленно вынимаетъ стрѣлу изъ колчана, упругая тетива его лука задрожала... и орелъ, пронзенный стрѣлою упалъ къ ногамъ его. Въ это время ребенокъ залился плачемъ, пробужденный говоромъ Литовцевъ; Князь съ родительскою нѣжностію, вынулъ ребенка изъ гнѣзда, и прижавъ его къ желѣзнымъ латамъ,

---

(1) Въ семи верстахъ отъ Вильны, помѣстье Г. Ясинскаго.

сказалъ: Я усыновляю тебя и дѣлаю наслѣдникомъ всѣхъ богатствъ моихъ по смерти моей. Литовцы, плѣненные красотою мѣстоположенія, поселились въ этомъ мѣстѣ, и отъ крика ребенка назвали Верки, потому, что по-Литовски *Verkos*, значитъ плачъ. Другіе это опровергаютъ такъ: будто этотъ ребенокъ былъ Лездейко, отецъ славной Пояты, толкователь сновъ при дворѣ Князя Литовскаго Гедимина, и его названіе происходитъ отъ *Lez-dejko*, (что значитъ Орлиное гнѣздо); онъ-то истолковалъ сонъ Гедимина о желѣзномъ волкѣ, и былъ виновникомъ основанія города Вильны.

Но нынѣшній владѣлецъ производитъ это названіе отъ Нѣмецкаго слова: Werk (твореніе природы).

Это имѣніе послѣ перешло въ руки Литовскихъ Епископовъ; послѣдній изъ нихъ, Массальскій, украсилъ это мѣсто многими зданіями; построилъ великолѣпный дворецъ, театръ и многія другія зданія и намѣревался еще болѣе сдѣлать, но смуты въ Варшавѣ все кончили. (1)

---

(1) Онъ былъ повѣшенъ во время Конфедераціи.

французы все превратили въ груду камней, и теперь одиѣ развалины свидѣтельствуютъ о величіи этихъ зданій; еще недавно, разрывая землю, нашли основаніе зданія, какъ видно довольно обширнаго, и крестьяне, разрывая все далѣе и далѣе, нашли груды костей, и выбрасывая лопатками, поговаривали: *это Хранцузскіе кости.*

Верки построены на высокой горѣ. Посредиѣ обширнаго двора возвышается уцѣлѣвшій дворецъ, менѣе всѣхъ прочихъ зданій пострадавшій отъ разрушенія. По бокамъ его построены два флигеля; еще видны на стѣнахъ остатки барельефовъ. Позади дворца находится бульваръ, откуда представляется самый великолѣпный видъ: подъ вами крутизна, поросшая дубами, которыхъ зеленые, раскидистые верхи сравнялись съ пещанымъ щитомъ горы. Виліи смиренно плыветъ подъ вашими ногами; на обширной полиѣ разбросаны живописно хижины съ садиками. Пестрыя группы стадъ пасутся на зеленой муравѣ. Уже послѣдніе лучи заходящаго солнца разливали розовое сіяніе на гладкой поверхности Виліи; я стоялъ на одномъ

мѣстѣ и любовался очаровательною картиною природы. Уже западъ растворялъ свои широкія врата для принятія царя свѣтилъ. Вдали видѣнъ былъ градъ Гедиминовъ, поглощенный туманомъ. Кто-то въ то время прервалъ мои думы и я ушелъ домой.

Но лишь только ночь начала расправлять свои черныя крылья, я отправился опять на то-же самое мѣсто, и съ какимъ то невольнымъ страхомъ уже приближался къ развалинамъ замка. Ночь была тиха и прекрасна, какъ въ Италіи; полный мѣсяцъ плавалъ въ подлебесномъ пространствѣ и отражаясь въ рѣкѣ прорѣзывалъ ее золотою тропою; палевые лучи его трепетали на зеленыхъ листьяхъ деревъ, увлажненныхъ вечернею росою и разсыпались въ милліоны серебряныхъ блестокъ. Вдали были слышны трели пѣвца полуночи, онъ заливался, щелкалъ, замиралъ... и потомъ какъ бы пробужденный, снова принимался за упоительную пѣсню, отъ которой растаетъ человѣкъ съ чувствомъ. Я стоялъ долго въ забытьи. Вдругъ сова со всей совиной мочи ухнула и мои мечты разсѣялись подобно перепуганнымъ

ласточкамъ и уже заря начала золотить края небесъ, и все пробуждалось, для встрѣчи благодѣтеля вселенной. Я неохотно оторвался отъ этой картины.

Ф. Мержеевскій, Вилен. Дворян. Институт.

РѢКА КУБАНЬ.

Чувства мои и слова недостаточны, что бы описать въ точности красу твоихъ береговъ. Твои волны раждаются въ нѣдрахъ Эльбруса, царя горъ Кавказскихъ, и ты, какъ дитя, которое боится суроваго взгляда отца своего, бѣжишь отъ глазъ этого великана, погружая волны свои въ бурныхъ пучинахъ Чернаго моря, протекая мѣста Кавказа, богатѣйшія дарами природы. Ахъ много, много ужасовъ совершилось на берегахъ твоихъ! Не разъ хищный Черкесъ, притаившись за утесомъ скалы нависшей надъ твоими пучинами, выглядывалъ добычу свою, и наконецъ дождавшись жертвы, влачилъ на аркапѣ несчастнаго плѣшника, который глотая твои воды, боролся въ волнахъ со смертію. Не одинъ разъ на твоихъ берегахъ Русскій мечъ поражалъ лихихъ наѣздниковъ, и громъ пальбы потрясалъ прибрежные утесы. Бѣги Ку-

бянь и оронай долины Кавказа; ты будешь еще не разъ свидѣтельницею торжества Русскаго оружія. Успокоившись, вечернею порой, ты часто прислушиваешься къ шуму водопадовъ, бѣгущихъ съ ревомъ съ обрывистыхъ скалъ; тамъ глухіе, непроходимые лѣса не пробуждались ни стукомъ сѣкиръ, ни голосомъ человѣка; въ глубину ихъ лучъ солнечный никогда не достигалъ. Груды скалъ мохнатыхъ горделиво проглядываютъ въ чистыхъ струяхъ твоихъ. О, какъ много въ глубинѣ твоей скрывается жертвъ упорнаго боя, которыхъ остатки, выплывая на поверхность водъ, привлекаютъ жаднаго ворона! Виноградъ, обвившійся около деревъ, своими узорчатыми листьями, осѣняетъ живописно берега твои. Ты катишь свои волны тихо, и иногда только, будто предчувствуя бурные дни, бушуешь ужасно, смѣшивая чистыя воды свои съ бурымъ пескомъ Кавказа. О, еслибъ я могъ еще разъ увидѣть тебя въ то время, когда дикіе горцы узнаютъ всю пріятность спокойствія и тишины, повинулсь законамъ и мечу сильной Державы и тогда въ покоѣ насладиться всѣ-

ми красами твоихъ береговъ! О прелестная Кубань, да неизсякнутъ твои пучины и пусть соха времени не коснется никогда твоего русла!

Э. Прозоръ, Виленс. Двор. Инст.

ГОРА ЭЛЬБРУСЪ.

Я видѣлъ тебя, двуглавый Эльбрусъ, минаретъ свѣта; ты ушелъ отъ матери твоей земли и скрылъ серебряное чело свое въ густыхъ облакахъ. Глава твоя осыпана сѣдинами, мимо которыхъ пронеслись съ шумомъ нѣсколько вѣковъ; но ты неизмѣненъ, ты неподвиженъ. Густой темный лѣсъ, покрывающій ребра твои, служитъ тебѣ пышною мантіею.

Ты съ гордостію смотришь съ высоты на молнію, пересѣкающую облака. Ты нечувствителенъ, величественный Эльбрусъ, ко всему окружающему; несчастія людей не тревожатъ тебя, и громы напрасно ударяютъ въ твои скалистыя рамена; ты смѣешься надъ грозою; неподвижный между дольнимъ міромъ и небомъ, подостлавъ подъ ногами землю, тучи и громы, ты внемлешь гласу Творца къ природѣ.

Для тебя вѣчно блещетъ царь свѣтилъ во всемъ сіяніи; ни одно облачко не дерзаетъ сокрыть

его отъ тебя. Какое восхитительное зрѣлище, когда на пустынномъ, темнолазоревомъ небосклонѣ встаетъ лучезарный шаръ и привѣтными лучами осыпастъ южную природу! Быстрые ключи клокоча срываются со стономъ съ обрывистыхъ скалъ, подобно хрустальнымъ глыбамъ и наконецъ разбрызгиваются алмазами и яхонтами; яркіе солнечные лучи дробятся милліонами въ сѣдыхъ изгибахъ каскада. О гордый Эльбрусъ! чья искусная рука опишетъ твое величіе? чья дерзовенная нога попирала твою дѣвственную вершину? Но и быстрый соколъ не подыметъ крылъ своихъ, чтобы взлетѣть на твою бѣлоснѣжную голову и увидѣть гигантскія гряды Кавказа во всемъ ихъ блескѣ и величіи.

Солнце—царь свѣтилъ небесныхъ; ты Эльбрусъ, царь Россійскихъ горъ; но жители твоихъ долинъ нечувствительны къ красѣ твоей, и дерзкая рука хищника пронзаетъ жертву, обагряетъ страшною кровью чистый, бѣлый покровъ твой. Но скоро настанутъ времена, когда мирные законы разольютъ спокойствіе вокругъ тебя; промышленность процвѣтетъ и обогатитъ твои широкія долины и ты покроешь много-

людныя и счастливыя жилища твоими безконечными тѣнями и признательныя ихъ сердца восхвалятъ тебя за доставляемые дары: обиліе и спокойствіе.

Э. Прозоръ. Виленск. Дворянск. Институт.

ЗАКРЕТЪ. (1)

Было четыре часа по полудни. Я сидѣль на берегу Виліи; прекрасныя окрестности восхищали меня. На противномъ берегу раскинулась необятнымъ шатромъ крутая песчаная гора и ели и сосны, кудрявымъ вѣнцемъ, одѣли главу ея. При малѣйшемъ вѣтрѣ кучи песку съ шумомъ катятся съ вершины горы и падаютъ въ глубину рѣки. Волны ея клокоча скачутъ одна надъ другою, какъ стадо испуганныхъ овецъ; длинные плески, какъ сѣдые локоны раздраженнаго Нептуна, съ отчаяніемъ отрываются отъ пучины и какъ чешуйчатыя струи, слившись въ одну широкую волну, вновь разстилаются робною скатертью по мягкому ложу. Вотъ солнце начало утопать за золотымъ хребтомъ *Пожарскихъ горъ*. Ночь уже спѣшила своими черными крылами закрыть небо. Двурогій мѣ-

---

(1) Въ трехъ верстахъ отъ Вильны.

сяцъ облилъ серебромъ вершины горъ и волнъ, и жемчужная роса покрыла роскошный коверъ долины. Птицы кружились по поднебесью и поднимались все выше и выше, прощаясь съ заходящимъ солнцемъ. На лѣво отъ меня возвышается полуразвалившійся замокъ освѣщенный луною; онъ какъ мертвецъ, закутанный въ саванъ, смотрится въ волнахъ Виліи. Низкая, мѣстами развалившаяся стѣна, окружаетъ его. Внутри замка вы можете видѣть отличную живопись; потолокъ украшенъ арабесками. Длинныя липовыя аллеи, окружаютъ стѣны замка. Насупротивъ его за рѣкою бѣлѣются мызы, и длинная тѣнь замка обрисовывается сперва на волнахъ Виліи, а послѣ на бѣлой стѣнѣ мызы. Пространный, покрытый кустарникомъ островъ, раздѣляетъ русло Виліи на два рукава; волны ея становятся кротче и зеркало неподвижно. Тамъ видны два неба, два блѣдные мѣсяца, два тѣже замка. Но послѣ рукава эти соединяются и струи съ веселымъ шумомъ несутся, чтобы воды свои отдать возлюбленному Нѣману, а послѣ съ нимъ вмѣстѣ потеряться въ волнахъ буйнаго моря. И какъ знать? можетъ быть волны ея превратившись въ морскіе валы, ласка-

лотъ стѣны Петрополя, сооруженнаго могучею рукою великаго преобразователя Россіи!

Въ этомъ замкѣ жили съ давняго времени Іезуиты. Доселѣ видна еще ихъ домашняя часовня. Наконецъ онъ отданъ былъ вождю Бениксону. Я, кажется, теперь вижу свѣтлые взоры Августѣйшаго Монарха АЛЕКСАНДРА I, кажется, примѣчаю величественные шаги Его, когда Онъ прогуливался одинъ, безъ всякой свиты, по липовымъ аллеямъ Закрета, которыхъ кудрявыя вѣтви, сплетенныя вмѣстѣ, составляютъ аркады великолѣпнаго корридора.

Здѣсь то Благословенный созидалъ великіе планы: отвратить страшную бурю, грозившую любезной Ему Россіи, но этихъ высокихъ помысловъ и чувствъ были свидѣтелями на небѣ одинъ Богъ — а на землѣ — таинственныя рощи Закрета.

И. Валицкій Вил. Двор. Инст.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА КЛАССНУЮ ДОСКУ.

Маленькое, тонкое, зеленое, нѣжное, прекрасное дерево росло среди лѣса, окруженное буграми, живописными долинами, цвѣтами благовонными, разнообразными, какъ яркая радуга. Его лелѣялъ нѣжный зефиръ, оживляла жемчужная роса, орошалъ хрустальный ручей, освѣщало и грѣло лучезарное солнце, и оно свободно росло. Минули вѣки. Это маленькое дерево, которое прежде, между своими огромными сосѣдями было незамѣтно точно такъ, какъ незамѣтна одна незабудка въ цвѣтникѣ, величественно, гордо, грозно вознесло главу свою въ эѳирное царство, распахнуло свои зеленыя кудри, бросило тѣнистую мантію на землю, на рѣку, шумящую у стопъ его, и споря о первенствѣ съ вершинами отдаленныхъ горъ, любовалось собою въ ея лазурныхъ струяхъ. Оно спокойно возвышалось среди всеобщей тишины, страшно шумѣло во время бури, соединяя свой шумъ

съ шелестомъ птицъ, парящихъ надъ его главою, и ищущихъ убѣжища въ рѣшетчатомъ его сводѣ. Не рѣдко царь пернатыхъ, гордо смотрящій съ подъ — облачныхъ высотъ на его величіе, низлеталъ оттуда, и сѣвъ на вѣтвяхъ, предавался сладкому сну; иногда робкая бѣлка прыгала на его вершинѣ, и разноцвѣтный мотылекъ на одномъ листѣ находилъ мирный пріютъ Дерево это видѣло на отдаленныхъ пространствахъ все, что плѣняетъ взоръ человѣка; видѣло лютыхъ звѣрей и охотниковъ, преслѣдующихъ ихъ на борзыхъ лошадяхъ; видѣло путешественниковъ, богатыхъ и бѣдныхъ; видѣло полчища враговъ, и ихъ страшныя орудія, несущія въ лонѣ своемъ смерть. Оно испытало всѣ ужасы природы; наконецъ наступило роковое время. Сила человѣческая одолѣла его. Металлъ, исторгнутый изъ нѣдра земли, превращенный въ смертоносное орудіе, началъ свирѣпствовать въ густомъ лѣсу. Высокія деревья пали подъ его ударами, какъ колонны храма Филистимлянъ отъ мощной руки Самсона. Величественное дерево гордо смотрѣло на гибель своихъ сосѣдей. Наконецъ свершилась судьба лѣснаго гиганта. Страшные вра-

ги — люди окружили его, нанесли смертельные удары. Онъ рухнулъ съ трескомъ и грохотомъ, подобно Родосскому колоссу, низвергнувшемуся отъ сильнаго землетрясенія. Окрестности грознымъ отголоскомъ повторили его стоны! Изчезло прежнее величіе!.. Сѣкиры обнажили его изъ вѣтвей, которыя прежде столь величественно качались при порывистомъ вѣтрѣ; его везли чрезъ мрачные лѣса, города, и села, наконецъ разпилили на части, сдѣлали доску, выкрасили черным цвѣтомъ и приковали желѣзными крюками къ бѣлой, свѣтлой стѣнѣ нашего класса!

Доска! ты украшаешь этотъ классъ! ты свидѣтельница ежедневныхъ радостей и печалей, веселыхъ восклицаній и ропота! ты въ одно мгновеніе держишь на своемъ хребтѣ то, надъ чѣмъ великіе геніи трудились многіе вѣки! ты этимъ гордишься! ты красуешься на бѣлой, какъ снѣгъ, стѣнѣ! у подножія твоего покоятся твои спутники: кусокъ мѣлу и заячья лапка!

Кусокъ мѣлу, эта малѣйшая часть огромной глыбы, которая, можетъ быть, вѣки покоилась въ утробѣ земли, и была исторгнута оттуда ру-

кою человѣческой; ежедневно, даже поминутно браздитъ тебя! тогда на тебѣ изображается мудрость человѣческая! Математика, Физика, Исторія, Географія, произведенія вдохновенныхъ поэтовъ и прозаиковъ — все является на твоей поверхности! Этотъ кусокъ мѣлу покрываетъ тебя чертами, которыя должны отразиться въ нашей памяти! Доска! ты тогда зерцало всѣхъ нашихъ знаній! Но вдругъ все изчезаетъ, какъ мгновенный отблескъ молніи въ чистыхъ водахъ рѣки; все уничтожаетъ одинъ размахъ ножки животнаго маленькаго, робкаго, которое тысячу разъ блуждало одинокое между кустами, попирало этою ножкою радужные цвѣты, омывало ее въ струяхъ ручья, быстро носилось по холмамъ, увѣнчаннымъ зеленью, и наконецъ липнлось жизни! Эта ножка въ одну минуту истребляетъ всю мудрость, которую изображаетъ на хребтѣ твоемъ частица ископаемаго царства! И ты опять чернѣешься; только милліоны бѣлыхъ атомовъ клубятся вокругъ, какъ сиій тумапъ, и тонкою, едва замѣтною пленою покрываютъ тебя!..

Стой неподвижно доска! долго, дотолѣ, пока не разрушатся эти стѣны! будь прочна, какъ

этотъ металлъ, которымъ ты прикована! пусть промчатся лѣта, пусть тысячи грудъ мѣлу исчезнутъ, бразды твой хребетъ, но ты стой неподвижно! будь нашимъ завѣтомъ для преемниковъ этого класса! пусть они пишутъ, учатся, и иногда воспоминаютъ наши времена!

Л. Плошинскій. Вил. Двор. Инст.

ФИЛОСОФСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПЕРО.

По роду гусей перья бываютъ: критическія, сатирическія, поэтическія; также глупыя, умныя, водянистыя, крѣпкія, короткія, растянутыя, и проч. При началѣ осени, въ крылѣ гуся перо съ шумомъ подымается отъ земли подъ облака, стремитъ полетъ туда, гдѣ солнышко надъ головою, въ благодатныя страны юга. Тутъ оно озираетъ много земель, много вершинъ дремучихъ лѣсовъ оставляетъ подъ собою, внимая ихъ шопоту, паритъ надъ развалинами городовъ, зданій и древнихъ крѣпостей, и подслушиваетъ минувшія событія; отдыхаетъ ночью при зыбяхъ, и сладко засыпаетъ утомленное путемъ, разчисляя сколько милліоновъ размаховъ крыла должно сдѣлать, чтобы окунуться въ волнахъ чернаго моря, и порою завидуетъ западнымъ сосѣдямъ, которые въ сутки пролетаютъ цѣлыя пять царствъ. Купается оно и въ болотѣ, таясь отъ стрѣлка въ густой осокѣ; погружается въ струи быстрой рѣч-

ки, и тихаго озера. Его моютъ дожди, усыпляетъ бурл, будитъ вѣтерокъ и грѣетъ солнышко. Порою бросаетъ надблюдательный взглядъ и на шумные города, прислушивается къ говору народа, замѣчаетъ его обычаи, одежду. Вотъ причина, что великіе таланты своими твореніями движутъ умы цѣлаго свѣта. Эти творенія писаны перомъ гуся путешественника, не верхогляда, опытнаго, поглазѣвшаго на свѣтъ и людей, и который нахватался житейской мудрости. Этимъ также объясняется, почему у насъ потѣютъ, грызутъ перо, ломаютъ голову, чтобъ какъ нибудь занять страничку въ нашихъ Бездѣлкахъ (*) и передать имя свое потомству Институтскому, или тиснуть перомъ статейку въ нашемъ журналѣ, и ни въ чемъ не успѣваютъ: мы пишемъ перомъ домашняго гуся, который дальше клѣва, рѣчки или пруда, нигдѣ не бывалъ; отъ того и мы прошли не болѣе пяти шаговъ на Литературномъ поприщѣ. Но тогда еще мертво перо, для жизни его нужна смерть отца; послѣдняя минута

(*) Журналъ, составляемый воспитанниками Виленскаго Дворянскаго Института.

бытія гуся возжигаетъ первую искру чувства въ перѣ. Тогда мирное перо, таившееся въ крылѣ невѣдомомъ, дѣлается всемірнымъ властелиномъ: оно палачъ и спаситель, оно мечъ и щитъ, оно ядъ и лекарство могучихъ вельможъ и бѣдныхъ, отъ палатъ великолѣпныхъ до убогой хижины. Кто сосчитаетъ, сколько погубило оно людей со временъ Таута отъ единаго очерка своего? Но кто же измѣритъ и то необъятное благо, которое оно даровало человѣчеству?!

А. Броневій, Вил. Двор. Инст.

ПОѢЗДКА ВЪ АДЪ.

„ А судьбы его? “

— Лета. —

(*Поѣздка въ Адъ*)

Πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προϊάψεν
ἡρώων Ὁμηρος

„ Все мрачное мраку, а фебово фебу,
Все дольное долу — небесное небу! “ кричалъ я, читая стихи.

Стой! стой! раздался голосъ изъ — за печки: все мрачное мраку; и довольно!

Это было ввечеру. Я былъ одинъ въ комнатѣ, нечаянный крикъ испугалъ меня; однакожъ я рѣшился посмотрѣть, нѣтъ ли кого за печкой? Беру свѣчу, смотрю, никого нѣтъ. Только Латинскій лексиконъ, засыпанный пылью, спитъ, какъ Помпея подъ пепломъ Везувія. Вѣчной тебѣ ночи, безконечнаго сна! подумалъ я: зачѣмъ тревожить кости мертвыхъ? и хотѣлъ удалиться, какъ вспомнилъ, что кто-то кричалъ:

„ Кто тамъ реветъ? “ спросилъ я.

— Да будто я реву? отвѣчала высунувшаяся изъ лексикона голова.

И мнѣ казалось, что изъ лексикона выглядываетъ самъ Цицеронъ, или Титъ Ливій. Я отступилъ назадъ. Надобно знать, что я не охотникъ водиться съ мертвецами.

— Какой ты пугливый! Да кто теперь боится чертей? сказала голова.

„ Кто же зналъ, что ты чортъ? я думалъ ты Римлянинъ, или что то на него похожее. Вылѣзай, милости просимъ поближе. “

И сатана вылѣзъ, распрямился, и въ два прыжка очутился у стола.

„ Садись, Царапіусъ, вотъ тебѣ стулъ, садись безъ обиняковъ. “

Сатана взялъ перо, поставилъ его къ верху ногами въ чернилицу и сѣлъ...

„ Что ты сдѣлалъ! притупилъ послѣднее перо мое. “

— Пустое, не сердись; тебѣ же лучше будетъ: тупыя остроты всегда чувствительнѣе; ихъ скорѣе замѣчаютъ; слѣдовательно онѣ больше нравятся. И намѣренъ прославить тебя!

„ Спасибо, Царапіусъ; а только не худо бы слѣзть съ пера.“

— Опять пустое! Теперь у васъ въ Литературѣ вѣкъ чертовщины, слѣдственно мнѣ очень кстати сидѣть на твоемъ перѣ.

„ Ты правъ. Да скажи пожалуй, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? вѣдь я не намѣренъ продать душу свою.“

— А я не намѣренъ купить ее! Э! старыя времена вспомнилъ ты братъ. Да это ужъ вышло изъ моды! Правда, мы прежде откупали всѣ негодныя души, а теперь вамъ даромъ отдаемъ ихъ. На, смотри сколько ихъ у васъ!

Царапіусъ схватилъ мою фуражку, провинтилъ въ ней рогомъ дырку, и предлагалъ мнѣ смотрѣть; но я отказался.

„ Такъ ты не за душой пришелъ ко мнѣ?“

— Нѣтъ, я пришелъ за тобою, то есть за душой и за тѣломъ вмѣстѣ.

Я пошатнулся и прислонился къ стѣнѣ.

— Фи, сказалъ Царапіусъ, фи, какое ты дитя! Скоро купишь бритву, а ребячиться еще не отвыкъ.

„Ребячиться! тутъ не въ томъ дѣло, ты мнѣ скажи, на что я тебѣ?“

— На что? увидишь *тамъ*.

Мнѣ совершенно не хотѣлось увидѣть себя *тамъ*; однакожъ я не зналъ, какъ отдѣлаться отъ сатаны; не выгнать-ли его? что за война съ чертями; не дать ли ему что нибудь? да онъ вѣдь и души не беретъ! что прикажешь дѣлать!

— Я вижу, сказалъ Царапіусъ, ты не рѣшаешься ѣхать со мной, а я клянусь тебѣ мракомъ ночи и пѣснію пѣтуха, что привезу тебя назадъ!

„Повѣрить ли мнѣ чорту?“

— Вѣрь чертовскому слову моему!

Это меня смутило. Я видѣлъ, что не было средствъ отдѣлаться отъ почтеннаго гостя моего, и рѣшился ѣхать. Говорятъ, что въ опасныхъ случаяхъ познается величіе духа: это правда; я, какъ видите, испыталъ это на себѣ. Одно только меня удивляетъ: почему до этихъ поръ никому не пришло въ голову назвать меня великимъ? Видно еще не успѣли заняться мною: но это не уйдетъ. Я кандидатъ въ великіе! и это также справедливо, какъ и то, что я ѣздилъ въ Адъ. Развѣ рѣшимость Наполеона, когда онъ подъ громомъ пушекъ летѣлъ черезъ мостъ,

была выше моей отваги, когда я сѣдлалъ чорта и мчался въ Адъ? Здѣсь говорятъ факты, слѣдственно противорѣчіе должно молчать.

„Царапіусъ!“

— А что? —

„Чему быть тому не миновать.“

— Разумѣется! —

„Я ѣду съ тобой“

— Прекрасно! Вотъ этого то мнѣ и хотѣлось. Дай же мнѣ руку пріятель. О, ты сокровище наше, ты солнце ада.

И сынъ тмы ликовалъ. Я уже такъ за просто обходился съ моимъ демономъ, что онъ даже не заблагоразсудилъ обратиться въ коня, и я имѣлъ удовольствіе сѣсть ему на спину и держаться за рога. Впрочемъ я не сердился за эту невѣжливость; я былъ первый человѣкъ, въ которомъ нуждался адъ. Случалось мнѣ силою руки смирить бѣшеную лошадь; гордымъ взглядомъ унизить паглеца; однимъ словомъ опѣшить хвастуна; всѣ эти побѣды мнѣ наскучили. Но сѣсть на шею самому чорту, и сказать ему: вези меня! это былъ первый случай. Онъ льстилъ моей гордости, и я забылъ обо всемъ. Къ тому жъ я съ дѣтства имѣлъ свой,

особенный взглядъ на бѣсовъ; я считалъ ихъ людьми умными, отличными хитрецами, но безъ всякаго воспитанія. И до этихъ поръ я никакъ не могу повѣрить, чтобы чортъ говорилъ по французски.

Мы летѣли скорѣе вихря, быстрѣе бури. Ноги мои стучали объ чела горъ, голова шлифовалась объ тучи. Я гордо смотрѣлъ на исчезающую землю: казалось я оторвался отъ нея, стряхнулъ съ себя грязную пыль ея, и мчался по собственной волѣ все выше и выше. Здѣсь я думалъ, завѣтное приволье! дыханіе гроба сюда не достигало; самая мысль о смерти здѣсь не зарождалась; здѣсь все—вѣчность; здѣсь есть мѣсто—но нѣтъ времени! И я взглянулъ на землю: она какъ огромный блѣдный щитъ висѣла подомною и тонула въ голубомъ, безбрежномъ разливѣ воздуха. Я послалъ ей грустное прощанье; но оно не нашло себѣ отзыва: страна эта, со временъ міросданія, не откликалась ни на чей еще голосъ. Я долго смотрѣлъ на землю, она быстро лѣтѣла въ пропасть пустоты, дѣлалась меньше, меньше — и наконецъ исчезла. О! какъ счастливъ тотъ, кто можетъ сказать: „земля и люди, до свиданья!“

Поэтическій тонъ души моей разстроилъ Цараліусъ:

— Знаешь ли что?—

„Не знаю!“ отвѣчалъ я сердито, „Ну что тамъ?“

— Презабавный случай. Впрочемъ, это очень давно было. Тогда, когда адъ торговалъ негодными душами... не сердись брать за это, вы прежде насъ стали торговать невольниками, мы только вамъ подражаемъ... тогда я говорю, случилось мнѣ купить одного ростовщика. Эти люди для насъ необходимы: ежели которыхъ нельзя передѣлать въ дьяволовъ, то мы велимъ выварывать изъ нихъ золото. Этимъ обыкновенно занимаются покойные ваши алхимисты, которые теперь куда какъ поумнѣли! Если бы кому нибудь изъ нихъ удалось вырваться изъ Ада, то на землѣ полилось бы золото рѣками. Правда, число ростовщиковъ тогда гораздо бы уменьшилось, но финансы наши, вмѣстѣ съ народонаселеніемъ, пришли бъ отъ того въ упадокъ Потому алхимисты стоятъ у насъ за крѣпкимъ карауломъ.

Тутъ Цараліусъ заврался. Онъ сталъ мнѣ статистически вычислять прибыль Ада по тор-

ловлѣ, въ огромныхъ числахъ. Такая ариѳметика мнѣ очень надоѣла и я долженъ былъ перебить его.

„Уволь, братъ, отъ этого; разскажи чучше, сколько ты вытопилъ золота изъ твоего ростовщика?“

— Золота мы изъ него не получили, да за то дьявола отличнѣйшей доброты! Я васъ познакомлю. Да, я недосказалъ тебѣ: когда я несъ его на себѣ, точно какъ тебя теперь, онъ, вѣроятно съ испугу, уронилъ свои мѣдныя туфли въ самое то мгновеніе, какъ мы пролетали черезъ жерло Этны.

„Чтожъ за бѣда! уронилъ, такъ уронилъ; пусть ихъ лежатъ тамъ!“

— Бѣда не бѣда, а сущая потѣха: вашимъ ученымъ путешественникамъ вообразилось, что это непремѣнно должны быть Эмпедокловы туфли. Писали, шумѣли, спорили — едва не ссорились, а за что? за туфли ростовщика! Ай да ученые ваши! Весь адъ помиралъ со смѣху.

Такъ чадо тмы смѣялось надъ свѣтилами земными. Вдругъ вдали показался свѣтъ, сперва едва замѣтный; онъ постепенно увеличивался, росъ, приближался, и я наконецъ ясно раз-

ничилъ планету. При всѣхъ моихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ въ Астрономіи, я не могъ узнать ее. Надобно было посовѣтоваться съ Цараіусомъ. Это адъ, сказалъ онъ, и этого объясненія съ меня было довольно. Не стану описывать наружности ада, потому, что его Статистикѣ, Географіи и Топографіи, я намѣренъ посвятить особую статью, а теперь честь имѣю доложить, что мы уже въ аду, въ гостяхъ у его мрачности. Впрочемъ, ежели мнѣ и не удастся исполнить своего обѣщанія, то прочтите пожалуйста у Данта описаніе родины моего Цараіуса, это все равно, что у меня; я васъ увѣряю, что я лучше и достовѣрнѣе не въ состояніи описать.

— Ну вотъ мы и здѣсь! сказалъ Цараіусъ, какъ тебѣ кажется наше жилище? —

„Да, для васъ хорошо.“

— А тебѣ не нравится? ты знаешь пословицу: тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.—

„Охъ, ты правду сказалъ: тамъ должно быть прекрасно, гдѣ васъ нѣтъ.“

— Ладно, ладно, узнаешь, полюбишь; теперь пойдемъ-ка за дѣломъ.

И мы пошли. Намъ встрѣтился демонъ одѣтый, какъ видно, по новѣйшей модѣ. Платье

его сшито было изъ листковъ бумаги, различнаго цвѣта и величины, и все было исписано. Когда я разсмотрѣлъ его поближе, то замѣтилъ, что оно сшито изъ сочиненій: многія изъ нихъ мнѣ были очень извѣстны; но странно, что онѣ всѣ были изъ рода холодныхъ, какъ на прим. *Зима*, *Морозное утро* и проч.

„Что Цараніусъ, спросилъ я, этотъ сатана изъ числа рѣдкихъ людей въ аду?“

— Пожалуй, можешь считать его рѣдкостію. Тебя удивляетъ нарядъ его: это послѣдняя мода. Зимою мы носимъ платье изъ *Пожаровъ*, *Знойныхъ дней* и проч. а лѣтомъ изъ *Зимъ*, и тому подобнаго. Мы любимъ и грѣться и прохлаждаться.

„Слѣдственно и у васъ есть мода?“

„Нѣтъ, у насъ мода Парижская, а не адская.“

— А мы ее звали эскимосскою, и послали къ вамъ. Носите на здоровье, скоро пошлемъ вамъ и эту бумажную, когда у насъ понатрутъ ее вдоволь!

Тутъ Цараніусъ раскатился смѣхомъ, такъ, что своды ада застонали. Вотъ, подумалъ я, важный матеріялъ для исторіи модъ. Мы шли

далѣе. Мутная, сердитая рѣка, заградила намъ дорогу. Быстрыя волны ея съ шумомъ катили груды листовъ, книгъ, и тетрадей. Мѣстами отъ накопленія бумагъ вода выступала изъ береговъ.

„Какая это рѣка?“ спросилъ я у проводника моего.

— Самая достопримѣчательная! Это Лета древнихъ; новѣйшіе забыли ее: но она помнитъ ихъ, видишь ли сколько здѣсь твореній?

„Да по чему же вы не употребите ихъ на платье?“

— Помилуй братъ, наша ли вина, что вы пишете такія книги, которыя даже для насъ безполезны! Иныя слишкомъ жарки, иныя чрезвычайно холодны; одинѣ ужасно тяжелы, а другія черезъ чуръ легки; изящества вовсе нѣтъ!

Вздохъ состраданія вырвался у Цараніуса. Этотъ вздохъ облилъ горемъ душу мою: какъ бѣденъ, думалъ я, тотъ человѣкъ, который даже сатану можетъ преклонить къ состраданію! Послѣ этого, не бывать мнѣ писателемъ!

Мы отправились по берегу Леты. Тутъ я увидѣлъ существо, въ родѣ человѣка, съ такою огромною головою, какой и воображать не случалось. Кругомъ валялись вопросительные крю-

чки и восклицательныя шпильки: незнакомецъ тщательно собиралъ ихъ, и приводилъ въ порядокъ. Пробѣжавъ мысленно всѣ творенія естествоиспытателей, всѣ системы, всѣ классификаціи животнаго царства, я не могъ рѣшить: куда отнести новую мою находку? Услужливый Царапіусъ рѣшилъ дѣло:

— Это критикъ нашъ, сказалъ онъ; изъ всѣхъ литераторовъ я болѣе другихъ люблю критиковъ, за то, что они понимаютъ свое назначеніе; вѣчно сидятъ у береговъ Леты, и дремлютъ подъ сладкій ропотъ ея. Не знаю, какъ у васъ, а у насъ критикъ— ни на шагъ отъ Леты; онъ наполняетъ рѣку эту самыми новѣйшими сочиненіями, и припоминаетъ авторамъ, что къ безсмертію дорога черезъ Лету. Кто утонулъ, вѣчная память; кто выплылъ, ступай съ Богомъ!

„А голова, большая?“

— Это сумма всѣхъ нашихъ головъ. Въ ней главное достоинство критика. По его словамъ онъ всѣхъ насъ умнѣе. Я думаю ваши критики вамъ тоже твердятъ?

„Иногда. А вопросительные и восклицательные знаки?“

— Это оружіе критика.

„А судьба его?“

— Лета! —

Жалобный вопль огласилъ своды ада. Мы оглянулись и увидѣли блѣдную тѣнь, привязанную за уши къ дереву. Какой то человѣкъ сѣкъ ее безжалостно предлинным стихомъ изъ Телемахиды. Стихъ этотъ я помню:

Велеглаголую славу мою отымать тебѣ полно!

— Василій Кирпловичь! что вы дѣлаете? оставьте ради Роллеия и Телемака! закричалъ Царапіусъ подбѣжавъ къ нему.

Тать яко должную мзду онь за кражу пріемлеть!

— Полно, полно, Василій Кирпловичъ: это недостойная практика въ теоріи элоквенціи!

Царапіусъ мнѣ разсказывалъ, что Василій Кирпловичъ изъ Элисейскихъ полей, пришелъ нарочно въ адъ наказать какого-то Славянофила, который уже нѣсколько разъ выбиралъ лучшія красоты изъ твореній Тредьяковскаго и выдавалъ ихъ за свои.

Мы пришли къ огромному зданію, построенному въ видѣ книги; на корешкѣ ея написано было: Матеріялы для исторіи человѣческихъ заблужденій. Царапіусъ пригла-

шалъ меня войти, но я отказался, боясь, чтобъ и меня не помѣстили въ число матеріяловъ. Однакожъ я не могъ преодолѣть своего любопытства, и подошелъ къ окну. Тутъ я увидѣлъ и философскій камень, и жизненный эликсиръ и магнитизмъ Месмера, и систему Галля и между прочимъ обожженный отломокъ бревна.

„На что же это?“ спросилъ я указывая на бревно.

— А вотъ узнаешь; ты для него привезенъ сюда.

Цараπіусъ постучалъ въ окно, и дверь отворилась. Вышелъ толстый, запыленный сатана, въ бумажной одеждѣ, исписанной разысканіями о древностяхъ.

— Вотъ онъ! сказалъ Цараπіусъ, указывая на меня.

Археологъ мрачнаго царства вынулъ табакерку, понюхалъ табаку, обтеръ носъ *Сказаніями о бѣдствіяхъ моего носа* (1), и вперилъ въ меня сѣрые глаза свои.

„Сослужи, братъ, службу для цѣлаго ада, сказалъ онъ мнѣ. Ваши ученые ничего не дѣ-

---

(1) Одна изъ прежнихъ моихъ статей.

лаютъ; надо имъ доставить работу. Помнишь ли изъ древней Исторіи какъ Геростратъ сжегъ храмъ Діяны?

„Какъ же не помнить: это было въ ту самую ночь, когда родился Александръ Македонскій.“ (2)

— Да, да; и въ ту самую ночь, когда мы строили вотъ это зданіе!“ сказалъ сѣрооkій, указывая на матеріялы заблужденій. „Вотъ тебѣ чурбанчикъ, спеси его на землю!“

„Не въ цари ли лягушкамъ?“

—„Нѣтъ, въ идолы ученымъ. Ты неси его на то мѣсто, гдѣ былъ Ефесъ, а мы постараемся, чтобъ господа книжники пашли его.“

„И только?“

— „Нѣтъ, вотъ еще. Это брось, гдѣ хочешь; ваши книгоѣды чутьемъ прибѣгутъ на то мѣсто.“

Онъ подалъ мнѣ толстую тетрадь. На ней крупными буквами надписано было: Исторія Финикіи, сочиненіе Санхоніятона, переведъ съ финикійскаго Филонъ Библосскій.

---

(2) Такъ я читалъ во многихъ Исторіяхъ. Но мнѣ кажется— здѣсь есть анахронизмъ. Любознательный читатель можетъ самъ изслѣдовать; я только укажу на царствованіе Галліена.

— Теперь готовься читать фоліанты, разгадывающіе нашу шутку, сказалъ сѣроокій сатана.

„Нѣтъ, постой: условимся съ тобою! Обѣщай мнѣ за труды ввести у насъ на землѣ вашу бумажную моду.“

Сѣроокій обѣщалъ. Я взялъ чурбанъ и тетрадь и отправился. Пролетая черезъ Испанію я бросилъ ей тетрадь, въ подарокъ отъ всего мрачнаго царства, а самъ поворотилъ къ Ефезу. Но чурбану не суждено было достигнуть своего назначенія: я урошилъ его въ Икарское море. По словамъ Цараніуса, онъ явится чрезъ 2889 лѣтъ и два дня.

„А что же будетъ съ бумажною модой?“ спросилъ я. Она явится не ранѣе этого чурбана. „Жаль! я хотѣлъ себѣ сшить шубу изъ *пожаровъ* — чтожъ дѣлать! будемъ ожидать.

Про Санхоніатонову Исторію писали всѣ журналы, и толковала цѣлая Европа. Одинъ только я, сидя на Гимназической скамейкѣ, смѣялся изъ подъ-тишка, закрываясь учебной тетрадкой.

И. Оссовецкій. Вил. Двор. Инст.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ

	Страницы.
Гимнъ Богу	1
На смерть Пушкина	3
Кольмаръ и Орла	5
Полтава	14
Смерть Наполеона	18
Царевичъ Димитрій	23
Воспоминаніе воина	25
Смерть Орфея	28
Море	30
Землетрясеніе въ малой Азіи	32
На грозную музыку	37
Пѣснь морякa	38
Святое Озеро	41
Украинская пѣсня	42
Березина	44
Видѣніе	46
Тифонъ	50
Волна	51
Туча	55
Восходъ солнца	56
Пѣснь Славянина	59
Переселеніе	62
Могила Поэта	65
Воспоминаніе	67
Буря	70
Явленіе	72
Луна	74
Пожаръ	76
Народныя пѣсни Минской Губерніи	79

II. ПРОЗА

I РАЗСУЖДЕНІЯ

Страницы.

О произхожденіи слова человѣческаго . . 87
Сожженіе Лѳинъ и пожаръ Москвы . . . 95
Чувство изящнаго 102
Эстетическій взглядъ на міръ 108
Отъ чего меланхолическія чувствованія по существу своему грустныя, бываютъ пріятны для души нашей 113
Взглядъ на состояніе просвѣщенія въ Россіи и успѣхи образованности въ Западной Европѣ при вступленіи на престолъ дома Романовыхъ 126
Рыцарство 132
Ватерлоо 151
Нѣчто о творчествѣ 160
Четыре времени года и четыре возраста жизни человѣческой 171
Классическая и Романтическая Литература 175
О музыкѣ 182
Состояніе Просвѣщенія въ Европѣ въ XIII столѣтіи 190
Образованіе необходимо 198
Александръ Македонскій и Карлъ Великій 204
Во всѣхъ предпріятіяхъ человѣкъ долженъ выражать стремленіе къ совершенству 209
Рѣка и время 216
Человѣкъ рожденъ для неба 223
Смерть 226
Ночь 228
Дверь 231
Дорога 234

II РАЗБОРЫ

Сравненіе 20 Оды II книги Горація и стихотворенія Державина: Лебедь . . 236

Разборъ Оды Державина на смерть Мещерскаго 242
Мысли по прочтеніи стихотвореній: Памятникъ Державина, и Монументумъ Горація. 246
Нѣчто о Баснях Крылова и разборъ басни: Оселъ и Соловей 251
Звукъ, тонъ, голосъ } синонимы. . . 259
Сожалѣніе и состраданіе } . . 263

III РАЗГОВОРЫ

Италія и Россія 269
Смерть Цезаря 280

IV ПИСЬМА

О Смерти Пушкина 286
О мѣдномъ змiѣ и послѣднемъ днѣ Помпеи 290
Рыбакъ и золотая Рыбка 295
О избираніи рода службы 300
Смерть друга 307
О состраданіи къ бѣднымъ 311

V ПОВѢСТВОВАНІЯ

Ермакъ 314
Сраженіе на равнинѣ Тиберіядской . . . 317
Магометъ 323
Введеніе Христіянской вѣры въ Россію 326
Копѣйка — Гродненская быль 342
Прутъ 356
Смерть Поэта 365
Пребываніе Наполеона въ Вильнѣ въ 1812 году 378
Быль 385
Еврейская Пасха 393

Вечеръ у Артиллерійскаго Поручика . . 402
Преданіе Кавказскихъ жителей о Кази-Муллѣ 428
Воспоминаніе о Кавказскихъ водахъ . . 436

VI ОПИСАНІЯ

Понары 448
Вечерняя Заря 453
Буря 455
Ураганъ 459
Похороны 463
Мѣдный Змій 466
Простонародный бытъ Литвиновъ . . . 472
Прогулка 477
Остатки языческихъ обыкновеній въ Бѣлоруссіи 481
Описаніе Верокъ 488
Рѣка Кубань 493
Гора Эльбрусъ. 496

VII СМѢСЬ

философическій взглядъ на классную доску 502
философическій взглядъ на перо . . . 507
Поѣздка въ Адъ 511

2007055444